

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ЦЕНТР ОХРАНЫ И ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ
УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ПОЛТАВСКОЙ ОБЛГОСАДМИНИСТРАЦИИ

С. Скорый

КИММЕРИЙЦЫ В УКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Киев - Полтава
«Археология»
1999

УДК 930.26

ББК 63.4 (4 УКР.)

С 44

С 44 Скорый С.А. КИММЕРИЙЦЫ В УКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: Монография. — Киев-Полтава: Издательский центр «Археология», 1999 — 136+VIII с.: ил. — Рус.яз. — (НАН Украины. Ин-т археологии. Центр охраны и исследований памятников археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации).

В монографии исследуются киммерийские древности Украинской Лесостепи: похоронный ритуал киммерийцев, их яркий вещевой комплекс, хронология памятников.

Рассматривается одна из актуальных проблем истории предскифского времени — взаимоотношения древнейшего кочевого народа с земледельческими племенами Лесостепи.

Для археологов, историков, музейных работников, краеведов, преподавателей и студентов исторических факультетов вузов.

Автор приложения КУЛАТОВА И.Н.

Для оформления лицевой стороны обложки использовано изображение киммерийцев (?) на "понтйской" (этрусской) вазе середины VI в. до н.э. — копия с рисунка на аттической вазе (Дьяконов, 1956. — С.233. — Рис.40).

На оборотной стороне обложки изображены находки из киммерийских захоронений у сел Квитки, Носачев, Яснозорье, а также Бельского и Люботинского городищ.

© Центр охраны и исследований памятников археологии
управления культуры Полтавской облгосадминистрации, 1999

© Скорый С.А., 1996

© Приложение: Кулатова И.Н., 1996

ОБ АВТОРЕ

Скорый Сергей Анатольевич, родился в 1949 г. в г. Старый Крым (Крым). В 1979 г. окончил исторический факультет Симферопольского университета, в 1982 г. — аспирантуру Института археологии Национальной Академии наук Украины. Диссертации: “Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы)” (Киев, 1983), “Кочевники предскифской и скифской поры в Днепровской Правобережной Лесостепи (вопросы этнокультурной истории)” (Киев, 1997). Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии НАН Украины.

Автор более 100 научных работ, в том числе монографий “Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья” (Киев, 1986, в соавторстве), “Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Левобережья” (Киев, 1989, в соавторстве), “Курган Переп’ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепоного Правобережжя)” (Киев, 1990), “Стеблев: скифський могильник в Поросьє” (Киев, 1997).

Принимал участие в раскопках погребальных памятников и поселений раннего железного века в Крыму, Киевской, Черкасской, Винницкой и Полтавской областях. Один из руководителей Украинско-Польской археологической экспедиции, сделавшей сенсационное открытие в погребальном памятнике скифской элиты — Большом Рыжановском кургане, расположенном на юге Черкасской области.

В последнее время научные интересы сосредоточены в основном на изучении предскифского и скифского периодов в Украинской Лесостепи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе

4

ПРЕДИСЛОВИЕ

5

Глава 1.

КИММЕРИЙСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В УКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

7

1.1. К вопросу о состоянии источника.

7

1.2. Погребальный обряд.

Сравнительный анализ.

11

1.3. О случайных киммерийских
находках в Лесостепи.

17

Глава 2.

КИММЕРИЙСКИЙ ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС

20

Глава 3.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

49

Глава 4.

НОМАДЫ И АВТОХТОННОЕ НАСЕЛЕНИЕ: ХАРАКТЕР КОНТАКТОВ

66

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

77

КАТАЛОГ ПАМЯТНИКОВ

79

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

99

ИЛЛЮСТРАЦИИ

106

Список сокращений

135

Приложение

Кулатова И.Н.

НЕКОТОРЫЕ НАХОДКИ КИММЕРИЙСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ ПОЛТАВЩИНЫ

I-VII

*Галине Тихоновне Ковпаненко,
под чьим руководством мной были сделаны
первые шаги в изучении
лесостепных древностей
доскифской и скифской эпох.
Автор*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интерес к киммерийцам, древнейшему народу юга Восточной Европы, возник в науке давно и отличается завидным постоянством. Отечественная и зарубежная литература по проблеме — колоссальна и может являться предметом специального исследования.

Бесспорно, первостепенным в киммерийской проблеме является вопрос о соотношении определенных археологических реалий с древностями исторических киммерийцев, или иными словами, вопрос о культурной атрибутике киммерийцев. Наиболее убедительной точкой зрения представляется версия Н. Л. Членовой (1984, С. 41, 42), поддержанная рядом авторов (Белозор, 1986. — С. 12, 13; 1987. — С. 6, 8; Клочко, Мурзин, 1987. — С. 12—19; Скорый, 1991. — С. 14—25) о принадлежности киммерийцам древностей типа Новочеркасского клада 1939 г.

Напомню, что Новочеркасские памятники (наряду с Черногоровско-Камышевахскими) составляют основной слой древностей предскифской поры юга Восточной Европы. Как известно, А. И. Тереножкин, обстоятельно изучивший первые и вторые, соотносил их с позднейшими киммерийцами, датировав памятники Новочеркасской группы 750—650 гг. до н. э., Черногоровско-Камышевахской — 850—750 гг. до н. э. (1976. — С. 22, 186—207).

Ныне Черногоровские памятники аргументированно соотносят с протоскифами (Клочко, Мурзин, 1987. — С. 12—19).

В пользу мнения Н. Л. Членовой, на мой взгляд, могут свидетельствовать следующие аргументы:

1. Абсолютная хронология Новочеркасских древностей: в основном они предшествуют скифским памятникам или сосуществуют с ними на ка-

ком-то этапе, чего нельзя сказать о Черногоровских древностях.

2. Облик материальной культуры Новочеркасских памятников: они морфологически отличны от древностей скифской культуры, и не имеют с ней какого-либо генетического родства.

3. Несомненное знакомство населения, оставившего Новочеркасские древности в северопонтийском регионе, с Передней Азией, в пользу чего свидетельствуют, с одной стороны, находки переднеазиатского облика в некоторых погребениях юга Восточной Европы, с другой, обнаружение отдельных вещей Новочеркасского типа в Передней Азии. Подобные находки вполне могут рассматриваться в контексте исторических хроник о переднеазиатских военных акциях киммерийцев.

4. Географическая локализация памятников Новочеркасской группы: значительная часть концентрируется на юге Восточной Европы, в определенной степени они известны и в Карпато-Подунавье. Это совпадает со свидетельствами Геродота о понтийских киммерийцах (Геродот, IV, 11, 12) и Страбона — о союзе киммерийцев с фракийцами-трерами (Страбон, I, 61, XIV, 647).

5. Ярко выраженный кочевнический характер Новочеркасских погребений, что соответствует историческим представлениям о киммерийцах как номадах, скотоводах.

Попытки некоторых авторов трактовать памятники Новочеркасской группы в качестве надкультурного явления (металлические изделия, входящие в Новочеркасский вещевой комплекс, кавказского, точнее — кобанского производства, встречаются в достаточно широком ареале и отражают лишь высокий социальный статус их владельцев и пр.) (Ду-

Многообразие точек зрения на этот счет хорошо известно специалистам и вряд ли нуждается в характеристике.

бовская, 1986.— С. 37—39; 1987.— С. 50, 51; 1989.— С. 63—69; Махорты, 1987.— С. 169—171), хотя и были поддержаны отдельными исследователями (Алексеев, Качалова, 1989.— С. 7; Алексеев, Качалова, Тохтасев, 1993.— С. 54, 55), в целом не выдерживают критики (Ромашко, 1990.— С. 6, 7; Скорый, 1991.— С. 14—25; Сергацков, 1991.— С. 243; Дударев, 1991.— С. 32, 33).

Одной из областей распространения памятников Новочеркасской группы, помимо степного Северного Причерноморья и Северного Кавказа, является территория Украинской Лесостепи. Это обстоятельство как будто противоречит свидетельствам большинства античных авторов, помещавших киммерийцев в степном понтийском ареале или на Кавказе. Однако, нужно вспомнить сообщение Плутарха о том, что «наибольшая и самая воинственная часть их (киммерийцев — С. С.), живущая у внешнего моря, занимает землю тенистую, лесистую и туманную повсюду вследствие глубины и густоты дубрав» (Плутарх, Марий, XI). Думается, вполне правы исследователи, видевшие в описанной местности территорию Лесостепи (Шрамко, 1983.— С. 12; 1987.— С. 160, 161; Буйнов, Грубник-Буйнова, 1985.— С. 117).

Первые открытия Новочеркасских (киммерийских) древностей, в частности погребений в Лесостепи, относятся к концу XIX в. и связаны с именами известных археологов Д. Я. Самоквасова (курганы у с. Рыжановка) и А. А. Бобринского (курганы у с. Константиновка), а также — Е. А. Зноско-Боровского (курган у с. Степанцы). Однако, наиболее яркие, можно сказать, эталонные погребальные памятники киммерийцев обнаружены в указанном ареале в конце 50-х — середине 80-х гг. нынешнего столетия (у сел Бутенки, Носачев, Квитки, Ольшана, Яснозорье). Полевое изучение этих памятников в основном осуществила известная исследовательница лесостепных древностей Г. Т. Ковпаненко.

В последнее время материалы киммерийских за-

хоронений Лесостепи пополнились находками из двух курганов у с. Бандышевка в Среднем Поднестровье, исследованных в 1989—1990 гг. Ю. Н. Бойко и В. Т. Загоруйко.

Ряд киммерийских памятников был обнаружен в процессе изучения поселений предскифского времени, в частности, племен чернолесской культуры. Наиболее известные из них найдены при раскопках под руководством П. Н. Третьякова в 1946 г. на городище Замковище у с. Залевки (так называемый Залевкинский клад) и А. И. Тереножкина в 1951, 1955, и 1971 гг. на Субботовском городище в бассейне Тясмина.

Наконец, следует упомянуть о многочисленных случайных находках в Лесостепи киммерийских изделий, среди которых доминируют предметы конского снаряжения и вооружения. Находки XIX — начала XX вв. опубликованы Б. Н. и В. И. Ханенко и Н. Е. Бранденбургом, а также М. И. Вязьмитиной, А. И. Тереножкиным, Б. А. Шрамко, Г. Т. Ковпаненко, Ю. В. Буйновым, Л. П. Грубник-Буйновой и некоторыми другими авторами.

Киммерийские памятники Лесостепи в совокупности специально не изучались. Между тем, их исследование актуально, так как феномен присутствия кочевнических древностей в ареале расселения оседлых племен Лесостепи требуют объяснения. При этом вопросами, заслуживающими наибольшего внимания, представляются следующие: выявление особенностей киммерийских погребальных памятников Лесостепи (погребальный обряд, материальная культура) датировка киммерийских древностей, изучение характера контактов пришельцев-номадов и автохтонов, выяснение исторических судеб киммерийцев в Лесостепи.

В предлагаемой вниманию работе предпринята попытка ответа на указанные вопросы.

Исследование выполнено в Секторе скифской археологии Института археологии НАН Украины.

К сожалению, я не имел возможности в полной мере учесть работы моих коллег по киммерийской проблематике (С. Б. Вальчака, О. Р. Дубовской, С. Л. Дударева, С. В. Махорты, С. В. Полина, В. Р. Эрлиха), изданные после 1993 г., т. к. рукопись монографии уже находилась в издательстве.

Глава 1

КИММЕРИЙСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В УКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

1. 1. К вопросу о состоянии источника

При выделении группы Новочеркасских погребений на юге Восточной Европы А. И. Тереножкин опирался не только на данные погребального обряда (в частности, вытянутое положение покойников, их западная ориентировка) но и в немалой степени — на важнейшие виды инвентаря — предметы вооружения, конского снаряжения и пр. Позднее, вслед за В. А. Ильинской, он включил в круг Новочеркасских степных памятников могилы с вытянутыми костяками, содержавшие лепные кубки, украшенные орнаментом «жаботинского» типа (Тереножкин, 1976.— С. 96). При этом исследователь допускал, что к числу Новочеркасских погребений возможно относится определенная часть вытянутых безынвентарных захоронений, хотя в целом к этой категории памятников он относился с осторожностью: «...достоверно киммерийскими могут считаться... лишь те захоронения, возраст которых прочно подтвержден определяющими вещами» (1976.— С. 103).

В 80-х годах О. Р. Дубовская поставила под сомнение правомерность рассмотрения степных захоронений с жаботинскими кубками в качестве Новочеркасских, поскольку в указанных могилах отсутствуют металлические вещи Ново-

черкасского типа. Она подчеркнула, что безынвентарные погребения с вытянутым положением котьяков не должны оцениваться как объективные источники при выделении Новочеркасских памятников, так как они могут относиться к черноровской или раннескифской поре (Дубовская, 1986.— С. 37—39). Весьма близкое мнение по поводу безынвентарных захоронений высказал несколько ранее В. А. Коренько (1985.— С. 60, 61).

А. И. Тереножкин включал в круг лесостепных киммерийских погребений только могилы, содержавшие металлический инвентарь Новочеркасского типа — у сел Бутенки, Константиновка, Носачев, Рыжановка и др. (1976.— С. 69—87), указав, что «...в южной части лесостепной зоны встречаются погребальные памятники, которые ничем существенно не отличаются от собственно киммерийских» (1976.— С. 25). К такой оценке указанных памятников позже присоединилась А. И. Мелюкова (1989.— С. 25).

С середины 80-х гг. предпринимались попытки расширить круг лесостепных киммерийских погребений за счет отнесения к ним ряда могил, не сопровождавшихся металлическим инвентарем Новочеркасского типа. Так, в работе А. И. Кубышева, С. В. Полина, И. Т. Чернякова

такими предложено считать впускные погребения доскифского времени в курганах бронзового века в бассейнах рек Тясмин и Рось. Это, по мнению авторов, погребения в кургане №174 на р. Тенетинке, кургане №9 у с. Константиновка, курганах у сел Зеленки, Кагарлык, Россава и Берестняги (Кубышев, Полин, Черняков, 1985.— С. 151, 152). Конкретные номера поросских курганов не указаны, но речь, бесспорно, идет о следующей группе доскифских захоронений: у с. Зеленки — курган №220, погребение №8, курган № 296, погребение № 1; курган № 319, погребение № 1; курган № 343, погребение № 2; у с. Кагарлык — курган № 236, погребение № 1; курган № 238, погребение № 5; курган № 275, погребение № 2; у с. Россавы — погребение в кургане № 1, у с. Берестняги — погребение в кургане № 46 (Ковпаненко, 1981.— С. 58, 123). В работе подчеркивается близость обряда и инвентаря этих захоронений со степными могилами (Кубышев, Полин, Черняков, 1985.— С. 151).

Позже В. А. Ромашко ввел в число киммерийских правобережных погребений курганы № 15 у с. Константиновка, курган № 52 у с. Гуляй-Город на Тясмине, курганы № 92 у с. Бобрица и 26 — у с. Казаровка в Поросье, интерпретируя их (наряду с курганами у сел Носачев, Квитки, курганами № 375—377 у с. Константиновка) как аристократические захоронения киммерийцев-новочеркасцев (Ромашко, 1990.— С. 10, 11).

В Левобережной Лесостепи, кроме известного погребения в Бутенках и группы находок конского убора из впускной могилы у с. Шевченковка к Новочеркасским (киммерийским) захоронениям Ю. В. Буйновым и Л. П. Грубник-Буйновой были отнесены два погребения из

кургана № 2 у с. Любовка, погребение в кургане № 3 у с. Корбины Иваны, погребение № 4 в кургане № 1 у с. Князево (1985.— С. 108—117). В. А. Ромашко также интерпретирует, как киммерийские, могилы в Любовке, Корбиных Иванах (1987.— С. 63; 1990.— С. 13).

Таким образом, названные авторы предлагают расширить перечень лесостепных погребений Новочеркасской группы почти на два десятка погребений. Есть ли для этого серьезные основания? Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Погребение в кургане № 52 у Гуляй-Города после опубликования статьи Е. Ф. Покровской (1953.— С. 133) однозначно интерпретируется как коллективное захоронение чернолесской культуры (Тереножкин, 1961.— С. 42—43; Іллінська, Тереножкін, 1971.— С. 9; Ильинская, 1975.— С. 16, 78). Наряду с характерной лепной керамикой в погребении обнаружена типично чернолесская бронзовая спирально-щитовая сережка (Тереножкин, 1976.— С. 85). Не случайно это захоронение относят к числу наиболее выразительных погребальных памятников чернолесской культуры (Мелюкова, 1989.— С. 24, 25). Нет никаких оснований рассматривать это погребение как «аристократическое».

Неправомерно сопоставлен с памятниками Новочеркасской группы и отнесен к предскифской поре курган № 15 у с. Константиновка. Захоронение было впускным и находилось в деревянном склепе (Бобринский, 1887.— С. 34). Первостепенное значение для определения культурной принадлежности и датировки погребения имеют бронзовые удила со стремечковидными концами и бронзовый клепаный сосуд кавказского производства с боковыми ручками в виде петель. Бронзовые сосуды, аналогичные констан-

тиновскому, хорошо представлены на Кавказе в составе кладов и в погребениях, относящихся к раннескифскому времени, например в захоронениях скифского облика Тлийского могильника, датированного Б. В. Теховым VII—VI вв. до н. э. (1980.— С. 22.— Рис. 2, 15.— С. 25.— Рис. 4, 12.— С. 34.— Рис. 13, 1.— С. 47). Бронзовые удила упомянутого типа, характеризующиеся особым выделением «подножки стремечка» свисающими концами «арок» стремечка, являются принадлежностью собственно раннескифского конского убора (Эрлих, 1991.— С. 33) и для доскифской эпохи не характерны. Курган № 15 у с. Константиновка вполне правомерно относится к раннескифским памятникам (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989.— С. 152).

Вряд ли могут рассматриваться как свидетельства «проникновения киммерийского культурно-этнического элемента» в Правобережную Лесостепь, как это полагает В. А. Ромашко, погребение в кургане № 92 у с. Бобрица и курган № 26 у с. Казаровка. Обожженные кости человека и «лошади», найденные в могильной яме первого кургана в перемешанном состоянии, не являются основанием для трактовки данного погребения как степного киммерийского. Более того, обряд неполного сожжения умершего, как выясняется, имел определенное распространение в позднечернолесское время в Правобережной Лесостепи, в том же Поросье, что надежно документировано материалами кургана № 10 Стеблевского могильника на Черкасщине (Клочко, Скорый, 1990.— С. 3—4; 1993.— С. 54—64). Грунтовую яму в кургане № 26 у с. Казаровка без следов погребения и инвентаря слишком ответственно трактовать как погребение: возможно это поминальный памятник. Доскифский возраст насыпи

и, видимо, грунтовой ямы, устанавливается по типичной для чернолесской культуры чернолощеной пиксиде.

Столь же неоправданным является соотношение А. И. Кубышевым, С. В. Полиным, И. Т. Черняковым на основании сходства элементов погребального обряда (вытянутое положение на спине и доминирование западной ориентировки) с Новочеркасскими степными древностями группы в основном впускных доскифских погребений из курганов Поросья — у сел Зеленки, Кагарлык, Россава, Берестняги, а также двух тясминских погребений — в кургане № 174 на р. Тенетинка и кургане № 9 у с. Константиновка, сопровождавшихся керамикой преимущественно жаботинского типа. Эти исследователи не учли мнение Г. Т. Ковпаненко, выделившей в начале 80-х годов некоторые доскифские погребения Поросья, в том числе и упомянутые выше, в особую группу памятников VIII—VII вв. до н. э. и связавшей их с представителями позднечернолесской культуры (Ковпаненко, 1981.— С. 58, 123). У чернолесских племен, особенно в поздний период их истории наряду с обрядом кремации существовал обряд ингумации с захоронением умерших под курганными насыпями в вытянутом положении при западной ориентировке (курган № 52 у Гуляй-Города). Наличие местной лепной керамики лишь укрепляет эту версию. Дополнительным аргументом в пользу позднечернолесской принадлежности захоронения в кургане № 174 на р. Тенетинка является его биритуальность: наличие наряду с костяком, лежавшим вытянуто на спине головой на запад, частично сожженных костей другого умершего. Как отмечалось выше, ритуал неполной кремации покойников вне могилы с последующим помещением обожженных костей в могилу

имел место в позднечернолесской среде. Тезис о позднечернолесской принадлежности указанных поросских и тясминских доскифских подкурганых захоронений ныне получил авторитетную поддержку (Мелюкова, 1989.— С. 25).

Среди лесостепных левобережных погребений, относимых Ю. В. Буйновым и Л. П. Грубник-Буйновой к Новочеркасским, упоминается впускное погребение № 4 в кургане № 1 у с. Князево Харьковской области. Последнее выполнено в грунтовой яме, перекрытой деревом. Костяк умершего располагался в позе легкой скорченности, на левом боку, головой на северо-восток. Сопровождалось захоронение каменным орудием в виде мотыжки, железным черешковым ножом, кремневым отщепом, восьмерковидной бляшкой с двумя округлыми выпуклинами, бронзовыми спиральными подвесками биконической формы. Автор раскопок В. Г. Бородулин, учитывая обряд захоронения и инвентарь, интерпретировал его как чернолесское (1975.— С. 261, 262). Это мнение было впоследствии поддержано А. С. Беляевым (1980.— С. 13) и В. А. Ромашко (1984.— С. 106, 111). А. И. Тереножкин определил захоронение как степное кочевническое, неверно отнеся к древностям Черногоровской группы (1976.— С. 68). С. И. Берестнев, указав на ошибку в определении культурных и хронологических позиций погребения, датировал его Новочеркасским временем, но связал с местным позднедонецким населением Левобережной Лесостепи (1985.— С. 102, 103, 105, 106). Думается, что чернолесская, точнее — позднечернолесская принадлежность погребения более, чем вероятна. Элементы обряда — слабо скорченное положение на левом боку, северо-восточная ориентировка — находят хорошие аналогии среди

погребений чернолесской культуры Левобережья Днестра (Ромашко, 1984.— С. 111). Железный нож и бронзовые украшения, типа найденных в могиле у с. Князево, достаточно хорошо известны в чернолесской культуре.

Впускные захоронения в курганах у сел Любовка и Корбины Иваны, выполненные в срубах и деревянном ящике (покойники лежали вытянуто на спине, головой на запад, сопровождались лощеными сосудами предскифского облика) нельзя уверенно отнести к Новочеркасским, как это делают Ю. В. Буйнов, Л. П. Грубник-Буйнова, В. А. Ромашко. Возможно, прав С. И. Берестнев, усматривая их генетическое родство с населением позднедонецкой культуры указанного региона (1985.— С. 105, 106).

Итак, рассмотренные выше лесостепные погребения, определяемые некоторыми исследователями как могилы Новочеркасской группы, т. е. киммерийские, на самом деле таковыми не являются.

Для лесостепной территории, особенно ее правобережного региона, такие черты погребального обряда, как вытянутое положение умершего, западная ориентировка, не могут быть сколько-нибудь объективными этнокультурными критериями при выделении киммерийских погребений, поскольку они распространены в синхронных, надежно документированных захоронениях чернолесской культуры. В этой ситуации для лесостепной зоны первостепенную роль в качестве культурного и, видимо, этнического индикатора начинают играть именно металлические вещи Новочеркасского типа: конский убор, оружие, украшения. Следует вспомнить еще раз мнение А. И. Тереножкина, высказанное им по поводу киммерийских захоронений в целом, о том, что к таковым могут быть от-

несены только сопровождаемые «определяющими вещами» (1979.— С. 103). Именно такими являются перечисленные выше категории находок. При этом конечно должны учитываться и детали обряда и прежде всего тип погребальной конструкции, а также положение и ориентировка погребенных — в качестве второстепенных признаков.

Применительно к лесостепным памятникам такой подход нельзя считать надуманным, если принять во внимание хотя бы некоторые обстоятельства, подробно рассматриваемые далее: 1) ареал захоронений конных воинов в Лесостепи и на Правобережье в частности (большая часть из них расположена недалеко от

границы со Степью, а вовсе не в обширной зоне распространения чернолесской культуры); 2) наличие среди предметов конского снаряжения в большинстве погребений специфических деталей колесничной упряжи, находящих аналогии в синхронных памятниках Северного Кавказа и степного Причерноморья (очевидно, что оседлое население чернолесской культуры колесниц не использовало). Следовательно, нет никаких оснований считать указанные лесостепные погребения с металлическим инвентарем Новочеркасского типа могилами местного чернолесского населения, как это полагали некоторые исследователи (Напр.: Махортых, 1987.— С. 169—171; Дударев, 1991.— С. 33).

1.2. Погребальный обряд. Сравнительный анализ.

Киммерийские погребения Лесостепи (15 захоронений) сосредоточены в основном в ее южных пределах. При этом большая часть из них расположена на Правобережье Днепра (рис. 1; 2). Самыми южными по отношению к степной зоне являются оба левобережных захоронения — у сел Бутенки и Шевченковка, расположенные в междуречье Ворсклы и Псла, на расстоянии примерно 30 км друг от друга (при этом погребение в Бутенках находится на самом пограничье Левобережной Лесостепи и Степи). Наиболее северными, максимально удаленными от степной зоны погребениями являются правобережные захоронения — у с. Степанцы, в междуречье Роси и Россавы, около 140 км, и в курганах у с. Банды-

шевка в Среднем Поднестровье, примерно 120—130 км. Из правобережных киммерийских захоронений ближайшее к границе со Степью — захоронение в курганах II, V у с. Рыжановка (на расстоянии 40—45 км).

В лесостепной зоне максимальная концентрация киммерийских захоронений наблюдается в правобережной части Среднего Поднепровья: бассейн Тясмина, междуречье Тясмина и Ольшанки, Ольшанки и Роси, Гнилого и Горного Тикича. Здесь обнаружены 10 из 13 правобережных киммерийских захоронений.¹ Большая их часть — у сел Константиновка, Носачев, Ольшана, Рыжановка — расположена на расстоянии 15—38 км и образует извилистую цепочку, протянув-

¹

Возможно, еще одно киммерийское захоронение находилось у с. Мошны. Из раскопок В. В. Хвойки в этом районе в Археологическую комиссию поступили бронзовые двукольчатые удила с дополнительными звеньями для поводка, а также вещи скифского типа: 3 трехлопастных бронзовых наконечника стрел и 2 бронзовых жертвенных ножа (см.: Каталог памятников, № 27). Эти вещи вероятно происходят из различных захоронений (Тереножкин, 1976.— С. 78).

шуюся в широтном направлении от Константиновки к Рыжановке (расстояние по прямой до 80 км). Меньшая часть памятников вблизи сел Квитки, Яснозорье, Степанцы — также располагаются цепочкой, но уже в меридиональном направлении, с севера на юг. Захоронения находятся на расстоянии до 32 км друг от друга. Ближайшими лесостепными пунктами, вблизи которых обнаружены киммерийские могилы, являются Квитки и Ольшана — до 10 км.²

Во всех случаях, когда обстоятельства обнаружения киммерийских погребений известны (9), зафиксировано, что располагались они на высоких плато, возвышенностях, мысах, доминирующих над окружающей местностью. Подавляющее большинство погребений (14 из 15) совершенно под курганными насыпями. Лишь захоронение в Бутенках — бескурганное, в грунтовой могиле.

Курганы с киммерийскими захоронениями обычно входят в ту или иную группу насыпей с разновременными могилами. В одном случае, в Квитках, видимо, можно говорить об одиночном кургане. У с. Рыжановка киммерийские могилы, основная и впускная, располагались в находившихся поблизости курганах II и V. Погребения в курганах № 375—377 у с. Константиновка (одно впускное, два основных), вероятно, можно рассматривать как небольшой могильник. Похоже, что еще один киммерийский могильник обнаружен у с. Бандышевка в Среднем Поднестровье. В раскопанных двух (из семи) насыпях обнаружены основные киммерийские захоронения.

В кругу немногочисленных подкурган-

ных киммерийских погребений Лесостепи преобладают основные захоронения (8 из 14), являвшиеся единственными в кургане.

Большинство насыпей киммерийского времени зафиксированы в нарушенном состоянии, что не позволяет объективно оценить первоначальные размеры курганов. Лишь три (не нарушенные распахкой) имели следующие размеры: Константиновка, курган № 376 — высота 2,5, диаметр 30 м; Константиновка, курган № 377 — высота 2, диаметр 53 м; Квитки — высота 2,5 м, диаметр не ясен. Учитывая эти данные, а также размеры еще двух из четырех киммерийских курганов, подвергавшихся в различной степени распахке, можно думать, что обычная высота насыпей киммерийского времени равнялась 2—2,5 при диаметре 30—40 м. Видимо, значительные размеры имел лишь курган № 11 у с. Степанцы, названный его исследователем, Е. А. Зноско-Боровским, «большим».

Данные об устройстве насыпей киммерийских курганов Лесостепи крайне скудны. В Среднем Поднестровье они сооружались из чернозема, в Среднем Поднестровье, наряду с черноземными насыпями (Бандышевка, курган № 2), известны насыпи, состоящие из камней и пластов дерна (Бандышевка, курган № 1).

В двух случаях зафиксированы внекурганные конструкции. В кургане у с. Квитки — в виде кольцевого рва (диаметр по внешнему краю 38, глубина от материка — не менее 1 м), имеющего в разрезе вид усеченного конуса.³ Курган у с. Степанцы был окружен насыпным валом (диаметр 63, высота до 4, ширина до 2,5 м).

² Учитывая вероятность нахождения еще одного киммерийского погребения в Мошнах, ближайшими пунктами Лесостепного Правобережья могли быть Яснозорье и Мошны — примерно 8 км.

³ Ров прослежен частично.

Нет сведений о том, являлось ли сооружение насыпи одноактным действием или имели место последующие досыпки.

Киммерийские захоронения — основные, и впускные — располагались либо в центре подкурганной поверхности, либо в центре насыпи.

Тип могил в четырех случаях (Яснозорье, Шевченковка, Таганча, Рыжановка, курган II) не ясен. В трех случаях киммерийские погребения выполнены на уровне горизонта (два основных, одно впускное), в семи — в грунте, все основные. При этом типы могил варьируются.

В двух случаях (Квитки, Константиновка, курган 375) погребения на уровне горизонта были перекрыты шатровидными конструкциями, конкретное устройство которых нельзя установить (рис. 5, 1). Неясно также, какой была конструкция под «шатром» (в кургане № 375 у с. Константиновка это «выкладка из бревен»). Не исключено, что могильное сооружение представляло собой склеп. В кургане V у с. Рыжановка, на уровне древнего горизонта, располагался деревянный склеп непонятной конструкции.

Могилы в виде простых грунтовых ям прямоугольной формы довольно больших размеров известны в двух курганах: № 376 у с. Константиновка (3,8×3,4×0,6 м), № 11 у с. Степанцы (7×4×1,5 м). Пол константиновского погребения был выстлан деревом, перекрытие изготовлено из досок, уложенных поперек. Ориентировка по оси восток — запад.

Могилы в обоих курганах у с. Бандышевка, очевидно, имели одинаковую конструкцию — в виде обширных ям (размеры 2,9×3,2×1,7 м; 6×5,7 — 6,2 м), стены которых, судя по лучше сохранившейся могиле в кургане № 1, наполовину были

обложены известняковыми плитами.⁴ Вокруг могил располагался кольцевой вал из материковой глины шириной 3—6,2 м, высотой 0,4—0,75 м (рис. 3; 4). По мнению исследователей курганов, наряду с обычными перекрытиями, над могилой была сооружена конструкция из плах, опиравшаяся на материковый кольцевой вал (шатрообразная? — С. С.).

В курганах у с. Носачев и № 377 у с. Константиновка могилы представляли собой деревянные склепы, помещенные в грунтовые ямы, ориентированные по оси восток — запад, северо-запад — юго-восток. Размеры склепа в Константиновке 4,5×3,5×1 м. Судя по описанию, над последней могилой, помимо перекрытия, просевшего к моменту раскопок, была возведена конструкция из двух деревянных крыш, опиравшихся на кольцевой вал, располагавшийся вокруг могилы («глиняные устои»). Похоже, что этими конструктивными деталями могила в кургане № 377 аналогична курганам вблизи Бандышевки на Среднем Днестре.

Могила в Ольшане представляла собой деревянную частокольную гробницу (49 столбов) размерами 4,8×3,9 м, ориентированную по оси север — северо-запад — юг — юго-восток (рис. 9; 15).

Захоронение у с. Бутенки выполнено в небольшой яме, размеры и форму которой установить не удалось.

В двух из 11 случаев (когда есть данные о погребальном сооружении) имело место поджигание деревянных частей могилы — шатровидной конструкции (Константиновка, курган № 375), или сложного перекрытия (Бандышевка, курган № 1).

Поскольку почти 50% погребений полностью или частично разрушены, сведения о некоторых деталях обряда весьма

⁴

Благодарю Ю. Н. Бойко за разрешение использовать материалы его раскопок в работе.

неполные. Тем не менее, можно утверждать, что господствующим ритуалом погребения киммерийцев в Лесостепи был обряд ингумации: в пяти случаях зафиксированы костяки, в двух сохранились отдельные кости. Подавляющее число погребений одиночные и, судя по инвентарю, мужские. Определенным исключением является могила в кургане № 377 у с. Константиновка. По описанию А. А. Бобринского, в ней было найдено два костяка: женский (к нему, вероятно, относятся бусина и кусок «разложившейся» серебряной проволоки от украшения) и нарушенный, очевидно мужской, рядом с которым располагались звено бронзовых двукольчатых удил, сосуды и др. Несмотря на нарушение могилы вследствие ограбления, парность погребения требует особого рассмотрения, о чем речь пойдет ниже. Помимо пола одного из погребенных в Константиновке, антропологически определены также останки захоронения в кургане у с. Ольшана. Им оказался мужчина, подросток 14—15 лет (рис. 16).⁵

Поза погребенных известна в пяти случаях, ориентировка в четырех. В трех могилах умершие лежали вытянуто на спине, двое из них головой на запад (Константиновка, курган № 376, Носачев), один (Ольшана) — на юг — юго-восток. В курганах у с. Рыжановка оба погребенных располагались в скорченном положении, один из них (курган V) — на левом боку, головой на запад.

Обряд кремации (полной) зафиксирован лишь в грунтовой могиле у с. Бутенки. Указанное захоронение на фоне известных могил в целом выглядит необычно.

Среди иных лесостепных погребений достаточно оригинальной представляется и могила в Носачеве, где умерший сопровождался одним или несколькими взнузданными (?) конями, располагавшимися выше перекрытия могилы.⁶

Напутственная пища в виде костей домашних животных зафиксирована в двух случаях (Константиновка, курганы №№ 376, 377). В первом из них кости овцы располагались за головой погребенного. Наличие мясной пищи в могиле не являлось обязательным для киммерийского погребального обряда, в отличие от скифского. В четырех курганах (Квитки, Бандышевка, курган № 1; Константиновка, курган № 375, 376) Обнаружены следы тризны, в виде костей животных и битой посуды.

Несмотря на то, что большая часть киммерийских могил ограблена и разрушена (9 из 15 захоронений), в целом можно составить представление об их вещевом комплексе. По количеству и по составу инвентарь могил не является идентичным, что несомненно отражает различный социальный статус погребенных (напомню, что почти все погребения — мужские). Практически во всех погребениях (в 14 из 15) присутствует конская упряжь — от одного (Константиновка, курган № 375, Рыжановка, курган II) — двух (Шевченковка) наборов — до четырех (Бутенки), пяти (Ольшана) и даже шести (Квитки) комплектов. Некоторые могилы, помимо комплекта узды, содержат немногочисленное вооружение — наконечники стрел (Константиновка, курган № 376), железный наконечник копья (Рыжановка, курган V), глиняные сосу-

⁵ Определение С. И. Круц.

⁶ По свидетельству бульдозериста, планировавшего курган, под конскими костяками располагались детали конского убора и другие находки.

ды. В других, наряду с несколькими наборами конской упряжи, хорошо представлено вооружение — наконечники стрел, одно (Бутенки) или два (Носачев) копья, железный меч или кинжал (Носачев). Наиболее содержательны по инвентарю два захоронения — в Квитках и Ольшане — очевидно, могилы наиболее знатных киммерийцев.

В первой из них вооружение состоит из колчанного набора (42 стрелы), двух копий с железными наконечниками, фрагментированного железного кинжала или меча с золотыми деталями ножен, железного топора. Деталью воинской амуниции является также каменный оселок. Из орудий труда обнаружено железное тесло. Посуда представлена разнообразными глиняными сосудами и бронзовым импортным.

По количеству сопровождавших погребенного вещей (очевидно, не все они попали в руки исследователей)⁷, масштабам погребального сооружения (разрушенная погребальная конструкция охватывала площадь 22×15 м) захоронение в Квитках не имеет себе равных среди известных киммерийских погребений юга Восточной Европы. Видимо, с определенной долей вероятности можно допустить, что в кургане у с. Квитки в Поросье был похоронен один из киммерийских племенных вождей ("царей" Геродота), чье объединение контролировало южные пределы Украинской Лесостепи. Свидетельство Геродота (IV,11) о захоронении киммерийских «царей» у реки Тирас, видимо, относится к более позднему периоду киммерийской истории.

Во втором погребении, в Ольшане, на-

ряду с многочисленными принадлежностями конского снаряжения, содержится значительное количество вооружения — колчаный набор (92 стрелы), 2 железных наконечника копья, 3 фрагментированных железных кинжала, а также каменный оселок, железный нож, 4 глиняных сосуда и пр.⁸ Одной из отличительных черт этого погребения является присутствие золотых гривны и подвесного украшения, свидетельствующих о весьма высоком социальном положении погребенного подростка. Стоит подчеркнуть, что золотая гривна до находки в Ольшане ни разу не встречалась в киммерийских захоронениях. Учитывая это обстоятельство, а также количество напутствующих вещей, главным образом вооружения и конского снаряжения, превосходящее аналогичный инвентарь в погребениях взрослых мужчин-киммерийцев, вполне можно полагать, что подросток, погребенный в Ольшане состоял в родственных связях с представителями военно-кочевой знати киммерийцев. По-видимому, это сын или младший брат одного из племенных вождей, возможно погребенного в Квитках.

Местоположение (далеко не всех) предметов сопровождающего инвентаря достоверно зафиксировано лишь в пяти могилах и не было строго определенным. Обычно вещи находятся в непосредственной близости от погребенного, но в кургане у Носачева они размещены над могилой, очевидно на перекрытии. Конский убор располагался за головой покойника (Константиновка, курган № 376), слева (Ольшана) или справа (Рыжановка, курган № II) от него. Разнообразная посуда

⁷ Хочу напомнить, что большинство вещей из кургана в Квитках исследователям пришлось собирать у местных жителей (Ковпаненко, Гупало, 1984. — С. 39).

⁸ Г. Т. Ковпаненко и С. А. Скорым сдана в печать статья, посвященная детальному анализу киммерийского захоронения в Ольшане.

ставилась справа за головой и в ногах (Константиновка, курган № 375), у головы (Рыжановка, курган № V), справа (Ольшана) или слева (Рыжановка, курган № II) от погребенного. Золотые гривна и подвеска (Ольшана) найдены в области груди.

Приведенные сведения говорят о том, что обряд погребения в киммерийских могилах Лесостепи не был строго регламентированным: за исключением подкурганного характера захоронения, ингумации, одиночности погребенных, большинство его элементов варьируется. Вместе с тем, можно говорить об устойчивости и доминировании некоторых черт обряда. Так, преобладают основные захоронения (известны и впускные), могилы в грунте (зафиксированы и на древнем горизонте), деревянные, достаточно обширные склепы различной конструкции, иногда с шатровидным перекрытием (открыты также простые грунтовые могилы небольших размеров), покойники лежат вытянутые на спине, ориентировка в западном секторе (имеет место и скорченное положение умерших, ориентированных в ином направлении). Деревянные конструкции могил в некоторых курганах имели следы горения.

Данные об обряде немногочисленных киммерийских захоронений с вещами Новочеркасского комплекса, разбросанных на огромном пространстве степной зоны Восточной Европы — от Подунавья (Ендже, Белоградц, курган Птичата Могила) на западе (Попов, 1932.— С. 97—102; Тончева, 1974.— С. 26—28; 1980.— С. 5—52) до Нижнего Поволжья (Барановка-I, курган №10) на востоке (Сергацков, 1991.— С. 240—244) свидетельствуют о близости с ритуалом рассмотренных выше лесостепных киммерийских погребений по ряду показателей. Степ-

ные подкурганные погребения выполнены по обряду ингумации как в обычных грунтовых могилах, перекрытых деревом (Барановка, Великая Александровка, Колпаковка, курган №1, погребение №1) Ендже (Кубышев, Полин, Черняков, 1985.— Рис.1, 1—2; Марина, Ковалева, Ромашко, 1982.— С. 7,11.— Рис.2, 1—2), так и в могилах в виде склепа (Белоградц, Березки) (Лапушнян, 1977.— С. 37—39), сруба (Балки, Высокая Могила, погребение №2) (Бидзиля, Яковенко, 1974.— С. 148—159), имеющих столбовую конструкцию (Зольное) (Щепинский, 1962.— С. 61—64). Некоторые могилы имели шатровидное перекрытие (курганы Уашхиту, Северный Кавказ) (Эрлих, 1990.— С. 59—61). Деревянные части отдельных могил несут следы обожженности (Белоградц, Великая Александровка). Преобладает вытянутая на спине поза покойников, хотя известно вытянутое положение на правом боку (Зольное) и скорченное (Березки, Колпаковка). Доминирует западная ориентировка или ориентировка в западном секторе (северо-запад, юго-запад). Жертвенная пища в погребениях достоверно не известна. Все могилы мужские, одиночные.

В двух случаях погребенные сопровождались захоронениями боевых коней — в кургане Уашхиту (четыре лошади) и кургане Гиреева Могила близ станции Аксай (две лошади) на Северном Кавказе (Мелентьев, 1967.— С. 38—44). Положение вещей, аналогичных найденным в лесостепных захоронениях, в степных могилах примерно такое же. Сосуды располагаются в ногах (Высокая Могила, гробница №2), справа у колен, у головы слева (Великая Александровка), в ногах и за головой (Ендже), конский убор — у руки (Ендже). В кургане у с. Зольное, по наблюдению исследователя памятника

А. А. Щепинского, инвентарь находился на перекрытии могилы, т. е. имела место ситуация, близкая отмеченной в носачевском погребении (Щепинский, 1962.— С. 57—65).

Таким образом, по данным похоронного ритуала, лесостепные и степные погребения с инвентарем Новочеркасского облика составляют единый круг древностей, оставленный одним киммерийским населением.

Отличительная черта степных погребений юга Восточной Европы в том, что все они — впускные. Основные подкурганые захоронения с вещами Новочеркасского типа известны, помимо Лесостепи, на Северном Кавказе (упомянутый курган Уашхиту). Бесспорно, эти различия не случайны и отражают историко-

политическую ситуацию в различных регионах.

Одним из возможных объяснений «впускного» характера киммерийских погребений в степном ареале может быть то, что названные кочевники (как это ни покажется парадоксальным и противоречащим данным письменных источников) не занимали прочного военно-политического положения в указанном регионе.

Сходная картина наблюдается в Северопричерноморской Степи в период скифской архаики, когда здесь известно лишь немногим более трех десятков в основном впускных скифских захоронений, наглядно демонстрирующих, что Степь не являлась в этот период основной зоной обитания скифов.

1.3. О случайных киммерийских находках в Лесостепи

Осознавая первостепенную ценность для разнообразных исторических построений данных погребальных памятников, считаем необходимым сказать, несколько слов о так называемых случайных находках киммерийского облика, которые несомненно дополняют и конкретизируют общую картину присутствия киммерийских древностей в Лесостепи. Все они представлены аксессуарами воинского набора киммерийцев. Часть из них, видимо, является инвентарем разрушенных захоронений.

Обратим внимание на такие аспекты как географическое положение находок, их возможная концентрация в пределах

определенного района, территориальное расположение относительно погребальных комплексов.

На территории Лесостепной Украины известно 18 пунктов, где обнаружены случайные находки (16 — на Правобережье, 2 — на Левобережье)⁹ (рис. 1, III). Это количественное соотношение вполне соответствует данным по погребальным памятникам этого региона: 13 — на Правобережье и 2 — на Левобережье, что несомненно должно приниматься во внимание при реконструкции исторических процессов на правом и левом берегах Днепра.

В 17 пунктах обнаружены детали кон-

⁹

За пределами Украины, в восточноевропейской Лесостепи, известна еще одна случайная киммерийская находка — двукольчатые бронзовые удила с дополнительными звеньями для поводка — близ Воронежа у слободы Ездокской Коротоякского района (Иессен, 1953.— С. 66; Тереножкин, 1976.— С. 42).

ской упряжи (15 из них — на Правобережье), в одном — наконечник стрелы Новочеркасского типа (Лесостепное Правобережье, г. Корсунь-Шевченковский).

Наиболее северным из пунктов в Лесостепи, где зафиксированы случайные находки киммерийского типа, является с. Теремки вблизи г. Каменец-Подольский в Среднем Поднестровье, удаленное от степного ареала примерно на 160 км. Здесь были обнаружены бронзовые удила с наглухо соединенными псалиями типа «Константиновка-Ендже». Данный пункт расположен примерно в 120 км к северо-западу от киммерийских захоронений у с. Бандышевка.

В Лесостепном Правобережном Поднепровье самая северная случайная находка происходит из с. Пищальники на р. Россава (левый приток Роси, Киевщина). Здесь найден бронзовый литой трехпетельчатый псалий. Это место находится в 12 км к северу от с. Степанцы, где известно киммерийское захоронение, и примерно в 150 км от степного региона.

На Левобережье обе случайные находки обнаружены почти на пограничье со Степью (села Коломак и Лихачевка), но, если принять во внимание найденные случайно на Басовском городище двукольчатые бронзовые удила с дополнительными звеньями и длинновтульчатые наконечники стрел Новочеркасского типа, становится очевидно, что и в этом регионе распространение киммерийского влияния на север охватывает примерно такую же территорию, как и на Правобережье, до 150 км.

Таким образом, находки из упомянутых пунктов и особенно Правобережья материально документируют северную границу киммерийского продвижения в Лесостепь — примерно 150—160 км.

Картографирование случайных нахо-

док указывает на два основных района их концентрации в пределах Лесостепного Поднепровья (рис. 1, III). Один из них можно условно назвать северным, другой — южным. В первом зафиксированы находки из пунктов Пищальники, Канев, Зеленки, Яблоновка, Бровахи, Корсунь-Шевченковский, Мошны. Все они расположены на небольшом расстоянии друг от друга (3—14 км), вдоль берега Днепра, примерно на 46—48 км. В ареале этих находок известны два киммерийских захоронения — в Степанцах (в 3 км к юго-востоку от с. Яблоновка) и в Яснозорье (в 6 км к северо-востоку от с. Мошны).

Возможно, сосредоточение части этих случайных находок (Пищальники, Канев, Яблоновка, Зеленки), наряду с погребениями в Степанцах в районе Канева, объясняется наличием бродов-переправ на Левобережье. По данным днепровских лоций, существовавших до заполнения Каневского водохранилища, от с. Пекари (южнее Канева) вверх по Днепру имелся ряд мелей — 1,3—1,6 м (при обычной глубине реки 2—5 м). Достоверное использование этих бродов в эпоху Киевской Руси (Блажевич, 1989. — С. 22—23), не исключает их более раннего существования — в киммерийско-скифское время. Похоже об этом свидетельствует значительная концентрация в районе Канева поселений и погребений скифской эпохи (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. — С. 4. — Рис. 1).

Вероятно, киммерийцы стремились осуществлять определенный контроль над переправами на Днепровское Левобережье в этом районе. Весьма сходная ситуация имела место в предскифское время на Дунае — здесь наблюдается концентрация кочевнических предскифских могил на Чепеле (Будапешт) и в Бекаш-

медьере — районах важнейших переправ (Кеменцеи, 1986.— С. 143).

Во втором районе отмечена меньшая концентрация случайных находок. Три пункта находятся в бассейне Тясмина (Жаботин, Оситняжка, Пастырское), один — в верховьях р. Ингулец (район Кировограда). Пожалуй, лишь два из них — Оситняжка и Пастырское — расположены в непосредственной близости, примерно 3,5—4 км друг от друга. Ближайшее киммерийское захоронение (Носачев) находится в 18 км к северо-западу от Оситняжки.

Приведенные данные о случайных на-

ходках киммерийских вещей в Лесостепи (а некоторые из них, видимо, являются вещами из разрушенных погребений) также, как и материалы погребальных памятников, свидетельствуют об основной концентрации киммерийских древностей в пределах Лесостепного Поднепровья — в бассейнах рек Тясмина и Роси.

Данная ситуация становится еще более отчетливой и объективной при учете немногочисленных киммерийских находок на поселениях лесостепного ареала. Но речь о них пойдет далее.

Глава 2

КИММЕРИЙСКИЙ ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС

КОНСКАЯ УПРЯЖЬ

Как уже отмечалось, наиболее распространенными находками в киммерийских погребениях Лесостепи являются принадлежности конской упряжи: отлитые из бронзы удила и псалии, разнообразные бляхи, кольца, а также некоторые детали, изготовленные из кости и серебра и остатки кожаной ременной основы, засвидетельствованной в некоторых могилах (Квитки, Носачев). Наряду с погребениями (13 могил) известно 15 случайных находок деталей конского убора, и в четырех случаях принадлежности узды обнаружены на поселениях. Таким образом, детали конского снаряжения происходят примерно из 31 пункта Лесостепи.

Бронзовые удила и псалии, обнаруженные в Лесостепи и составляющие основу конского убора, относятся к типам, выделенным в свое время на материалах Северного Кавказа А. А. Иессеном (1953.— С. 52—56). Впоследствии в той или иной степени они неоднократно рассматривались исследователями, в том числе, наряду с иными деталями узды, весьма обстоятельно А. И. Тереножкиным (1976.— С. 153—155). Недавно аналогичные детали конской упряжи стали предметом исследования (на материалах Закубанья) В. Р. Эрлиха (1991.— С. 34.— Рис. 1). Один из типов удил и псалиев,

имеющих аналогии на территории Лесостепи, рассмотрен в работе С. Б. Вальчака (1993).

В Лесостепи встречаются удила и псалии двух типов. Также, как в памятниках Новочеркасской группы степного региона и Северного Кавказа, доминирует тип двуколычатых удил (тип I, по А. А. Иессену и В. Р. Эрлиху). Они представлены 31 находкой, 23 из которых найдены в могилах. Шесть экземпляров происходит с территории Левобережья: 5 из погребений, один — с Басовского городища. Большая часть находок найдена на Правобережье. Восемнадцать экземпляров обнаружены в захоронениях, шесть — случайные находки (в двух случаях это одно из звеньев удил), одни удила входили в состав клада.

Удила различаются в мелких деталях. Как правило, одно из двух колец звеньев (крайнее) большего диаметра, но встречаются экземпляры удил с кольцами одинакового размера (Жаботин, курган № 2; Шевченковка; Среднее Поднепровье) (рис. 8, 20—21; 17, 11; 20, 3). Удила из кургана у с. Степанцы отличаются от иных лесостепных экземпляров небольшими прямоугольными выступами на внешних кольцах звеньев (литики ?) (рис. 17, 8). Удила с аналогичным оформлением колец происходят из кургана у с. Благодаровка

в Поволжье (Тереножкин, 1976.— С. 27.— Рис. 3, 1).

Более половины удилов имеют грызла с рифлением в виде квадратиков, расположенных в два-три ряда, поверхность остальных экземпляров — гладкая. Одна из пар удилов, найденных в Бутенках, имеет на грызлах острые шипы. Большая часть удилов снабжена дополнительными звеньями для крепления ремennого повода. Для них обычна следующая форма — круглый стержень, с одной стороны которого находится кольцо, соединяющее его с грызлом, на другом, изогнутом конце — круглая плоская шляпка. В степной части Северного Причерноморья известны звенья для крепления повода только этой формы, на Кавказе внешний вид дополнительных звеньев варьируется. Остатки ремней оголовий, сохранившиеся в кургане у с. Квитки, демонстрируют способ крепления повода к дополнительному звену: ремень через узкий разрез одевался на шляпку (рис. 5, 11). Достаточно своеобразными на фоне лесостепных находок выглядят звенья двукольчатых удилов, найденных случайно на Басовском городище в бассейне Сулы. Нижняя часть звеньев оформлена в виде полого цилиндра, на боку которого расположена выступающая круглая кнопка для крепления повода (рис. 24, 6). Аналогии им в лесостепных и степных погребениях отсутствуют. Однако, удила с близким по типу оформлением дополнительных звеньев найдены в кургане №35 могильника Фарс в Закубанье (Адыгея) (Эрлих, 1991.— Рис. 4). Оригинальны также дополнительные звенья одной из пар удилов, найденных в Квитках (рис. 5, 10). Они представляют ажурные пряжки в виде решет-

ки, одна из сторон которой оформлена как желобчатая застежка, вторая — в виде стержня с перекрестием и двумя волютами.

По внешнему виду эти звенья весьма напоминают ажурные бляхи от конского убора, найденные в Носачеве, чье переднеазиатское происхождение более, чем вероятно (о чем будет сказано ниже). Вполне допустимо, что упомянутые звенья являются репликой ассирийских уздечных блях.¹⁰ Аналогичное оформление дополнительных звеньев удилов ни в киммерийских, ни в переднеазиатских древностях пока не известно.

Необычны бронзовые удила, обнаруженные случайно в Киевской губернии. Их наружные концы, к которым крепился ремennый повод, имеют вид прямоугольной рамки (рис. 20, 1). Не ясно назначение бронзового стержня, пропущенного через внутреннее кольцо одного из звеньев этих удилов (Бобринский, 1910.— С. 60.— Рис. 14; Иессен, 1953.— С. 66.— Рис. 9, 3). По мнению Н. Л. Членовой, дополнительные звенья, оформленные подобным образом, встречаются на удилах в Западной Европе, относящихся к ступени Болонья III А, т. е. примерно к 680 г. до н. э., по К. Килиану (Членова, 1984.— С. 33).

Все без исключения двукольчатые удила, обнаруженные в погребениях Лесостепи, находились в комплексе с «классическими» Новочеркасскими трехпестельчатыми псалиями — стержневидной формы с нижним концом в виде изогнутой лопасти и верхним, оканчивающимся круглой плоской шляпкой (тип I, по А. А. Иессену, тип Ib, по В. Р. Эрлиху). Аналогичная ситуация наблюдается в

¹⁰

Модифицированным вариантом блях из Носачева эти бляхи считают также А. Ю. Алексеев (1992.— С. 81), М. Н. Погребова и Д. С. Раевский (1992.— С. 184).

степной зоне Северного Причерноморья и в Прикубанье, чего в целом нельзя сказать о Северном Кавказе, где помимо названных псалиев в комплексе с двукольчатыми удилами встречаются и иные разновидности псалиев (Иессен, 1953.— С. 60.— Рис. 5; Виноградов, Дударев, Рунич, 1980.— С. 186.— Рис. 1, 5.— С. 192.— Рис. 5, 13, 17; Лесков, 1984.— С. 151.— Рис. 2, 4, 7, 8; Эрлих, 1991.— С. 35; Дударев, 1991.— Табл. 22; 25). Правда, следует указать, что у псалия, случайно обнаруженного у с. Пищальники, нижний конец лопасти по форме напоминает корытце, что несколько выделяет его из совокупности лесостепных находок (рис. 20, 9).

Двукольчатые удила и трехпетельчатые псалии, как один из типов деталей конского снаряжения, бесспорно сложились на Северном Кавказе, очевидно в кобанской среде, пройдя длительный эволюционный путь (Иессен, 1953.— С. 127; Тереножкин, 1976.— С. 153; Котович, 1982.— С. 29, 31; Клочко, Махортых, 1987.— С. 71—72; Махортых, 1991.— С. 65; Дударев, 1991.— С. 55—58). В указанном ареале имеются их генетические прототипы: удила и псалии представлены там большим числом и отличаются значительным многообразием в оформлении (Виноградов, Дударев, Рунич, 1980.— С. 182.— Рис. 2, 10.— С. 190.— Рис. 4, 14; Дударев, 1991.— Табл. 22; 24). Интересен вопрос о месте изготовления указанных деталей узды, найденных в лесостепных и степных памятниках. Учитывая приведенные выше факты, можно предположить их кавказское происхождение. Несомненно, что первые образцы сбруи этого типа попали в Северное Причерноморье с территории Кавказа одно-

временно с киммерийцами (Граков, 1977.— С. 109; Дударев, 1991.— С. 57). Вместе с тем, принимая во внимание некоторые обстоятельства, видимо, можно допустить и северопонтийское происхождение части из них. Об этом, на мой взгляд, в первую очередь свидетельствует внешняя простота и однотипность большинства образцов, что отличает их от кавказских экземпляров. В пользу данного предположения свидетельствуют и оригинально оформленные дополнительные звенья удила из Квиток, выполненные, как уже отмечалось, в подражание ассирийским уздечным бляхам. Примечательно, что в области ананьинской культуры Прикамья, где известно значительное количество вещей кавказского происхождения, в том числе принадлежностей конской упряжи, двукольчатые удила отличаются большим разнообразием, чем в северопонтийском регионе и находят хорошие кавказские аналогии (Халиков, 1977.— С. 219.— Рис. 81, 1—2; Патрушев, Халиков, 1982.— Табл. 77, 1а). Учитывая обряд захоронений, в которых найдены указанные предметы (типично ананьинский), исследователи этих погребальных памятников рассматривают данные элементы упряжи как свидетельство межплеменных связей древнего населения Прикамья с кавказским ареалом (Халиков, 1977.— С. 257; Патрушев, 1984.— С. 111—113).¹¹

Таким образом, если высказанное предположение верно, двукольчатые удила Северного Причерноморья вполне могут трактоваться как элемент собственно киммерийской культуры, хотя, естественно, их прототипы связаны с Кавказом.

Ко второму типу удила и псалиев, встреченных в киммерийских могилах

¹¹

На этот счет существует и иное мнение (Погребова, Раевский, 1992.— С. 220—221).

Лесостепи и в качестве случайных находок, относятся бронзовые удила, отлитые вместе с псалиями типа «Константиновка-Ендже» (или IV тип по В. Р. Эрлиху). По сравнению с удилами и псалиями рассмотренного выше типа, они представлены весьма незначительным числом: четыре экземпляра происходят из четырех пунктов Правобережья. Два найдены в могилах — кургане №376 у с. Константиновка (рис. 7, 6) и кургане у с. Ольшана (рис. 14, 5) в бассейне Тясмина, два являются случайными находками. Одни из них (с. Теремцы, Среднее Поднестровье) найдены на поле вне погребального комплекса (рис. 21, 1). Условия обнаружения других (найденны на Кировоградщине (?), хранятся в Кировоградском областном краеведческом музее) не известны (рис. 21, 2). Следует подчеркнуть, что подобные детали конского убора в предскифских древностях представлены крайне незначительно. Помимо украинской Правобережной Лесостепи, четыре пары удил найдены в степном Закубанье: 2 экз. в кургане на возвышенности Чишхо близ аула Тауйхабль (Тов, 1989.— С. 40.— Рис. 41, 2), один — близ Майкопа (Иесен, 1953.— С. 92), еще один — в разрушенном погребении у хут. Ленина Советского района г. Краснодара¹² и один в киммерийском погребении у с. Ендже (Царевброд) в Болгарии (Попов, 1932.— С. 97—102.— Рис. 85—97).

Во внешнем оформлении этих конструктивных частей упряжи, обнаруженных в Лесостепи, есть определенные отличия. У двух удил, из кургана №376 у с. Константиновка и Кировоградского му-

зея, верхняя часть псалиев, со шляпкой, примерно в 2 раза короче нижней части, выполненной в виде лопасти. По этому признаку названные экземпляры сближаются с удилами найденными близ аула Тауйхабль. Верхняя часть псалиев у экземпляров из Ольшаны и Теремцов равна почти по размерам нижней части. Аналогичными пропорциями характеризуются удила, обнаруженные в Ендже. За исключением удил из Константиновки, грызла остальных лесостепных экземпляров покрыты рифлением в виде квадратиков, что напоминает обычные двукольчатые удила. Поверхность константиновских удил — гладкая.

Грызла удил этого типа, найденных за пределами Лесостепи, имеют рифление (Тауйхабль, Ендже).¹³ На экземплярах из Ольшаны и Теремцов имеются дополнительные звенья для крепления повода обычного типа, у двух иных лесостепных удил они отсутствуют. Аналогична ситуация с экземплярами, найденными вне пределов Украинской Лесостепи. На одном из них есть дополнительные звенья (Ендже, один из уборов Тауйхабля), на других они отсутствуют (другой набор из Тауйхабля). Таким образом, удила рассматриваемого типа, происходящие с территории Лесостепи, не имеют каких-либо локальных особенностей по сравнению с удилами, найденными за пределами этого региона.

По поводу происхождения удил типа «Константиновка-Ендже» высказано две основные точки зрения. Еще в начале 50-х годов Г. Т. Ковпаненко, публикуя три пары бронзовых удил закавказского типа

¹² Раскопки О. П. Куликовой 1982 г. Материалы не опубликованы. Сведения о находке см: Вальчак, 1993.— С. 23.

¹³ На рисунке, приводимом в монографии А. И. Тереножкина (1976.— С. 43.— Рис. 16, 8), грызла удил из Ендже изображены гладкими. При осмотре этой находки в Национальном историческом музее в Софии выяснилось, что они имеют рифленую поверхность.

с территории Лесостепи, отлитых вместе с псалиями, высказала мнение о том, что удила типа «Константиновка-Ендже» являются их локальным вариантом (Титенко, 1954.— С. 80). Однако, сходство этих удил чисто формальное. Бесспорно, большего внимания заслуживает предложенная В. Р. Эрлихом точка зрения о формировании удил типа «Константиновка-Ендже» на базе местных типов, но с использованием переднеазиатского принципа жесткого крепления удил и псалиев" (1991.— С. 39).¹⁴ Несомненная близость этих удил двуколычатым удилам Новочеркасского типа и псалиям с нижним концом в виде изогнутой лопасти и верхним, имеющим круглую шляпку, говорит о том, что первые являются модификацией вторых. Как отмечал А. А. Иессен, появление удил целиком отлитых вместе с псалиями, повлекло за собой изменение в конструкции ременной части оголовья: нащечный ремень уже не разделялся на три отростка по числу отверстий — как это было в случае с трехпетельчатыми псалиями, а целиком пропусклся через одно отверстие и закреплялся в нем (1953.— С. 92). Идея таких удил была заимствована киммерийцами или какой-то группой северокавказского населения, скорее всего, в Передней Азии в период киммерийских походов. Удила, отлитые вместе с псалиями, несомненно способствовали более «жесткому» управлению конем, чем обычный убор Новочеркасского типа. Несмотря на это, по непонятным причинам, удила типа «Константиновка-Ендже» широкого распространения в киммерийской среде не получили. С. Л. Дударев, учитывая находки из аула Тауйхабль,

предположил, что местом выработки (а соответственно и производства) данного типа удил могло быть степное Закубанье — Адыгея (1991.— С. 61). Вовсе не исключая этого, в равной степени можно допустить, что изготавливались подобные удила и в северопонтийском регионе.

Помимо удил и псалиев в состав конского снаряжения, обнаруженного в Лесостепи, входили, в первую очередь, разнообразные бляхи, являвшиеся не столько конструктивными, сколько декоративными деталями сбруи. В первую очередь это касается круглых плоских или слегка выпуклых бронзовых блях, имеющих с оборотной стороны петлю для крепления на оголовье. Поверхность их гладкая или ажурная, прорезная, с изображением прямого, равноконечного или мальтийского креста. Эти бляхи происходят из погребальных комплексов (Бутенки, Носачев, Квитки, Ольшана, Шевченковка) и случайных находок (Среднее Поднепровье) (рис. 6, 9—14; 8, 22; 14, 31, 34, 35, 36; 23, 4). Круг аналогий им в культурах предскифского времени весьма широк. Интерес представляет бляха случайно обнаруженная у с. Оситняжка в бассейне Тясмина, украшенная спиральным орнаментом (рис. 22, 4). Не имеющая аналогий среди лесостепных киммерийских находок, она — как справедливо указал А. И. Тереножкин, вполне сопоставима с бляхами из могильника предскифского времени Угра на Большой Венгерской низменности и из Старшего Ахмыловского могильника ананьинской культуры в Поволжье (1976.— С. 64.— Рис. 33, 6).

В конском головном уборе четырех лесостепных погребений (Бандышевка, курганы №1—2, Квитки, Яснозорье, кур-

¹⁴

Близкую версию появления удил типа «Константиновка-Ендже» высказал недавно С. Б. Вальчак (1993.— С. 27, 28).

ган №8) найдены бляхи в виде лунницы (рис. 3, 4; 6, 4; 18, 5). Еще четыре лунницы обнаружены случайно, вне погребальных комплексов: одна — у с. Пастырское, две — в Среднем Поднепровье, одна — на поселении близ Жаботина (рис. 19, 3; 21, 3—5). Почти все лунницы изготовлены из бронзы, лунница в Квитках дополнительно плакирована серебром (что не имеет аналогий), а лунница из Жаботина — костяная, достаточно близкая по внешнему виду луннице из с. Зольное в Крыму. Бляхи отличаются в деталях. Одни из них слабо изогнуты и украшены тремя кружками (Бандышевка) (рис. 3, 4). Идентичные лунницы найдены в северопричерноморской Степи в погребении №2 кургана №5 у с. Суворово (Черняков, 1977.— С. 34.— Рис. 3, 2), а также в Поволжье, в Тетюшском могильнике ананьинской культуры (Халиков, 1977.— Рис. 28, Б4). Другие лунницы украшены пятью (Квитки, Жаботин, Среднее Поднепровье) (рис. 6, 4; 19, 3; 21, 3) или семью кружками и спиралями (Яснозорье, Пастырское) (рис. 18, 5; 21, 5). Последние две бляхи чрезвычайно близки. Яснозорская лунница лишь имеет в центральном кружке солярный символ. Подобный орнамент на лунницах не известен, но в целом он широко распространен как элемент киммерийского искусства на многих изделиях.

Деталими конского убора являются четырехлепестковые бляхи различных размеров. Несколько бронзовых экземпляров происходят из случайных находок в Среднем Поднепровье (рис. 21, 6—8). Две костяные бляхи этого типа, покрытые резной ажурной орнаментацией и дополнительно красной пастовой инкрустацией, были найдены в составе конской упряжи в Носачеве (рис. 8, 13, 14). Также, как упомянутые уже круглые костя-

ные бляхи из этого комплекса, они несомненно составляют один круг изделий с резной костью из кургана в Зольном, также покрытой красной пастовой инкрустацией (рис. 26, 3—4, 8—10). За пределами Северного Причерноморья, в комплексах Новочеркасского типа резные котяные бляхи не встречены, что позволяет считать их (как, впрочем, и лунницу, найденную на Жаботинском поселении) местными изделиями.

Среди деталей конского убора погребения в Ольшане обнаружены маленькие бронзовые нашивные бляшки в виде четырехлепестковой розетки со вписанным крестом, несомненно связанные происхождением с рассмотренными выше бляхами (рис. 14, 17—28). Однако, они более характерны для декора конской узды раннескифского, чем предскифского времени (Ильинская, 1968.— С. 109—111; Ковпаненко, 1981.— С. 111). В равной степени сказанное касается небольших цилиндрических пряжек-пронизей, служивших для соединения пересекающихся ремней оголовья и декора узды (Рыжановка, курган II) (рис. 17, 2) и являвшихся характерной деталью раннескифского уздечного набора (Ильинская, 1968.— С. 108).

Перечень блях, относящихся к конскому головному убору киммерийской поры, найденных в Лесостепи, можно завершить, назвав семь бронзовых блях полукруглой формы различных размеров, украшенных спиралями, найденных в Среднем Поднепровье (рис. 21, 1, 2).

Интересным предметом из вещей погребения в Квитках, отнесенным исследователями этого кургана к конскому убору, является бронзовое кольцо с цилиндрической полый втулкой (рис. 6, 19). Подобные предметы крайне редки в могилах предскифского времени. В Северном

Причерноморье есть единственная аналогия этому предмету — изделие из кости из Зольного кургана (Щепинский, 1962.— С. 63.— Рис. 7, 5) (рис. 26, 13). Оно также найдено в составе конской упряжи и в свое время было определено А. И. Тереножкиным как обойма для кисти, украшавшей узду (1976.— С. 159). Наличие остатков кожи внутри втулки аналогичного предмета, найденного в Квитках, подкрепляет эту мысль. Ныне известно еще два аналогичных предмета: в погребении №4 Эчкивашского могильника на Северном Кавказе, где он обнаружен в составе конской упряжи (Виноградов, Дударев, Рунич, 1980.— С. 197.— Рис. 7, 17), и в упоминавшемся Тетюшском могильнике ананьинской культуры, где рассматривается как поясная подвеска (Халиков, 1977.— С. 67.— Рис. 28 А4).

Предметом пока уникальным для восточноевропейских киммерийских комплексов является широкое кольцо с ребром посередине, изготовленное из бронзы (внутри него находились остатки дерева), также найденное в кургане у с. Квитки (рис. 6, 16). Авторы публикации материалов названного погребения отнесли предмет к деталям конского снаряжения (Ковпаненко, Гупало, 1984.— С. 46.— Рис. 6, 13). Это маловероятно, учитывая, что кольцо было насажено на какое-то деревянное древко. По внешнему виду и размерам (диаметр 2,6, высота 2 см) указанному предмету весьма близко кольцо, но не бронзовое, а изготовленное из золота, обнаруженное среди вещей погребального инвентаря в кургане в Дьоме (Альфелд, Венгрия) (Chochogowski, 1993.— s. 237.— гус. 50, 15). Последний относят к древностям Новочеркасского

горизонта, датируя первой половиной VII в. до н. э. (Chochogowski, 1993.— s. 236, 237). Вопрос о конкретном назначении описанных предметов до сих пор остается открытым.

Среди конской упряжи, найденной в могилах в Лесостепи, присутствует группа находок, представляющих интерес для их происхождения и атрибуции. К ним, в первую очередь, относятся упомянутые бронзовые ажурные бляхи ассирийского происхождения из могилы в Носачеве (рис. 8, 12). В свое время Г. Т. Ковпаненко сопоставила их с украшениями конской сбруи на рельефах дворцов ассирийских царей Саргона II (722—705 гг. до н. э.) в Хорсабате и Ашшурбанипала (668—624 гг. до н. э.) в Ниневии (1966.— С. 127). Позже Г. Коссака указал на пряжки подобного типа из конского убора, изображенного на настенной росписи времени Тиглатпаласара III (745—724 гг. до н. э.) в Тилбарсипе (1987.— S. 39). Недавно А. Ю. Алексеев пополнил круг аналогий, добавив к ним изображения на рельефах из дворца Синаххериба (705—681 гг. до н. э.) в Ниневии (1992.— С. 80).

До последнего времени переднеазиатское происхождение носачевских блях практически никем не ставилось под сомнение. Для большинства авторов они являются одним из важнейших критериев при датировке Новочеркасской группы памятников¹⁵, о чем речь пойдет ниже, и свидетельством участия европейских кочевников — киммерийцев (Тереножкин, 1976.— С. 205), скифов (Лесков, 1981.— С. 95—100) или «киммеризированного» населения Лесостепи (Дударев, 1991.— С. 33, 47) в переднеазиатских походах.

Недавно А. Ю. Алексеев указал, что

¹⁵

Стоит добавить также, что, по мнению некоторых авторов, эти находки знаменуют конец бронзового века и начало железного (Березанская, 1982.— С. 22).

сопоставление блях из Носачева с деталями конской упряжи, изображенными на ассирийских рельефах и росписи, не является корректным из-за различий между первыми и вторыми. При этом исследователь почему-то определяет последние как «новочеркасские вещи на ассирийских конях» (Алексеев, 1992.— С. 81). Отличия носачевских блях от изображенных на ассирийских памятниках сводятся, по А. Ю. Алексееву, к следующему: 1) на них есть специфические прорезные перемычки, отсутствующие на изображенных бляхах, 2) судя по расположению обрывка ремня, положение блях на ремне упряжи было не вертикальным (и поперечным относительно ремня) как на ассирийских изображениях, а горизонтальным, вдоль ремня. Иными словами, автор считает, что они не являлись функциональной аналогией ассирийским изделиям (последние представляли собой нагрудное украшение из отдельных бляшек). Как полагает А. Ю. Алексеев, «единственно близкой формальной и одновременно функциональной аналогией являются желобчатые наременные бляшки из кургана Аржан» (Алексеев, 1992.— С. 81; Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993.— С. 79, 80). Появление подобных изделий в Передней Азии он увязывает с общеевразийскими образцами, подчеркивая многообразие путей проникновения подобных предметов. Весьма сходные соображения по поводу носачевских ажурных бляшек высказал С. В. Махортых. При этом заслуживают внимания два момента. Говоря о функциональном различии носачевских и ассирийских блях, он подчеркивает, что носачевские находки, также, как и изделия из Квиток, являлись дополнительными звеньями удила, в то время как ассирийские бляхи украшали нагрудные ремни. Прототипами подо-

бных изделий послужили так называемые застежки широко известные в евразийских памятниках IX—VII вв. до н. э. (Махортых, 1992в.— С. 32).

Вряд ли стоит отыскивать на бляхах, изображенных на ассирийских рельефах, прорезные перемычки, аналогичные носачевским, как это делает А. Ю. Алексеев, поскольку они перекрывались ременной основой и соответственно не могли быть показаны создателем ассирийских изображений. Второе отличие более принципиальное, хотя и оно не является весомым аргументом для отрицания переднеазиатского производства бляшек из Носачева. Кстати, отмечу следующее. С. В. Махортых, конечно, не прав, утверждая, что бляшки из Носачева, также как и квитковские, служили дополнительными звеньями удила. Как хорошо известно, дополнительные звенья удила предскифского времени (Новочеркасского типа или типа «Константиновка-Ендже») всегда отливались вместе с удилами, чего, естественно, нельзя сказать о носачевских бляхах. Скорее всего, последние также являлись украшением какой-то части конской упряжи.

Следует согласиться с мнением А. Ю. Алексеева и С. В. Махортых о том, что прототипы конских украшений нужно искать в евразийском степном ареале (и тут несомненно заслуживает внимания точка зрения С. В. Махортых о том, что в качестве конских украшений, видимо, служили так называемые желобчатые застежки). Однако, это вовсе не дает повода отказаться от мысли, что евразийские изделия ("застежки"), попав в Переднюю Азию и, в частности в Ассирию, явились образцами при изготовлении украшений конской сбруи. О популярности подобных украшений в Ассирии свидетельствует тот факт, что последние изве-

стны на изображениях, созданных более чем за век, во время правления нескольких ассирийских царей. Причем, принесли упомянутые прототипы на территорию Передней Азии, судя по самым ранним изображениям (время Тиглатпаласара III), очевидно не киммерийцы (достоверное начало киммерийской истории в этом регионе относится ко времени не ранее 714 г. до н. э.),¹⁶ а какие-то иные, неизвестные нам по имени евразийские кочевники. Возможно, именно они изображены на рельефе из Нимруда (885—859 гг. до н. э.) (Ильинская, Тереножкин, 1983.— С. 83). По мнению Э. А. Грантовского (1970.— С. 370, 371), поддержанному А. Ю. Алексеевым, это могли быть кочевнические племена, возможно, иранские, пришедшие с территории Юго-Восточной Европы в центральный Курдистан и соседние районы (Алексеев, 1992.— С. 81, 82).

В пользу ассирийского производства блях из Носачева косвенно свидетельствует еще одно обстоятельство. Помимо указанного комплекса и находки в Квитках (где дополнительные звенья являются лишь репликами носачевских блях), в пределах Причерноморья и Северного Кавказа, где конский убор Новочеркасского типа встречается часто, аналогичные бронзовые бляхи нигде более не зафиксированы, что очевидно свидетельствует об их неместном характере.

Несомненно, импортными по происхождению являются и три бронзовых литых прорезных сферических колокольчика, используемые в качестве шумящих подвесок в конской упряжи из погребения в Квитках (рис. 6, 1—3). В Северном Причерноморье такие колокольчики найдены впервые (Ковпаненко, Гупало, 1984.— С. 48).

Ажурные колокольчики или бубенчики получили широкое распространение в конце II — начале I тыс. до н. э. в Передней Азии, Восточной Европе, на Балканах (Погребова, 1984.— С. 110—122). Изделия с орнаментом в виде двух поясков прорезных треугольников (т. е. близкие квитковским), хорошо известны в указанный период в Передней Азии, в частности в Северо-Западном Иране (Погребова, 1984.— С. 112).

Ажурные колокольчики, как элемент конской упряжи, нередко встречаются и в древностях «фрако-киммерийского» горизонта Средней Европы (Chochorowski, 1993.— s. 41.— rys. 1, 13.— s. 81.— rys. 6, 1—2).

Особую функциональную роль в системе узды киммерийского времени играли предметы в виде колец значительного диаметра с подвижной муфтой для крепления поводка и плоских браслетоподобных колец с гвоздевидным выступом (или без него), известные в лесостепных комплексах.

По два бронзовых кольца с муфтой присутствуют среди предметов конского снаряжения из Бутенок и Ольшаны, одно кольцо — в Квитках (рис. 6, 18; 14, 32, 37; 23, 1, 5). Бронзовые браслетоподобные кольца в двух экземплярах найдены в Бутенках и Квитках (в последнем случае одно из колец фрагментировано) (рис. 5, 19; 6, 25; 23, 23—24). Обломок аналогичного кольца обнаружен в разрушенном погребении кургана №8 у с. Яснозорье (рис. 18, 6). Очевидно, к категории этих же предметов принадлежит и бронзовое кольцо довольно большого диаметра (7—7,5 см), но не плоское в сечении, а круглое, найденное среди предметов конской упряжи в Ольшане (рис. 14,

¹⁶

Об этом подробнее дальше.

14). Указанные изделия различаются в деталях. Подвижные муфты больших колец из Бутенок и Квиток в верхней части ребристые, к ним крепится сдвоенный щиток (рис. 6, 18; 23, 1, 5). У одного из ольшанских экземпляров муфта в верхней части в виде кольца, в нижней — одинарный щиток (рис. 14, 32); у другого экземпляра — щитки по обе стороны муфты (рис. 14, 37). Браслетоподобные кольца из Бутенок имеют небольшие гвоздевидные выступы (рис. 23, 23—24), на аналогичных предметах из Квиток они отсутствуют (рис. 5, 19).

Помимо находок в Украинской Лесостепи, подобные предметы известны в степной части Северного Причерноморья (комплекс из кургана у с. Преображенское), в Подонье (Аксай, Гиреева Могила), особенно хорошо представлены они в степном Закубанье и на Северном Кавказе (курган Уашхиту, могильник Чишхо, курган №36 могильника Фарс, хут. Алексеевский, хутор Кубанский, Пшишский клад, Лермонтовский разъезд, Ессентуки, Баксан, Алтуд, Герпегеж, Псекунс) (Дубовская, 1989.— С. 65.— Рис. 2; Мелентьев, 1967.— С. 39.— Рис. 7; Эрлих, 1991.— С. 60). За пределами юга Восточной Европы бронзовая муфта (от большого кольца) с двумя щитками, расположенными с двух сторон, найдена в Подунавье (Венгрия, Кемлед) в составе клада вещей (Gallus, Horvath, 1939.— Pl. XXI, 7). Круглое в сечении кольцо, со сбитой муфтой, обнаружено в одном из двух кочевнических комплексов Норшун-Тепе (Турция) (Hauptmann, 1983.— S. 258—266.— Fig. 4). Это пока одна из немногих находок, археологически маркирующих пребывание в Малой Азии носителей Новочеркасского комплекса — киммерийцев.

Круг аналогий лесостепным находкам достаточно широк. Ребристые подвижные

муфты, типа найденных в Бутенках и Квитках, известны в ряде пунктов, например, Преображенском, Лермонтовском разъезде, Баксане (Дубовская, 1989.— Рис. 12; Батчаев, 1985.— Табл. 6, 3). Муфты с двумя щитками с обеих сторон, подобные одной из ольшанских, также хорошо представлены: Аксай, Гиреева Могила; Баксан; Кемлед (Мелентьев, 1967.— Рис. 7; Батчаев, 1985.— Табл. 6, 2). Муфта в виде кольца с одним щитком из Ольшаны также имеет подобные, в частности из хут. Кубанский (Иессен, 1954.— С. 121.— Рис. 10).

В равной степени хорошо известны браслетоподобные кольца. В качестве примера укажу на находки из Преображенского, Ессентуков, Чишхо, Баксана, Герпегежа (Дубовская, 1989.— Рис. 2, 14—15; Иессен, 1953.— Рис. 6; Тов, 1989.— С. 45.— Рис. 7; Батчаев, 1985.— Табл. 5, 7, 13).

Итак, упомянутые находки встречаются в ареале узды Новочеркасского типа.

Браслетоподобные кольца, найденные в могилах Лесостепи (Бутенки, Квитки), продолжительное время рассматривали как браслеты второй ступени чернолесской культуры (Ковпаненко, 1962.— С. 71; 1967.— С. 43; Тереножкин, 1976.— С. 70; Ковпаненко, Гупало, 1984.— С. 45; Ильинская, Тереножкин, 1983.— С. 45). Отмечу, что подобная трактовка этих изделий являлась дополнительным аргументом в пользу определения комплекса в Бутенках в качестве инвентаря чернолесской могилы (Лесков, 1981.— С. 96). Однако, последующие находки «браслетов» в весьма отдаленном от чернолесской территории ареале — на Кавказе, среди предметов конской упряжи, позволили вполне справедливо считать их предметами конского снаряжения (Дубовская, 1989.— С. 66).

По поводу принадлежности к конской

упряжи колец с подвижными муфтами сомнений не было. Однако, конкретное назначение их в системе узды было неясно. Обычно в них видели большие уздечные кольца с подвижным звеном для пристегивания повода или ремня. Были попытки более конкретно объяснить их функциональное назначение. Так, по мнению Г. Т. Ковпаненко, они являлись деталью подпруги (Ковпаненко, Скорый, Бессонова, Рычков, 1984.— С. 50). А. Н. Мелентьев предложил их рассматривать в качестве деталей снаряжения повозок или боевых колесниц (1967.— С. 44). К сожалению, это предположение осталось без должного внимания. Раскопки кургана Уашхиту близ аула Кабехайбль в Адыгее летом 1988 г., где узда новочеркасского типа была обнаружена *in situ* на костях четырех коней, окончательно решили вопрос о функциональном назначении бронзовых колец с подвижными муфтами и браслетоподобных колец: и первые, и вторые входили в состав упряжи колесниц. Пара колец с подвижными муфтами располагалась между коренниками, а браслетоподобные кольца — на пристяжных лошадях и связаны, очевидно, с ремнями постромков (Эрлих, 1990.— С. 59—61).

Результаты открытия в Уашхиту трудно переоценить. Впервые достоверно археологически зафиксировано использование киммерийцами боевых колесниц.¹⁷

Удалось четко определить предметы-индикаторы упряжи колесниц, что в свою очередь, позволило выделить группу таких комплексов (они перечислялись вы-

ше), в том числе четыре в Лесостепи: Бутенки, Квитки, Ольшана, Яснозорье. Комплексы, содержащие четыре пары удил, пару колец с подвижными муфтами и пару бронзовых браслетоподобных колец. В. Р. Эрлих предложил считать набором для упряжи четырех лошадей в колесницу. Ныне известны пять подобных комплексов: Аксай (Подонье), Уашхиту, Чишхо (Северный Кавказ), Преображенское (степная зона Северного Причерноморья), Бутенки (Левобережная Лесостепь).

Следует особо подчеркнуть, что открытие наборов упряжи колесниц в могилах с инвентарем Новочеркасского типа в Лесостепи — яркий дополнительный аргумент в пользу того, что это могилы населения не чернолесской культуры, а степняков-киммерийцев. Очевидно, погребения с колесной упряжью принадлежат представителям кочевой элиты.

ВООРУЖЕНИЕ

Разнообразные предметы вооружения обнаружены в 6 из 14 киммерийских захоронений Лесостепи (Бутенки, Носачев, Ольшана, Квитки, Яснозорье, курган № 8, Константиновка, курган №376). Однако, учитывая, что почти половина лесостепных погребений в той или иной степени ограблена и разрушена (см. Каталог памятников), есть резон предположить, что все или почти все захоронения киммерийцев сопровождалось оружием: разумеется, его состав и количество были различными. Впрочем, это вполне объяснимо, так как по данным исторических

¹⁷

В связи с этим уместно вспомнить слова из книги пророка Исаии, повествующего об обещании бога Саваофа, разгневавшегося на евреев, призвать народ «от края земли»: «...легко и скоро он придет... Стрелы его заострены и все луки натянуты, копыта коней его подобны кремню и колесницы его как вихрь (курсив мой — С. С.) (Библия, книга пророка Исаии.— гл. VII, 26, 28). Ряд исследователей полагает, что этим народом могли быть киммерийцы, появившиеся в Передней Азии в конце VIII в. до н. э. (Смолин, 1915.— С. 14; Тураев, 1935.— С. 76; Крупнов, 1960.— С. 112)

хроник, киммерийцы — это прежде всего конные воины. В степном регионе юга Восточной Европы, на Северном Кавказе — везде, где в захоронениях есть вещи Новочеркасского типа, непременно присутствует оружие. В Лесостепи, пожалуй, лишь одна из киммерийских могил (погребение в кургане №375 у с. Константиновка), будучи не ограбленной, достоверно не содержит предметов вооружения (хотя в ней присутствуют детали конской упряжи), что в определенной степени является нонсенсом.

Лук и стрелы, очевидно, были распространенным вооружением в киммерийскую эпоху в такой же степени, как и в последующую скифскую. Впрочем, находки луков пока достоверно не известны, что вероятно объясняется не столько плохой сохранностью материала, из которого они изготовлены, сколько отсутствием обычая помещать это оружие вместе с умершим. Как известно, сходная ситуация имела место и в последующую скифскую эпоху (Черненко, 1981. — С. 17). В Лесостепи наконечники стрел происходят в основном из погребений (Бутенки, Носачев, Ольшана, Квитки, Константиновка, курган №376, Яснозорье, курган №8), хотя отдельные экземпляры найдены в ранних слоях городищ скифского времени (Бельское, Люботинское, Басовское, Мотронинское) или известны по случайным находкам (Корсунь-Шевченковский). Полностью преобладают наконечники, изготовленные из бронзы. Лишь в колчанном наборе, найденном в Квитках, обнаружено шесть железных наконечников. К слову сказать, наконечники, выкованные из железа, повторяющие, как правило, форму бронзовых, весьма

редко встречаются и в иных ареалах юга Восточной Европы, где известны киммерийские памятники (Щепинский, 1962. — Рис. 3, 26—29; Сергацков, 1991. — С. 242. — Рис. 2, 14). В целом же, в киммерийскую эпоху, как известно, использовались также наконечники, изготовленные из кости и дерева (Щепинский, 1962. — Рис. 3, 30—33; Сергацков, 1991. — Рис. 2, 16—18), но на территории Лесостепи пока подобные не обнаружены.

В лесостепных киммерийских погребениях встречены наконечники восьми типов¹⁸, которые можно разделить на два отдела: двулопастные (пять типов) и трехлопастные (три типа).

Двулопастные наконечники стрел

Первый и наиболее распространенный тип — так называемый Новочеркасский. Это двулопастные наконечники с длинной (примерно 1/2 длины) втулкой и ромбической, лавролистной или трапецевидной в плане, облегченной головкой. Как справедливо подчеркивала В. А. Ильнская, посвятившая им специальную работу, различия в форме головок наконечников объясняются различной степенью ручной обработки после отливки. Иными словами, многие из них были изготовлены в одинаковых формах, но приобрели нестандартность в ходе ручной заточки и расковки (Іллінська, 1973. — С. 25). За исключением погребения в Ольшане (из 92 экз. 24 — Новочеркасского типа) (рис. 10, 3—26), во всех лесостепных могилах, где есть наконечники стрел, этот тип безусловно преобладает. Так, в Квитках лишь один наконечник относится к иному типу (рис. 5, 12—

¹⁸

Иногда полагают, что в погребениях Новочеркасской группы присутствуют исключительно длинновтульчатые двулопастные наконечники стрел (Дубовская, 1989. — С. 67), что в общем не соответствует действительности.

13). Видимо, только такие наконечники были найдены в Бутенках (рис. 23, 9, 10). Сходная ситуация наблюдается в степном ареале юга Восточной Европы и на Северном Кавказе. Например, в колчанном наборе погребенного у с. Зольное к Новочеркасскому типу относятся 29 из 33 наконечников (Щепинский, 1962.— Рис. 3, 1—25), в кургане №10 могильника Барановка-I бронзовые наконечники представлены только этим типом (Сергацков, 1991.— С. 242.— Рис. 2, 1—12). Только аналогичные наконечники были найдены в погребении у станицы Некрасовской и в кладе 1951 г. у горы Бештау на Северном Кавказе (Иессен, 1954.— С. 120.— Рис. 8.— С. 125.— Рис. 14). Указанные наконечники доживают до скифского времени, изредка встречаясь в могилах предкелермесской поры. В качестве примера можно указать на наконечники из Центральной могилы кургана №1 у хут. Красное Знамя в Центральном Предкавказье (Петренко, 1990.— С. 79.— Рис. 1, 1), кургана №82 у с. Берестяги в Поросье (Ковпаненко, 1981.— С. 11.— Рис. 8, 1). Пожалуй, наиболее хорошо эти наконечники представлены в Большом Гумаровском кургане в Южном Приуралье (Исмагилов, 1988.— Рис. 6, 36—57), где 22 из 88 наконечников относятся к этому типу. Как известно, Р. Б. Исмагилов вполне обоснованно трактует этот памятник как древнейшее скифское погребение (начало VII в. до н. э.). Наиболее поздними наконечниками этого типа, очевидно, следует считать экземпляры из железа, найденные в могиле №2/1969 некрополя в Теюше в Трансильвании (Vasiliev, 1980.— Pl. 9, 18), относящейся к первой половине VI в. до н. э. и в кургане №5 могильника у с. Нартан на Центральном Кавказе, датированном VI—V вв. до н. э. (Батчаев,

1985.— Табл. 19, 28). В целом же, этот тип наконечников несомненно является характерной особенностью инвентаря погребений киммерийского периода.

В свое время В. А. Ильинская рассматривала Новочеркасский тип наконечников как изолированное и локальное явление, характерное лишь для Северного Кавказа и Северного Причерноморья (1973.— С. 25, 26). В определенной степени это мнение поддержали С. В. Махортых и В. И. Клочко (1987.— С. 72), а О. Р. Дубовская, указывая, что Северный Кавказ является центром распространения подобных наконечников (что не соответствует действительности) склоняется к мысли о кобанском происхождении последних (1986.— С. 37—39; 1989.— С. 67).

В свете открытий последних лет становится ясно, что ареал наконечников Новочеркасского типа значительно шире, чем считалось ранее, т. е. они не являются узколокальным северокавказским и северопричерноморским явлением. Речь идет в частности о находках подобных наконечников в уже упоминавшихся погребениях Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье, кургане №10 могильника Барановка-I в Нижнем Поволжье, а также экземплярах из коллекции П. Д. Дубягина, собранной на Волго-Уральских песках (Дворниченко, 1990.— С. 50, 51.— Рис. 1, 2—7). Видимо, вполне можно допустить, что изготовление подобных наконечников не ограничивалось Кавказским регионом, а имело место и в киммерийском степном ареале. В связи с этим, их, вероятно, можно рассматривать в качестве степной восточноевропейской группы наконечников стрел (Дворниченко, 1990.— С. 53; Скорий, 1991.— С. 23).

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. На втулках девяти наконечников, найденных в Ольшане, име-

ются рельефные знаки, которые, очевидно, были метками мастера-литейщика: в двух случаях — это поперечный рельефный поясок у основания пера (рис. 10, 19, 21), в четырех — от него вверх отходит дополнительный поясок (рис. 10, 13, 17, 18, 20), в одном — два пояска (рис. 10, 16). Еще на двух наконечниках — рельефные метки в виде буквы «Х» и вертикального пояска с четырьмя поперечными перемычками (рис. 10, 14—15).

Среди наконечников Новочеркасского типа экземпляры с метками литейщика встречаются крайне редко, а до последнего времени не были известны вовсе. Помимо захоронения в Ольшане, они присутствуют на восьми наконечниках из захоронения в Большом Гумаровском кургане в Южном Приуралье (3 типа меток), которое Р. Б. Исмагилов отнес к самому началу VII в. до н. э. (1988.— С. 45, 46). Следует особо подчеркнуть, что на пяти наконечниках стрел из с. Гумарово метки абсолютно идентичны ольшанским: в виде горизонтального и перпендикулярно расположенного к нему вертикального поясков (4 экз.) и в виде одного горизонтального пояска (1 экз.). Не исключено, что наконечники стрел из упомянутых погребений отлиты одним и тем же мастером.

Второй тип — двулопастные наконечники с удлиненной ромбической или ассиметричноромбической в плане головкой и выступающей на 1/3 длины втулкой. Присутствовали в колчанном наборе воинского захоронения в Ольшане (33 из 92 экз.) (рис. 10, 27—32; 11, 1—26; 12, 1). В киммерийских захоронениях на других территориях зафиксированы до-

стоверно лишь в кургане Птичата Могила у с. Белоградец, отнесенном Г. Тончевой к началу или первой половине VII в. до н. э. (Тереножкин, 1976.— С. 35.— Рис. 9; Топсева, 1980.— pl. X, 1—2).¹⁹ Колчаный набор из кургана состоял из 103 бронзовых наконечников, среди которых рассматриваемый тип был преобладающим (рис. 27, 3).²⁰

В определенной степени близки наконечникам из Ольшаны экземпляры из гробницы №5 Высокой Могины, однако, они отличаются более короткой втулкой, имеющей к тому же особые метки (Тереножкин, 1976.— С. 33.— Рис. 7, 1—10).

Бесспорно, второй тип наконечников не является характерным для памятников киммерийской (Новочеркасской) культуры. Подобные наконечники хорошо известны в древнейших памятниках скифской культуры или культур скифского круга Евразии и генезисом несомненно обязаны иной культурной среде, нежели Новочеркасские наконечники. Этот тип наконечников, очевидно, сформировался в глубинах Азии и впоследствии был принесен в Причерноморье и на иные территории кочевниками древнейшей скифской культуры.

В качестве примеров подобных наконечников в Азии можно назвать экземпляр из Аржана (Грязнов, 1980.— С. 22.— Рис. 11, 8), который относят ко второй — третьей четверти VIII в. до н. э. (Марсадолов, 1985.— С. 1985.— С. 10—11), Чиликтинского V кургана, где в колчанном наборе присутствовали только такие наконечники (Черников, 1965.— С. 27.— Табл. X). Ныне дату этого памятника определяют второй половиной — концом

¹⁹ Более подробно о дате этого кургана см. в главе 3.

²⁰ В Национальном историческом музее в Софии мной осмотрено 48 наконечников из этого комплекса, среди которых лишь 5 относятся к Новочеркасскому типу.

VIII в. до н. э. (Исмагилов, 1988.— С. 43). В Северном Причерноморье несколько таких наконечников найдено в кургане №524 у с. Жаботин (Ильинская, 1975.— Табл. VII, 1), очевидно, начала или первой половины VII в. до н. э. (Петренко, 1990.— С. 73), кургане №38 у с. Гуляй-Город конца VII — начала VI вв. до н. э. (Ильинская, 1975.— Табл. II, 20). Отдельные находки известны на Северном Кавказе: курган №21 могильника у с. Нартан, относящийся к VII—VI вв. до н. э. (Батчаев, 1985.— Табл. 51, 30), станица Шелковая, Чми (VII—VI вв. до н. э.) (Махортых, 1991.— С. 46.— Рис. 16, 38; — С. 86.— Рис. 30, 26). В двух случаях о подобных наконечниках можно говорить применительно к территории Карпато-Подунавья: находка из Ньиредьхаза-Кезвадохид в Венгрии (Chochorowski, 1985.— S. 86.— Abb. 25, 1), погребение, вероятно, начала VII вв. до н. э. вблизи г. Русе в Северной Болгарии.²¹

Третий тип — двулопастные наконечники стрел с удлинённой ассиметрично-ромбической головкой, охватывающей практически всю втулку. По классификации В. А. Ильинской, подобные наконечники относятся к раннежаботинскому типу. Вслед за П. Д. Рау и К. Ф. Смирновым, она датировала их началом VII в. до н. э. (Іллінська, 1973.— С. 15). В киммерийских погребениях такие наконечники стрел — единичны (один экземпляр обнаружен в Квитках, три — в Ольшане, за пределами Лесостепи несколько таких наконечников найдено в Ендже) (рис. 5, 13; 11, 27, 28; 12, 2), так как они более характерны для раннескифских колчаных наборов (Ковпаненко, Гупало, 1984.— Рис. 9, 42; Попов, 1932.— Обр. 89,90Г). Отдельные экземп-

ляры подобных наконечников встречаются на поселениях и в погребениях VIII—VII вв. до н. э. в Среднем Поднепровье (Тарасова Гора у с. Жаботин, Бельское городище, один из курганов Тенетинского могильника, курган №524 у с. Жаботин). Известны они в памятниках Крыма, Кавказа и Закавказья (Іллінська, 1973.— С. 15—18.— Рис. 2; Мелюкова, 1964.— Табл. 6, Г2; Батчаев, 1985.— Табл. 46, 6; Петренко, 1990.— С. 79.— Рис. 1, Д, 2—4), древнейшем скифском погребении Гумаровского кургана в Южном Приуралье (Исмагилов, 1988.— Рис. 5, 3, 4, 11, 13, 20).

Появление таких наконечников связывают с ранним этапом вторжения скифов в Причерноморье и их походами в Переднюю Азию (Іллінська, 1973.— С. 26).

Четвертый тип — двулопастные наконечники с овальной или лавролистной головкой и короткой втулкой. Два наконечника найдены в ольшанском погребении (рис. 12, 3, 4). По мнению К. Ф. Смирнова, такие наконечники являются наиболее древними среди втульчатых бронзовых наконечников стрел (1961.— С. 38, 39). Во всяком случае, они известны в азиатских степях уже в эпоху поздней бронзы (Клочко, 1979.— С. 44.— Рис. 2, 2). В Восточной Европе к ним безусловно близки некоторые наконечники Черноговровского времени, например, из кургана Малая Цимбалка (Тереножкин, 1976.— С. 54.— Рис. 24, 7, 9). Наконечники с овальной или лавролистной головкой и короткой втулкой широкое распространение получают в эпоху скифской архаики. К числу наиболее ранних памятников, где зафиксированы подобные наконечники (начало VII в. до н. э.) относится погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье (Ис-

²¹

Сужу об этом по фотографиям наконечников стрел, присланным мне болгарским коллегой Д. Станчевым.

магилов, 1988.— Рис. 6, 31, 32). В Северном Причерноморье, на Северном Кавказе этот тип наконечников хорошо представлен в комплексах середины — второй половины VII в. до н. э. (Мурзин, 1984.— С. 15.— Рис. 3, 1—2; Ковпаненко, 1981.— С. 103.— Рис. 59, 9—11, 17, 37, 42, 50, 69; Махортых, 1991.— С. 46—48.— Рис. 15, 25, 26; 16, 2, 12, 34).

Пятый тип — двулопастные наконечники с килевидной (башневидной) головкой. Два бронзовых наконечника этого типа присутствовали в колчанном наборе ольшанского погребения (рис. 10, 1, 2). По А. И. Тереножкину, подобные наконечники характерны для Черного-ровских памятников (1976.— С. 134). О Черного-ровской принадлежности указанных ольшанских наконечников писал В. П. Белозор (1986.— С. 12). Генезис этого типа наконечников, очевидно, связан с культурами позднего бронзового века азиатских степей (Клочко, 1979.— С. 42). В Восточной Европе в доскифский период такие наконечники особого распространения не получили. В степном Северном Причерноморье аналогичные по форме экземпляры известны в кургане Малая Цымбалка у с. Большая Белозорка и гробнице №5 кургана Высокая Могила у с. Балки (Тереножкин, 1976.— С. 33.— Рис. 7, 13, 24.— С. 54.— Рис. 24, 6). Особенно близки ольшанским наконечники из Высокой Могила. Отдельные экземпляры килевидных наконечников происходят из восточной части европейской Степи — Приуралья и Поволжья, где их также относят к доскифскому времени (Смирнов, 1961.— С. 111.— Рис. 12, Д1—2, Е.— С. 42). Несколько бронзовых килевидных наконечников найдены на Северном Кавказе, в том числе в погребении №34 могильника №1 у Кисловодской мебельной фабрики, датированного

В. Б. Виноградовым, С. Л. Дударевым и А. П. Руничем началом VII в. до н. э. (1980.— С. 190.— Рис. 4, 6—7.— С. 198). Что касается упомянутых кавказских находок, существует мнение и об их центральноевропейском (трансильванском) или сибирском происхождении и соответствующей датировке концом II тысячелетия — X в. до н. э. (Козенкова, 1977.— С. 78; Клочко, Мурзин, 1987.— С. 74; 1989.— С. 67; Клочко, Махортых, 1987.— С. 72). Однако, прав, вероятно, С. Л. Дударев, видя в них кавказские подражания степным образцам (1991.— С. 46—47). Следует также учесть мнение исследователя о том, что весь историко-культурный контекст могильника №1 у Кисловодской мебельной фабрики не позволяет определять его нижнюю дату временем ранее VIII в. до н. э. (Дударев, 1989.— С. 5). Приведенные данные свидетельствуют в пользу того, что килевидные бронзовые наконечники, будучи характерными для населения Черного-ровской группы, в определенной степени встречаются у племен Новочеркасской группы, т. е. киммерийцев.

Трехлопастные наконечники стрел.

Первый тип — трехлопастные наконечники стрел с треугольной головкой и довольно длинной втулкой. Лопастные по отношению ко втулке срезаны под тупым углом. Для памятников киммерийской поры такие наконечники не являются характерными. Исключение составляет погребение в Ольшане, где найдено 22 экземпляра (рис. 12, 5—26) и могила в Носачеве, где среди наконечников стрел присутствовал один экземпляр указанного типа (рис. 8, 4). Распространение получают, начиная с эпохи скифской архаики. В качестве примера укажу на наконечники стрел из неоднократно

упоминавшегося уже Гумаровского кургана (Исмагилов, 1988.— Рис. 7, 76, 77), также Нартанских курганов, где они представлены особенно хорошо (Батчаев, 1985.— Табл. 27, 32; 31, 1, 7; 39, 9—10, 17; 43, 39).

Второй тип — трехлопастные наконечники с лавролистной головкой и выступающей втулкой. Три таких наконечника найдены в Ольшане (рис. 12, 27—29). Они достаточно обычны для скифских колчанных наборов, в том числе Северного Причерноморья VII—VI вв. до н. э. (Мелюкова, 1964.— С. 19). До находки в Ольшане в киммерийских погребениях такие наконечники не встречались.

Третий тип — представлен двумя трехлопастными железными наконечниками с остролистной головкой и выступающей втулкой, найденными в кургане №376 у с. Константиновка (рис. 7, 7). Аналогичные наконечники в иных киммерийских могилах не засвидетельствованы. В. А. Ильинская видела в них подражание бронзовым трехлопастным наконечникам стрел «культуры новочеркасского клада» (1975.— С. 105). На мой взгляд, они, скорее, являются репликами трехлопастных наконечников стрел скифского времени (описанный первый тип второго отдела).

Итак, среди наконечников стрел, встреченных в киммерийских погребениях Лесостепи, лишь наконечники 1, 4, 5 типов первого отдела относятся к доскифским. Остальные принадлежат к категории собственно раннескифских наконечников.

Судя по находкам из погребения в Квитках, наконечники стрел закреплялись на деревянных древках не только посредством втулки, но и дополнительно с помощью сухожильных нитей (рис. 5, 12).

Фрагменты железных мечей (или

кинжалов) найдены в трех киммерийских погребениях Лесостепи (Носачев, Квитки, Ольшана) (рис. 5, 17; 8, 11; 13, 2). Помимо этого, на Бельском городище обнаружен целый (рис. 24, 1) железный меч, а у с. Бишкин на Сумщине найден железный кинжал «кобанского типа» вместе с бронзовым цилиндрическим молотком (Буйнов, Грубник-Буйнова, 1985.— С. 110). Учитывая степень встречаемости этого вида вооружения в степных причерноморских комплексах и на Северном Кавказе, можно думать, что мечи и кинжалы занимали второе место по значению в киммерийской панолии.

Судя по сохранившимся фрагментам, оружие, происходившее из лесостепных погребений (за исключением одного из ольшанских экземпляров), было однотипным: рукоять имела вид плоской пластины (Носачев, рис. 8, 11) двутавровой в сечении (Квитки, рис. 5, 18) или расчлененной узкими валиками (Ольшана, рис. 13, 2). Навершие имело вид валика или закругленного бруска. У кинжала из Ольшаны оно было расчленено узкими вертикальными валиками. Аналогично оформлено навершие кинжала из гробницы №2 кургана Высокая Могила в Нижнем Поднепровье (рис. 25, 3).

Перекрестье у всех трех упомянутых правобережных экземпляров не сохранилось, но, очевидно, оно было сходным — в виде прямоугольной пластины с острыми выступами, расположенными по направлению к клинку. Аналогичные перекрестья известны у серии железных кинжалов новочеркасского времени: с Бельского городища (рис. 24, 1), упомянутого экземпляра из Высокой Могилы (рис. 25, 3), кинжала из кургана у с. Березки в Нижнем Поднепровье (Лапушнян, 1977.— С. 38), кургана Птичата Могила у с. Белоградец в Задунавье (рис. 27,

1). Вполне очевидно, что железные мечи и кинжалы, происходившие из киммерийских памятников Лесостепи, составляют единую группу с оружием этого вида, известным в степном понтийском ареале. Кинжалы, имеющие прямые перекрестья с треугольными выступами, являются характерными для кобанских древностей Северного Кавказа, где они, видимо, сложились как тип вооружения (Виноградов, 1973.— С. 11). При этом необходимо подчеркнуть, что в кавказских памятниках доминирующими являются биметаллические кинжалы: с бронзовой рукоятью и железным лезвием (Тереножкин, 1976.— С. 112—114): известны исключения среди представительного собрания этого вооружения — фрагментированный железный кинжал из комплекса возле горы Бештау (Иессен, 1954.— С. 125.— Рис. 14).

В связи с изложенным, вполне уместно упомянуть ситуацию с мечами и кинжалами кавказского типа в области ананьинской культуры Волго-Камья. Также, как и на Кавказе, все мечи и кинжалы, найденные здесь, имеют бронзовую рукоять и железный клинок и несомненно являлись кавказским импортом (Халиков, 1977.— Табл. 3, 5а.— 5, 3г.— 8, 1м.— 10, 1к.— 22, 1г). В Северном Причерноморье таких мечей нет. Киммерийцы, очевидно, заимствовали лишь форму этого оружия у кобанских племен Кавказа, но производили его самостоятельно. Иными словами, указанные железные мечи и кинжалы вполне могут рассматриваться как один из элементов киммерийской материальной культуры.

В погребении у с. Квитки, наряду с фрагментами железного меча, найдены верхняя часть деревянных ножен, окрашенных в красный цвет (рис. 6, 31), и детали золотой обкладки в виде обоймы и

накладной пластины с прямоугольной верхней частью, украшенной чеканным орнаментом (по мнению Е. В. Черненко, от устья ножен) (рис. 6, 20—24), а также массивная золотая бляха с петлей на оборотной стороне (рис. 6, 29), которая, как считает Г. Т. Ковпаненко, украшала портулею меча (Ковпаненко, Гупало, 1984.— С. 52). Напомню, что практически идентичная обойма и весьма сходная по исполнению золотая бляха были обнаружены рядом с железным кинжалом в погребении №2 Высокой Могины (рис. 25, 1, 3), что является еще одним подтверждением однотипности кинжалов этих погребений, а также безусловной близости их дат, на что уже неоднократно указывалось.

Обе бляхи были выполнены в технике перегородчатой инкрустации, характерной для переднеазиатской торевтики, имеющей аналогии в Иране и являющейся для понтийского региона инновацией (Алексеев, 1992.— С. 85).

В могиле у с. Ольшана, помимо обломков довольно массивного кинжала, обнаружен небольшой железный цельнокованный кинжал иного типа очень плохой сохранности. Короткая ручка имеет плавно округленный верхний край. Внизу ручки небольшие выступы, отделявшие ее от клинка. Последний сохранился частично (рис. 13, 3). Прямые аналогии ольшанскому кинжалу мне не известны. Однако, железные кинжалы с округлой верхней частью ручки и без перекрестья встречаются в киммерийской панолии: например, в курганах у с. Великая Александровка в Нижнем Поднепровье (Кубышев, Полин, Черняков, 1985.— С. 146.— Рис. 3, 15) и у с. Ендже в Задунавье (рис. 27, 8).

Железные наконечники копий обнаружены в пяти киммерийских могилах Лесостепи (по 2 экз. в Бутенках, Квитках,

Ольшане, по одному в Носачеве и кургане V у с. Рыжановка). Целиком сохранились наконечники из Бутенок, Квиток, Носачева (рис. 6, 8, 28; 8, 10; 23, 11—12). Они достаточно массивные, с высокой втулкой, широким пером лавролистной (Носачев, Квитки) или слабо выраженной остролистной (Бутенки) формы. Перо имеет хорошо выраженное ребро. Размеры всех наконечников примерно 28—31 см. Несколько выделяется один из квитковских экземпляров, имеющий длину 40 см. Вероятно, для киммерийской паноплии наиболее характерны копья с наконечниками лавролистной формы. В определенной степени это подтверждается находками подобных наконечников в европейских комплексах за пределами Лесостепи: например, упомянутый клад у горы Бештау (Иессен, 1954.— С. 125.— Рис. 14), курган у с. Ендже (Тереножкин, 1976.— С. 43.— Рис. 16, 12), погребение №11 кургана №10 могильника Барановка-I (Сергацков, 1991.— С. 242.— Рис. 2, 22).

Есть мнение, что данная форма наконечников копья возникла в Закавказье, где она известна уже с XII в. до н. э. (Никитенко, 1992.— С. 162).

Как отмечал А. И. Тереножкин, копья почти отсутствовали на вооружении киммерийцев (1976.— С. 145). Однако, материалы Лесостепи вносят в это суждение определенные коррективы.

Интересной особенностью наконечников копий из Бутенок, на что неоднократно обращалось внимание исследователей, является наличие в нижней части пера двух маленьких отверстий. Последние, очевидно, служили для закрепления каких-то штандартов (Тереножкин,

1976.— С. 144) и, видимо, могут рассматриваться как достаточно характерная черта наконечников копий предскифского времени.

Территория, на которой встречаются наконечники копий с подобной особенностью весьма обширна, что, возможно, объясняется определенной модой.²² Г. Т. Ковпаненко и А. И. Тереножкин привели перечень таких наконечников: в Степной Украине — случайная находка из с. Маяки Одесской обл., в Украинской Лесостепи — случайные находки из бывших Полтавской и Киевской губерний, экземпляры из могилы №75 Высоцкого могильника на Львовщине, кургана у с. Лоевцы близ Каменец-Подольского, в Лесостепной Молдавии — три наконечника, обнаруженные близ с. Матеуцы в могильнике и случайно. Наконечники с отверстиями у основания пера хорошо известны и в древностях Средней Европы: могильнике в Кумах близ Неаполя, кладе из Андерно в Сицилии (VIII в. до н. э.), кладе у Брезен в округе Дасау в Германии (900—700 гг. до н. э.). Три экземпляра происходят из Кемледа в Венгрии (VII вв. до н. э.), один наконечник найден в погребении VIII—VII вв. до н. э. у с. Бели Извор в Болгарии (Ковпаненко, 1967.— С. 43; Тереножкин, 1976.— С. 143—144). Ныне к этому перечню можно добавить наконечник копья из погребения №2 могильника на р. Фарс на Северном Кавказе (вторая половина VIII — начало VII вв. до н. э.) (Лесков, 1984.— С. 151.— Рис. 2, 51).

Судя по размерам и пропорциям, оружию из Бутенок наиболее близки наконечники копий из Кемледа (Кеменцеи, 1986.— С. 149.— Рис. 50, 7).

²²

Н. И. Никитенко допускает, что дырочки на пере наконечников копий из Бутенок является местной особенностью, что в свете известных данных представляется неверным (1992.— С. 163).

Железный фрагментированный топор найден лишь в одном погребении — в Квитках (рис. 5, 16). В степном регионе находки топоров в Новочеркасских погребениях не известны. Тип топора из Квиток установить сложно: сохранилась нижняя рубящая часть в виде прямого бруска со скошенным краем и округлый проух.

Верхняя часть топора разрушена. Предположение Г. Т. Ковпаненко, что это оружие типа клевца (Ковпаненко, Гупало, 1984.— С. 53) вряд ли верно. Клевцы имели совершенно иное устройство (Мелюкова, 1964.— С. 68.— Табл. 21, 1—7).

Железные топоры в небольшом количестве известны в предскифских (кобанских) захоронениях Северного Кавказа, например, в погребении № 34 могильника № 1 у Кисловодской мебельной фабрики (Виноградов, Дударев, Рунич, 1980.— С. 190.— Рис. 4, 9). Тем не менее, они весьма отличны от квитковского экземпляра.

С территории Лесостепи, в основном ее левобережного региона, происходит группа бронзовых топоров кавказского производства, обнаруженных при случайных обстоятельствах. Это находки из Краснограда, пос. Васищево, Лубен, Харькова, Кнышевки (рис. 24, 10—12). Несколько аналогичных топоров (точное число не известно) найдены на Правобережье Днепра, в районе Киева. За исключением топора из Лубен, относящегося к колхидскому типу, все остальные экземпляры — кобанского типа.

В научной литературе сложилась устойчивая традиция связывать появление бронзовых топоров кобано-колхидского типа (наряду с иными кавказскими изделиями) в различных регионах Восточной Европы, в том числе и области Украинской Лесостепи, с деятельностью кимме-

рийцев. Иными словами, последние рассматриваются как некая передаточная среда кавказского импорта (Крупнов, 1960.— С. 110—117; Дударев, 1979.— С. 95—97; 1991.— С. 65; Махортых, 1992.— С. 153—155). При этом отдельные авторы пытаются конкретизировать механизм попадания кавказских изделий в лесостепной ареал. Так, по мнению Ю. В. Буйнова и Л. П. Грубник-Буйновой, «...северокавказские изделия (имеется в виду оружие — С. С.) попадали в лесостепные районы Восточной Европы... в результате военных набегов киммерийцев» (1985.— С. 117). В этом случае, учитывая, что речь идет о вооружении, вполне резонно предположить, что киммерийцы пользовались упомянутым кавказским оружием. Однако, этому предположению не соответствуют артефакты, которыми мы располагаем. Как и в Лесостепи, топоры кавказского происхождения еще ни разу не найдены ни в одном из киммерийских захоронений степного причерноморского ареала, что является весьма показательным фактом.

Подобное вооружение достаточно обычно в могилах предскифского времени Северного Кавказа. Однако, традиция широкого использования в военном деле таких топоров там несомненно принадлежит местным кобанским племенам.

Видимо, будет вполне правомерно говорить о том, что боевые топоры, как тип вооружения, вообще не играли какой-либо существенной роли в воинском деле киммерийцев. А. И. Тереножкин склонен был считать киммерийскими по происхождению бронзовые секиры из захоронения в могильнике у хут. Кубанский близ г. Усть-Лабинский и погребения в Султан-Горском могильнике близ г. Кисловодск, отмечая также, что изображение подобных секир известно на стелах у

с. Новомордово в области ананьинской культуры (1976.— С. 141—142). Однако, мнение о киммерийской принадлежности этих топоров вряд ли обоснованно. Дело в том, что все упомянутые образцы происходят из памятников, не являющихся собственно древностями Новочеркасской группы. Так, например, Н. В. Анфимов без каких-либо оговорок писал, что Кубанский могильник не содержит «ни одной типичной киммерийской вещи», соотнося его с предками меотов (1971.— С. 176). Сам А. И. Тереножкин об изображенных на новомордовских стелах топорах писал, что они «ананьинские древние секиры» (1976.— С. 118). Погребение же с секирой из Султан-Горского могильника относится к кругу кобанских захоронений (Виноградов, Дударев, Рунич, 1980.— С. 196).

Каменные оселки (или точильные бруски) несомненно являлись элементами воинского снаряжения киммерийцев. Достоверно зафиксированы в трех погребениях Правобережной Лесостепи: Квитках, Ольшане, Яснозорье (рис. 8, 17; 13, 4; 18, 2). Оселки из Ольшаны и Яснозорья изготовлены из мелкозернистого серого и коричневого песчаника, оселок из Квиток сделан из полупрозрачного кварцита. Оселки различны по форме. Экземпляр из Квиток — тесловидной формы, расширенный книзу (рис. 8, 17), оселок из Ольшаны — прямоугольный с закругленными углами (рис. 13, 4), экземпляр из Яснозорья — прямоугольной формы (сохранилась примерно половина оселка) выполнен в виде узкого бруска, утолщенного в центре (рис. 18, 2). Оселки имеют тщательно заглаженную поверхность, без явных следов использования. В верхней части отверстие для подвешивания. Весьма сходные по форме оселки известны в степных киммерийских погре-

бениях. Так, например, экземпляру из Квиток практически полностью соответствует оселок из гробницы № 2 Высокой Могилы (рис. 25, 2), как по форме, так и по материалу, из которого он сделан (Тереножкин, 1976.— С. 30.— Рис. 5, 4).

Учитывая отсутствие следов сработанности на оселках из киммерийских погребений А. И. Тереножкин высказал вполне достоверную мысль о том, что в погребения помещались лишь новые, не бывшие в употреблении бруски (1976.— С. 146).

Орудия труда в киммерийских захоронениях Лесостепи встречаются крайне редко. Железное *тесло* в виде прямоугольной, расширяющейся книзу пластины, имеющей в верхней части два выступа, происходит из квитковского кургана (рис. 5, 15). Ближайшей аналогией ему является тесло из клада 1955 г. на Субботовском городище, относящееся ко второй ступени чернолесской культуры (Тереножкин, 1961.— С. 160.— Рис. 107, 2). Близкие по форме тесла встречаются в Лесостепи и в более позднее, скифское, время, например, в кургане у с. Малая Офирна на Правобережье, Старшей Могиле на Левобережье (Петровська, 1968.— С. 168.— Рис. 4, 6; Ильнская, 1968.— Табл. III, 10).

Железные *ножи* найдены в двух могилах — Ольшане и кургане №375 у с. Константиновка. Первый из них имеет утолщенную округлую спинку и слегка вогнутое лезвие (рис. 13, 7). Подобные ножи хорошо представлены на позднечернолесских поселениях Лесостепи (Тереножкин, 1976.— С. 84.— Рис. 49, 3—7.— С. 92.— Рис. 55, 7). Тип второго ножа не ясен. Известно лишь, что он имел деревянную ручку.

Бронзовые *иглы* (2 экз.) происходят из курганов №№ 375, 377 у с. Константиновка. В первом из упомянутых курганов

найденно также железное шило с деревянной ручкой.

Наконец, еще одно орудие труда — керамическое *пряслице* биконической формы, украшенное оттисками зубчатого штампа, обнаружено в кургане №1 у с. Бандышевка (рис. 3, 3). Пряслица, орнаментированные подобным образом достаточно обычны в лесостепных древностях предскифского и раннескифского периодов. Как пример можно привести образцы из кургана №2 у с. Тютки Винницкой области, относящегося к жаботинскому периоду (Заец, 1979.— С. 258.— Рис. 2, 11), и кургана №2 группы II у с. Медвин, датированного Г. Т. Ковпаненко глубокой скифской архайкой (1981.— С. 42.— Рис. 31, 11).

Сведения о личных украшениях в киммерийских погребениях Лесостепи весьма скудны. Впрочем, сказанное касается в целом киммерийских древностей юга Восточной Европы. В курганах №375 и 377 у с. Константиновки найдены немногочисленные «мелкие бусы» (материал не известен), «кусочек распавшейся серебряной проволоки», точное назначение которой не ясно. Это могла быть часть серьги, гривны или браслета. При погребенном юноше в кургане у с. Ольшана находилась витая гривна и подвеска («булавка»), изготовленные из золота. Если гривна является уникальной для киммерийских погребений Причерноморья (но имеет аналогии за его пределами), то подвески, подобные ольшанским, не известны вовсе.

Гривны, практически идентичные ольшанской, в количестве 17 экз. происходят из знаменитого клада золотых вещей, найденного в 1876 г. в Бешенсег-Фокору в Восточной Венгрии (Кеменцеи, 1986.— С. 142, 149.— Рис. 50, 13; 1986а.— S.14.— Abb. 3, 10). Клад датиро-

уется обычно в пределах VIII—VII вв. до н. э., хотя предпринимаются попытки определить его время более конкретно: VII в. до н. э. (Кеменцеи, 1986.— С. 152). Существует мнение, что гривны из Фокору местного происхождения, имеют прототипы в культурах предшествующего времени. В целом же, учитывая состав вещей клада, его появление в Альфельде связывают с приходом в этот регион киммерийцев с восточной территории (Кеменцеи, 1986.— С. 150). Таким образом, можно считать, что гривна из Ольшаны является импортным изделием. Возможно, она попала к киммерийцам из Задубавья через посредство фракийцев-трегов, с которыми первые довольно тесно общались. Впрочем, мог быть, конечно, и иной путь.

Подвеска из Ольшаны, скорее всего, образец киммерийской торевтики. В пользу этого свидетельствуют элементы оформления ее верхней части — в виде полой трубочки, украшенной вертикально напаянными золотыми проволочками. Весьма сходный внешний вид имеют золотые обоймы от ножен мечей из Квиток и гробницы №2 Высокой Могилы (Ковпаненко, Гупало, 1984.— С. 51, 1.— С. 52.— Рис. 12, 5) (рис. 6, 20; 25, 4).

Говоря о личных украшениях из драгоценных металлов в захоронениях воинов-киммерийцев, следует особо подчеркнуть, что они, по всей видимости, являлись показателем достаточно высокого социального статуса владельцев. Сказанное особенно касается гривны, несомненно бывшей символом власти. Примечательно, что в степных киммерийских захоронениях — погребении №2 Высокой Могилы, кургане Птичата Могила у с. Белоградца, не подвергшихся ограблению и содержащих выполненные из золота детали воинской амуниции, что сви-

детельствует о принадлежности погребенных в них воинов к знати, личные украшения из драгоценных металлов отсутствовали. Лишь в кургане у с. Ендже погребенный киммериец сопровождался золотой диадемой — несомненно социально-престижной вещью (Тереножкин, 1976.— С. 43.— Рис. 16, 1) (рис. 27, 11).

Железная гвоздевидная булавка, найденная в кургане у с. Ольшана, имела выпуклую округлую шляпку. Предмет сильно корродирован, нижняя часть обломана (рис. 13, 5).

Изделие, хотя и относится к категории предметов, достаточно широко распространенных в памятниках раннего железного века Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, в собственно киммерийских древностях почти не встречается. Единственное известное мне исключение, помимо Ольшаны, булавка из погребения в кургане у с. Великая Александровка в Нижнем Поднепровье близкая по внешнему виду ольшанскому экземпляру (Кубышев, Полин, Черняков, 1985.— С. 146.— Рис. 3, 14).

Весьма распространенной принадлежностью инвентаря киммерийских захоронений Лесостепи является посуда. Она представлена в 9 из 15 погребений. При этом необходимо помнить, что отдельные могилы основательно нарушены. Иными словами, можно предполагать большее первоначальное количество посуды. К тому же нельзя исключать, что в захоронениях находились несохранившиеся к моменту раскопок сосуды из дерева или кожи. Последние особенно характерны для кочевников различных эпох. Напомню, что посуда является почти обязательным элементом заупокойных даров в степных киммерийских могилах, хотя металлические сосуды в них пока не встречены.

В лесостепных погребениях кимме-

рийцев целиком преобладает керамическая посуда: металлические сосуды достоверно зафиксированы лишь в трех могилах — Квитки, Таганча, курган № 1 у с. Бандышевка. Сосуды из Квиток и Таганчи относятся к категории бронзовых клепаных ситул с ручками, украшенными головками животных (рис. 6, 26; 17, 10), производство которых, очевидно, осуществлялось в центральных горных районах Главного Кавказского хребта в VIII—VII вв. до н. э. (Крупнов, 1952.— С. 20—22). Помимо названных погребений, два аналогичных сосуда найдены на поселении у с. Жаботин на Тарасовой горе (рис. 19, 1, 2).

Обычно, с этой группой бронзовой посуды соотносят и почти аналогичные по форме сосуды также кавказского производства с ручками в виде обычных круглых петель. Как уже отмечалось, в Правобережной Лесостепи один такой сосуд, найденный в кургане № 15 у с. Константиновка, относят к глубокой скифской архаике. Второй (место находки не известно) происходит из собрания Ф. Ф. Кундеревича, хранящегося в НМИ Украины (Ильинская, 1975.— С. 115.— Рис. 9.— Табл. XIV, 6.— С. 14). Несомненно, и первые, и вторые сосуды довольно близки по времени производства. Тем не менее, хотелось бы еще раз обратить внимание на следующий факт. Сосуды, абсолютно аналогичные константиновскому, известны на Северном и Центральном Кавказе в составе кладов, но особенно хорошо представлены в погребениях Тлийского могильника (20 экз.), относящихся к раннескифскому времени. Б. В. Техов датирует их VII—VI вв. до н. э. Примечательно, что он не сопоставляет эти сосуды ("ведерки") с ситулами, украшенными ручками с головками животных (Техов, 1980.— С. 47). В качестве осторожного

предположения можно допустить, что последние более характерны для новочеркасского времени²³, сосуды же с ушками-петлями — «ведерки» получают распространение преимущественно в раннескифское время²⁴.

К кругу кавказских изделий относится и бронзовая клепаная миска кобанской культуры, найденная в составе клада на Залевкинском городище (рис. 19, б), речь о котором пойдет ниже.

Сосуд в виде чаши или миски из кургана № 1 у с. Бандышевка сохранился в крайне фрагментированном состоянии: обломки венчика и ручки (рис. 4, 5). Ю. Н. Бойко полагает, что аналогии ему следует искать среди металлической посуды рубежа IX—VIII вв. до н. э. в Верхнем и Среднем Подунавье (1989. — С. 12). Думаю, что состояние находок не позволяет говорить об этом столь уверенно. К тому же керамическое пряслице из могилы — биконическое, украшенное зубчатым штампом, как уже отмечалось, относится, скорее всего, к позднему предскифскому периоду.

Керамический набор киммерийских погребений Лесостепи отличается от степных захоронений и по количеству сосудов, и по ассортименту последних. В степных могилах, как правило, находят по одному сосуду.

Это касается даже могил знатных воинов, например, в Зольном, Высокой Могиле (Тереножкин, 1976. — С. 24—68; Мелюкова, 1989. — С. 15). Очень редко встречается большее число сосудов. Как пример, укажу на четыре сосуда в курга-

не у с. Великая Александровка (Кубышев, Полин, Черняков, 1985. — С. 144). В Лесостепи, напротив, в тех случаях, когда в захоронениях есть керамика, она представлена большим количеством. Лишь в одном погребении (Рыжановка, курган V) находилось два сосуда. Как правило, их несколько, причем в кургане у с. Квитки сосудов было не менее 8—9, кургане № 375 у с. Константиновка — не менее 10. Столь существенно и видовое отличие. В степных захоронениях присутствует в основном два вида столовой посуды: чаще кубки, реже корчаги. В лесостепных могилах, помимо указанной столовой посуды, представлены черпаки, миски, а также кухонные горшки.

Объяснение этому факту я предложу ниже, а сейчас, изложив общие наблюдения, более детально рассмотрим керамику лесостепных погребений, в которых найдены металлические киммерийские вещи.

Наиболее часто в могилах, содержащих керамику, встречаются черпаки: в шести могилах зафиксировано не менее 12 экз. Пожалуй, столь же часты находки горшков. В трех могилах встречено 3 целых сосуда, еще в трех — фрагменты горшков, общее число которых не ясно. В пяти захоронениях присутствовали миски и корчаги: не менее 8 первых, не менее 5 вторых. Кубки (4 экз.) встречены в трех могилах.

К сожалению, до настоящего времени сохранились не все сосуды. Есть основания судить лишь о внешнем виде 10 черпаков, 4 мисок, 4 кубков, 3 корчаг, 1 горшка. Остальные сосуды представлены ли-

²³ Примечательно, что в свое время более позднюю дату кавказского сосуда из Константиновки, по сравнению с иными клепаными сосудами кавказского облика в Лесостепи, предполагал С. Л. Дударев (1979. — С. 96, 97).

²⁴ Видимо определенным исключением является находка такого сосуда во втором Келермесском кургане (Крупнов, 1952. — С. 28), датируемом ныне серединой — третьей четвертью VII вв. до н. э. (Галанина, 1983. — С. 51, 53).

бо фрагментами, либо в описаниях сохранились весьма не конкретные данные.

Все черпаки имеют высокую петельчатую ручку, плоскую или овальную в сечении, украшенную выступом-отростком различной формы, хорошо лощеную поверхность коричневого или черного цвета.

Относятся они к трем типам. Первый (кружковидные неорнаментированные черпаки, имеющие глубокую слабо профилированную чашечку) представлены четырьмя сосудами: по одному экземпляру из кургана № 376 у с. Константиновка и кургана II у с. Рыжановка и два экземпляра из кургана № 375 у с. Константиновка (рис. 7, 3, 5, 10; 17, 4).

Генетически этот тип черпаков восходит к белогородовско-чернолесским сосудам. Аналогии им хорошо известны в памятниках чернолесской поры — поздних слоях Субботовского городища, грунтовом могильнике у с. Кайлов (Тереножкин, 1961. — С. 66. — Рис. 40, 3. — С. 74. — Рис. 49, 3), кургане № 52 у с. Гуляй-Город, погребениях чернолесско-жаботинского времени в курганах № 212 на р. Тенетинке, № 490—492 у с. Турия (Ильинская, 1975. — Табл. III, 15; XXIX, 12; XXXI, 6), № 220, 296 у с. Зеленки, № 238 у г. Кагарлык (Ковпаненко, 1981. — С. 80, 81. — Рис. 50, 1—2, 4).

Ко второму типу (черпаки с глубокой округлой или уплощенной чашечкой, короткой выделенной шейкой, с поясом геометрического орнамента) относятся также четыре черпака — второй черпак из кургана № 376 у с. Константиновка, оба сосуда из Квиток, второй черпак из кургана II у с. Рыжановка (рис. 7, 8; 17, 3; 18, 10, 12). Орнаментальный пояс располагается в верхней, наиболее широкой части корпуса, где он делится незаштрихованными полосами на несколько зон и в нижней части ручек, вблизи крепления

последних к венчику. В декоре сочетается врезной геометрический орнамент в виде разнообразных, как правило, заштрихованных фигур и штампованный — в виде небольших кружков, затертый белой или красной пастой. Указанные особенности (форма сосудов, характер декора) позволяют отнести рассматриваемые черпаки к древнейшей жаботинской группе (Покровская, 1973. — С. 184, 185; Ковпаненко, Гупало, 1984. — С. 55). По форме они имеют многочисленные подобию в древностях предскифского и раннескифского периодов в Лесостепном Правобережье. Что же касается композиции орнаментов, то точные аналогии всем сосудам пока не известны, за исключением черпака из кургана № 376 у с. Константиновка: сосуд с абсолютно сходным декором был найден в районе Канева (Ковпаненко, 1981. — С. 81. — Рис. 50, 7).

Третий тип черпаков включает два сосуда: экземпляр из кургана V у с. Рыжановка и третий черпак из кургана № 376 у с. Константиновка (рис. 7, 9; 17, 9). Сосуды имеют неглубокую, широко открытую чашечку с прямым (Константиновка) или слегка отогнутым наружу (Рыжановка) венчиком. Украшены по центру корпуса сравнительно узким поясом врезного геометрического орнамента, заполненного белой пастой. У черпака из Рыжановки врезной орнамент сочетается со штампованным в виде небольших кружков. Черпаки этого типа появляются в предскифское время, хотя, пожалуй, наибольшее распространение получают в скифский период — например, в кургане № 524 у с. Жаботин, 460 у с. Макеевка (Ильинская, 1975. — Табл. VII, 12, 17; XVII, 11).

Миски, о которых есть данные, могут быть разделены на три типа. Первый тип — глубокие конические миски с че-

тырьмя прямоугольными выступами-ручками. К ним принадлежат оба экземпляра из кургана II у с. Рыжановка (рис. 17, 5, 6), а возможно, и третий экземпляр, изображение которого не опубликовано. Не исключено, что миской этого типа является и сосуд из кургана № 376 у с. Константиновка, о котором в публикации говорится, как о «глубокой миске». Как справедливо отмечала В. А. Ильинская, миски подобной формы обычны на поселениях раннежаботинского времени в Лесостепном Поднепровье и на Днестре (1975.— С. 139, 140). Хорошие аналогии рыжановские сосуды имеют и в погребальных памятниках, например, захоронениях из курганов № 92 у с. Бобрица, № 3 у с. Гадомка, отнесенных Г. Т. Ковпаненко к Новочеркасскому времени (1981.— С. 91.— Рис. 54, 2—3).

Второй тип представлен одной из квитковских мисок. Это округлодонный сосуд с прямым, горизонтально обрезанным краем и вмятиной в основании дна (рис. 18, 13).

К третьему типу относится другая квитковская миска, имеющая полусферическую форму с плоским дном. Горизонтально обрезанный край загнут вовнутрь. По краю — четыре овальные «ручки»-выступы (рис. 18, 4).

Миски всех типов имеют темную, хорошо подложенную поверхность. Аналогичные сосуды известны в кругу древностей Лесостепного Правобережья со второго этапа чернолесской культуры (Тереножкин, 1961.— С. 63—70.— Рис. 44, 4). Первую миску из Квиток можно сопоставить также с сосудами, найденными в курганах жаботинского этапа у с. Тютки Винницкой области (Заец, 1979.— С. 257.— Рис. 1, 12—14.— С. 258.— Рис. 2, 2), аналогии второй миски, с овальными выступами-«ручками»

хорошо известны на позднечернолесских памятниках Среднего Днестра (Смирнова, 1984.— С. 48.— Рис. 5, 2, 4). Из приведенных данных видно, что квитковские и рыжановские миски в принципе относятся к одному и тому же отрезку времени.

Все четыре кубка (два — в кургане у с. Ольшана, по одному — в кургане № 375 у с. Константиновка и кургане № 8 у с. Яснозорье) в целом принадлежат к одному типу — круглодонным сосудам с цилиндрическим горлом и плавно отогнутым наружу венчиком (рис. 7, 4; 14, 15, 41; 18, 1). Правда, больший экземпляр из Ольшаны отличается от остальных сосудов очень короткой шейкой. Поверхность сосудов черного цвета, подложена. Орнаментальный пояс располагается в средней части корпуса («малый» кубок из Ольшаны, сосуд из кургана № 375 у с. Константиновка) или покрывает верхнюю часть корпуса («большой» кубок из Ольшаны, сосуд из Яснозорья). Декор представлен разнообразным врезным геометрическим орнаментом, заполненным белой или красной пастой, в одном случае сочетающимся со штампованными оттисками в виде небольших кружков (кубок из Ольшаны). Ольшанские кубки и сосуд из кургана № 375 у с. Константиновка весьма близки между собой по орнаменту и находят хорошие аналогии по элементам декора среди сосудов Лесостепного Днепровского Правобережья, отнесенных В. А. Ильинской к «древнейшему жаботинскому типу». Так, «малый» ольшанский сосуд по наличию над орнаментальным фризом своеобразных треугольников, выполненных из штампованных кружков, имеет сходство с кубком из кургана № 126 на р. Тенетинка. По характеру резного геометрического орнамента он напоминает сосуд из кургана у с. Ромейково. Кубки, найденные в одном

из курганов у с. Райгород, сочетают в себе элементы декора двух ольшанских сосудов (Ильинская, 1975.— Табл. VI, 17, XXVII, 6, XXXIV, 24).

Все три целиком сохранившиеся корчаги, две из Ольшаны, одна — из Квиток, близки между собой по форме, хотя и различаются в деталях: сосуд из Квиток и «малая» корчага из Ольшаны имеют более высокое цилиндрическое горло, чем «большая» ольшанская корчага (рис. 14, 16; 18, 8). Последний сосуд и квитковская корчага обладают более широким, раздутым туловом, нежели «малая» корчага из Ольшаны (рис. 14, 42). Ольшанские корчаги сходны между собой по характеру врезного геометрического орнамента и отличаются по указанному признаку от квитковского сосуда, врезной орнамент которого (в виде крупного зигзага) достаточно оригинален и пока не находит аналогий на посуде этого вида. Вместе с тем, «большую» корчагу из Ольшаны и квитковский сосуд роднит орнамент на плечиках в виде сосцевидных выступов.

Рассматриваемые корчаги имеют сходство с сосудами, найденными на поселении у с. Жаботин (Покровская, 1973.— С. 182.— Рис. 7, 12). Весьма близкая, если не идентичная «большой» ольшанской корчаге, как по форме, так и по орнаменту, корчага, происходящая из окрестностей Черкасс или Канева, хранящаяся в собрании Ф. Ф. Кундеревица в НМИ Украины, отнесена В. А. Ильинской к «древнейшему жаботинскому типу» (1975.— С. 69.— Рис. 4, 11).

Горшок тюльпановидного профиля, входивший в керамический комплекс кургана в Квитках (рис. 18, 7), по форме и элементам орнамента (проколы под венчиком, налепной расчлененный валик на плечиках), как справедливо отметила

Г. Т. Ковпаненко, весьма напоминает сосуды, известные в Правобережной Лесостепи со второго этапа чернолесской культуры. Вместе с тем, он отличается от них наличием под венчиком второго гладкого валика, что в определенной степени сближает квитковский сосуд с раннескифскими горшками, для которых наличие двух валиков в указанных местах довольно обычная деталь. Правда, стоит отметить, что валик под венчиком у раннескифских сосудов не гладкий, а расчлененный пальцевыми вдавлениями. Возможно квитковский горшок является некоей переходной формой от предскифских сосудов к скифским, отражающим определенную эволюцию орнамента.

Рассмотрение керамических сосудов, обнаруженных в киммерийских погребениях Украинской Лесостепи, как представляется, вполне недвусмысленно свидетельствует об их местном характере. Данный вывод основывается, в первую очередь, на широчайшем и повсеместном использовании подобной посуды автохтонным лесостепным населением в предскифский период.

При этом необходимо заметить, что в контексте рассмотрения вещевого комплекса захоронений пришельцев-номадов, теряет остроту вопрос, которому посвящена дискуссия о генезисе форм, но в большей степени — орнамента столовой посуды жаботинского типа, до последнего времени представленная двумя основными точками зрения. Напомню, что первая из них предполагает прямую генетическую преемственность упомянутой столовой посуды от керамики белогрудовско-чернолесского времени, хотя при этом допускается определенное влияние на формирование этой посуды со стороны фракийских групп Карпато-Дунайского бассейна (Ильинская, 1975.— С. 170).

Вторая, напротив, формирование керамического комплекса жаботинского типа у населения Правобережной Днепро-вской Лесостепи прямо связывает с непосредственным воздействием керамических традиций племен фракийского гальшта-та — в частности группы Гава-Голиграды Среднего Поднестровья и Сахарна-Солончены Лесостепной Молдовы. При этом считается, что проводниками этих влия-ний являлись мигранты, мастера-керами-сты, попавшие в Приднепровскую Лесо-степь с более западных территорий (Смирнова, 1990.— С. 22).

В последнее время высказывается так-же мнение, трактующее появление лоще-ной столовой керамики с врезным геомет-рическим орнаментом в различных реги-онах Европы предскифского периода как явление, отражавшее некую общую моду на подобную посуду (Крушельницкая, 1991.— С. 33, 34), приведшую к опреде-ленному «орнаментальному взрыву» на обширных территориях (Брумяко, 1989.— С. 21, 22).

Косвенно в пользу местного характера сосудов из киммерийских погребений Ле-состепи говорит и их количество. Как уже отмечалось, в киммерийских захоронени-ях Степи, как правило, встречается по одному сосуду.

Говоря о керамике киммерийских мо-гил Лесостепи, хотелось бы коснуться еще одного вопроса. Как известно, боль-шое сходство лесостепных корчаг и осо-бенно кубков чернолесско-жаботинского этапа со степной посудой по форме, от-делке внешней поверхности, композиции орнамента в свое время позволило В. А. Ильинской говорить о проникнове-нии лесостепных форм в Степь (1975.— С. 168, 169). Эта точка зрения получила

поддержку исследователей (Тереножкин, 1976.— С. 96) и рассматривалась как сви-детельство тесных контактов лесостеп-ных племен с киммерийцами (Гаврилюк, 1979.— С. 38, 39; Мелюкова, 1989.— С. 15). Впоследствии она вызвала крити-ку со стороны некоторых авторов, пола-гавших, что это влияние имело обратный характер, а именно — шло из степного ареала в Лесостепь и проводником этих культурных традиций являлись степня-ки-киммерийцы (Кубышев, Полин, Чер-няков, 1985.— С. 152, 153). Последнее мнение представляется ошибочным, в связи с чем уместно еще раз вспомнить верное наблюдение О. Р. Дубовской о том, что в погребениях с сосудами жабо-тинского типа в степной зоне ни разу не встречены металлические вещи Новочер-касского типа. Иными словами, есть ос-нования говорить о том, что киммерийцы степного ареала не пользовались в быту, а также в культовых, в том числе погребальных церемониях лесостепной кера-микой.

Думается, что вопрос об этнокультур-ной принадлежности степных погребений с чернолесско-жаботинской посудой еще ждет своего исследователя²⁵.

Итак, к какому же выводу можно прийти, рассмотрев вещевой комплекс киммерийских захоронений Лесостепи?

Бесспорно, он не однороден и слагает-ся из нескольких групп изделий. К пер-вой группе, условно назовем ее кимме-рийской, следует отнести принадлежно-сти конского снаряжения, вооружение, отдельные личные украшения. При этом, если северопричерноморское изготовле-ние одних вещей более или менее вероят-но (хотя, однако, нельзя исключать и се-верокавказское производство, например

²⁵

Возможно, они оставлены оседлым земледельческим населением.

удил типа «Константиновка-Ендже», снаряжения колесниц и т. п.), о местном северопричерноморском производстве других можно говорить, как представляется, достаточно определенно. Это костяные бляхи с красной инкрустацией из Носачева, удила из Квиток с дополнительными звеньями, подражающими носачевским уздечным бляхам, некоторые золотые детали ножен и портупеи из Квиток, булавка-"подвеска" из Ольшаны, железные мечи, кинжалы, топор, каменные оселки.

Две другие группы изделий являются чужеродными в киммерийском вещевом комплексе. Одна из них, назовем ее лесостепной, отражает контакты пришлых степняков с местным населением Лесостепи и включает керамическую посуду и орудия труда автохтонов. К слову сказать, посуда легко заимствовалась кочевниками различных эпох у оседлого населения. Наконец третья группа находок киммерийского вещевого комплекса из захоронений Лесостепи — немногочисленная, но крайне важна, поскольку она, наряду с находками из северокавказского и степного регионов Восточной Европы,

подтверждает археологическими материалами реальность свидетельств исторических источников о дальних походах киммерийцев — в Закавказье и Переднюю Азию, а возможно, и в Карпато-Подунавье. Такими находками являются неоднократно упоминавшиеся ажурные ассирийские бляхи от конского убора (Носачев), бронзовые бубенцы и золотая бляха от портупеи меча, выполненная в технике перегородчатой инкрустации, характерной для переднеазиатского искусства (Квитки), бронзовые клепаные ситутлы кавказского производства с ручками в виде головок животных (Квитки, Таганча), золотая шейная гривна, имеющая аналогии в Карпатском бассейне (Ольшана).

Таким образом, несмотря на в целом небольшое количество вещей из киммерийских могил Украинской Лесостепи, они, как представляется, являются разнообразными и достаточно информативными источниками при рассмотрении истории указанного региона в доскифскую эпоху.

Глава 3

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Почти все киммерийские погребения Украинской Лесостепи, за исключением комплексов из Ольшаны и Яснозорья в большей или меньшей степени являлись объектами хронологического анализа. Сравнительно небольшое число этих захоронений позволяет рассмотреть датировки каждого из них и, по возможности, предложить свои критерии хронологического членения киммерийских лесостепных захоронений.

Однако, поскольку датирование лесостепных могил в немалой степени зависит от взглядов на хронологию древностей Новочеркасской группы в целом (которые переживают определенную эволюцию), имеет прямой смысл хотя бы кратко остановиться на этом вопросе.

Как известно, А. А. Иессен, выделивший в 1954 г. на материалах Степного Предкавказья и Северного Кавказа группу памятников типа Новочеркасского клада, отнес ее к VIII или, возможно, началу VII вв. до н. э. (1954.— С. 119—126). Сам же клад бронзовых изделий, обнаруженный в 1939 г. на окраине г. Новочеркаска и давший название группе вышеупомянутых древностей (рис. 28, 1—7), исследователь датировал концом VIII или началом VII вв. до н. э., во всяком случае не позднее рубежа VIII—VII вв. до н. э. (Иессен, 1953.— С. 108, 109). Таким образом, А. А. Иессен огра-

ничил время бытования Новочеркасских памятников примерно одним столетием, предложив для эпонимного памятника еще более узкую дату. Основаниями для датировки древностей Новочеркасской группы явились: 1) состав вещей самого Новочеркасского клада — особенно бронзовый однолезвийный топор кобанского типа, двукольчатые удила, которым удалось найти аналогии, в первую очередь, в кобанских древностях Северного Кавказа и в определенной степени — в Северном Причерноморье; 2) представления исследователя о времени докелермесских древностей (к которым он относил на Кавказе Ставропольский курган 1924 г., курган у хут. Алексеевский, в Северном Причерноморье — погребение в кургане № 1 у хут. Черногоровка на Северском Донце и захоронение в кургане Малая Цимбалка у с. Большая Белозорка в Нижнем Поднепровье, определив их время второй половиной VII вв. до н. э. и рубежом VII—VI вв. до н. э.). При этом исследователь отмечал, что нижняя хронологическая граница докелермесских древностей вовсе не бесспорна, что не исключает ее удревнения (Иессен, 1954.— С. 117—119).

Хронологические рамки, установленные А. А. Иессеном для древностей Новочеркасской группы, были приняты многими исследователями и явились в немалой степени определяющими при

датировке открытых впоследствии в степном и лесостепном регионах Восточной Европы погребений типа Зольное, Бутенки, Носачев, Квитки и др.

А. И. Тереножкин в работах 60-х гг., посвященных предскифской теме, вначале объединял Новочеркасские памятники в одну группу с Черногоровкой, Малой Цимбалкой, а также Камышевахой (для последних он предложил различные даты — от конца IX — до первой половины VII вв. до н. э.), а позже полностью синхронизировал первые и вторые в пределах VIII — первой половины VII вв. до н. э. (1961.— С. 188—192). Различие между Новочеркасскими комплексами и древностями типа Черногоровка-Камышеваха в это время он объяснял не хронологией, а принадлежностью к различным племенным группировкам киммерийцев (Тереножкин, 1964.— С. 3).

Как известно, в середине 70-х гг. А. И. Тереножкин, опираясь на результаты работ Н. В. Анфимова в Прикубанье, разделил Черногоровско-Новочеркасские памятники на две асинхронные группы — Черногоровскую (900—750 гг. до н. э.) и Новочеркасскую (750—650 гг. до н. э.), определив их как позднейшие киммерийские памятники (1975.— С. 3, 4; 1976.— С. 22, 186—207²⁶).

Верхняя хронологическая граница Новочеркасской группы (650 г. до н. э.), несколько омоложенная по сравнению с предложенной А. А. Иессеном, устанавливается, как подчеркивал А. И. Тереножкин, по «общепризнанному факту» смены предскифской культуры скифской в середине VII в. до н. э. Основаниями

для этого явились свидетельства античных авторов о приходе скифов в Северное Причерноморье, данные ассирийских источников о вторжениях указанных кочевников в Переднюю Азию, древнейшие скифские памятники в Северном Причерноморье типа Темир-Горы (Тереножкин, 1976.— С. 204—206).

А. М. Лесков, принявший периодизацию А. И. Тереножкина о разделении позднейшего предскифского периода на две хронологические ступени, предложил иную абсолютную хронологию и этническую интерпретацию памятников. Новочеркасские он датировал концом VIII — началом последней четверти VII в. до н. э., приписав их древнейшим скифам, а Черногоровско-Камышевахские — серединой VIII — началом VII в. до н. э., связав их с историческими киммерийцами (1975. — С. 51, 52; 1981.— С. 98—106). Таким образом, в отличие от А. И. Тереножкина, исследователь предполагал сосуществование обеих групп на каком-то этапе, в частности, в конце VIII — начале VII вв. до н. э. (Лесков, 1984.— С. 147). Впоследствии идея синхронизации этих древностей на определенном этапе нашла поддержку и получила развитие в работах многих исследователей.

Для А. М. Лескова критериями в определении времени памятников Новочеркасского типа послужили два комплекса: Жемталинский клад (в состав которого входит, наряду с сосудами, бронзовый топор, аналогичный экземпляру из Новочеркасского клада), датированный Е. И. Крупновым самым концом VIII в.

26

К слову сказать, разделение А. И. Тереножкиным позднейших предскифских памятников юга Восточной Европы на две хронологические группы вызвало далеко не однозначную оценку исследователей. Так, В. В. Дворниченко считал его «чисто механической» и сомневался в самой ее правомерности (1978.— С. 97). По мнению О. Р. Дубовской, различия в погребальном обряде и инвентаре двух групп объясняется не столько хронологическими различиями, сколько этническими (1979.— С. 100—102).

до н. э. (1952.— С. 28) и бронзовые ажурные пряжки от конской сбруи, найденные в Носачевском кургане, аналогии которым в этот период были известны среди деталей упряжи коней, изображенных на дворцовых рельефах ассирийских царей Саргона II (722—705 гг. до н. э.) и Ашшурбанипала (668—624 гг. до н. э.) (Ковпаненко, 1966.— С. 174—179). Последняя дата (624 гг. до н. э.), по А. М. Лескову, и является верхней хронологической границей Новочеркасских древностей.

Несколько позже Н. Л. Членова датировала Новочеркасские памятники, как, впрочем, и Черногоровские, в рамках VII в. до н. э., сопоставляя соответственно первые с киммерийскими, вторые — со скифскими (1984.— С. 30—42)²⁷. Основания для такой датировки Н. Л. Членова видит в присутствии двукольчатых удил в ряде погребений Восточной Европы, относящихся по ее мнению, к указанному времени. Ныне она допускает, что двукольчатые удила бытовали с конца VIII в. до н. э., но основным временем их распространения по-прежнему считает VII в. до н. э. (Членова, 1992.— С. 102—103).

Из изложенного выше, вполне очевидно, что с начала 50-х до первой половины 80-х гг. хронология памятников Новочеркасской группы юга Восточной Европы определялась в сравнительно узком временном диапазоне — в пределах VIII — первой половины VII вв. до н. э. или VII в. до н. э.

Начиная со второй половины 80-х гг. в работах ряда авторов наметилась тенденция к удревнению Новочеркасских памятников. Из отечественных исследова-

телей я имею в виду, в первую очередь, В. И. Клочко, В. Ю. Мурзина, С. В. Махорты, В. Р. Эрлиха, из зарубежных — Г. Коссака. При этом наблюдается вариантность в определении прежде всего нижней хронологической границы памятников. Для В. И. Клочко и В. Ю. Мурзина — это — IX в. до н. э. (1987а.— С. 73—75; 1987б.— С. 170, 171; 1989.— С. 61—71). В совместной статье В. И. Клочко и С. В. Махорты нижняя хронологическая граница определена X—IX вв. до н. э. (1987.— С. 71—73), в индивидуальных работах С. В. Махорты — IX в. до н. э. (1987.— С. 163—166; 1991.— С. 74, 75; 1992.— С. 25—27). Аналогичным временем датируют нижнюю хронологическую границу Г. Коссак (1987.— С. 24—86) и В. Р. Эрлих (1991.— С. 38, 39). Верхняя хронологическая граница Новочеркасских древностей для большинства исследователей, за исключением Г. Коссака, остается неизменной — начало или первая половина VII в. Последний определяет ее VIII в. до н. э. В последнее время эта точка зрения поддержана И. Н. Медведской (1992.— С. 86) и С. В. Полиным (1994.— С. 156—158).

Удревнение периода бытования Новочеркасских материалов В. И. Клочко, В. Ю. Мурзиным, С. В. Махорты осуществлялось за счет удревнения времени появления бронзовых двукольчатых удил. Основанием для этого послужило наличие в одном комплексе двукольчатых удил с вещами среднеевропейского облика, имеющими, как полагают, упомянутые исследователи, надежные ранние даты: бронзовый наконечник копья трансильванского типа XII—XI или XII—XI—X—IX вв. до н. э. (комплекс у с. Ро-

²⁷

Такая дата, предлагаемая как для памятников доскифской, так и скифской культур, вызвала критику со стороны А. И. Мелюковой, указавшей, что она «не вызывает доверия» (1988.— С. 10).

дионовка Днепропетровской обл.), бронзовые двулопастные наконечники стрел с остролистными шиповидными лопастями, которые по мнению В. И. Клочко, В. Ю. Мурзина и С. В. Махортых, относятся к широко распространенному в Центральной Европе типу наконечников стрел XII — начала X вв. до н. э. (погребение № 34 могильника у Кисловодской мебельной фабрики²⁸), серебряная булава с четырьмя боковыми выступами (погребение № 15 упомянутого могильника), аналогии которой авторы видят в одном из румынских кладов IX в. до н. э. В одной из работ В. И. Клочко и В. Ю. Мурзина, помимо названных примеров, отмечается, что в составе клада у с. Прюдь в Венгрии якобы имеются бронзовые ажурные бляхи с поперечными желобками, аналогичные найденным в Носачевском кургане, что, по идее, должно бы привести к удревнению даты погребения из Носачева (1987.— С. 74). На самом деле упомянутые бляхи в составе клада у с. Прюдь отсутствуют (Keményselei, 1981.— S. 29—41). С. В. Махортых привел еще один случай, когда в погребении обнаружена булава, аналогичная кисловодской и найденной в упомянутом румынском кладе IX в. до н. э.— это могила № 38 Зандакского могильника (бывшая Чечено-Ингушетия) (1991.— С. 26.— Рис. 3, 9).

Различия в определении нижней хронологической границы бытования комплексов Новочеркасского типа на юге Восточной Европы в работах В. И. Клочко, В. Ю. Мурзина и С. В. Махортых объясняются главным образом различным определением абсолютной даты для бронзо-

вого наконечника копья из Родионовки: XI—X вв. до н. э. (по В. И. Клочко и В. Ю. Мурзину) или XIII—IX вв. до н. э. (по С. В. Махортых). Для С. В. Махортых верхняя дата родионовского копья (IX в. до н. э.) соответственно является нижней хронологической границей появления Новочеркасских древностей на юге Восточной Европы.

В работе В. Р. Эрлиха, тщательно проанализировавшего бронзовые уздечные наборы предскифского и раннескифского времени из Закубанья, выделено несколько хронологических групп. Датировка двух из них в рамках IX — первой половины VII до н. э. определяет по В. Р. Эрлиху время бытования Новочеркасских памятников (1991.— С. 38, 39). Дата конского убора Новочеркасского типа первой хронологической группы — IX в. до н. э., второй — середина VIII — первая половина VII в. до н. э. В первом случае основанием для датировки является комплекс погребения № 35 могильника Фарс в Адыгее, где с двукольчатыми ложновитыми бронзовыми удилами найден птицеголовый скипетр, имеющий ближайшую аналогию в упомянутом кладе у с. Прюдь (Эрлих, 1991.— Рис. 4) не позже IX в. до н. э. Во втором случае в основу хронологии положен комплекс погребения № 186 могильника Клинь-Яр III в районе Кисловодска, в состав которого, наряду с конским убором (в том числе двукольчатые удила со звеньями, украшенными рубчатой насечкой «квадратиками») и другими вещами, встречен бронзовый ассирийский шлем, датируемый по аналогиям на рельефах из Ниневии периодами правления Синаххериба

28

В статье, вышедшей в 1992 г., С. В. Махортых уже рассматривает эти наконечники не как центральноевропейские, а северопрichernоморские, подыскивая им аналогии в степных Черногоровских древностях — Малой Цимбалке и кургане № 6 у с. Александровка на Днепропетровщине, никак не оговаривая причины изменения своих взглядов по указанному вопросу (Махортых, 1992.— С. 25, 26).

(705—681 гг. до н. э.) и Ашшурбанипала (668—624 гг. до н. э.). Следует особо подчеркнуть, что опубликовавший клин-ярский комплекс А. Б. Белинский склонялся к мысли, что происходящий из него шлем наиболее близок изображенным на рельефах эпохи Синаххериба (Белинский, 1990.— С. 190—195) (рис. 28, 8—16).²⁹

Для указанной группы В. Р. Эрлих предложил считать верхней хронологической рамкой начало келермесского времени (по дате первого Краснознаменского кургана — третья четверть VII в. до н. э.). Нижнюю же хронологическую границу автор определил «с долей условности» — серединой VIII в. до н. э., поскольку «под 714 г. до н. э. киммерийцы уже упоминаются в передней Азии» (Эрлих, 1991.— С. 39). Иными словами, присутствие их в более раннее время в Восточной Европе вполне очевидно. Позже исследователь попытался обосновать эту дату ссылкой на то, что ассирийский шлем из клин-ярского могильника, найденный в комплексе с бронзовой уздой Новочеркасского типа, ближайшие аналогии находит не на рельефе Синаххериба и Ашшурбанипала, а изображениях более раннего периода — времени правления Тиглатпаласара III (745—724 гг. до н. э.) и Саргона II (722—705 гг. до н. э.) (Эрлих, 1992.— С. 177—179). Это вызвало справедливую критику со стороны А. Ю. Алексеева, подчеркнувшего, что наиболее подобны клин-ярским шлемы, изображенные на рельефах эпохи Синаххериба (1992.— С. 83), с чем трудно не согласиться.³⁰

Достаточно важными представляются отмеченные С. В. Махортых и В. Р. Эрли-

хом отдельные детали бронзовых двукольчатых удилов, могущие быть, как считают авторы, хронологическими критериями, указывающими на ранний или поздний период изготовления конской упряжи. Так, признаками архаических двукольчатых удилов являются: 1) литой орнамент в виде обмотки, покрывающий стержни удилов (Махортых, 1991.— С. 74, 75; 1992.— С. 24; Эрлих, 1991.— С. 38, 39); 2) большие внутренние кольца (внешние имеют меньшие размеры и располагаются вплотную друг к другу, без перемычки, что характерно для более поздних удилов; 3) весьма малые размеры одного из внешних колец; 4) округлое или квадратное сечение стержня удилов (у более поздних оно имеет подтрапециевидное очертание) (Махортых, 1991.— С. 74, 75; 1992.— С. 24). Наиболее характерные признаки поздних удилов — наличие на стержнях последних рубчатой насечки в виде «квадратиков». Большинство из упомянутых признаков можно считать достоверными, хотя с тезисом С. В. Махортых о том, что для ранних двукольчатых удилов характерно округлое или квадратное сечение стержней, а для поздних — подтрапециевидной формы, согласиться нельзя. Все известные с территории Северного Причерноморья двукольчатые удила, грызла которых украшены «квадратиками» (поздний признак), имеют округлые или овальные в сечении стержни. Также очевидно, что далеко не всегда на стержнях удилов позднего времени присутствуют рубчатые насечки-«квадратики». В Северном Причерноморье имеется ряд комплексов, где об-

²⁹

Датировка А. Б. Белинским клин-ярского шлема принята рядом исследователей. Помимо названной работы В. Р. Эрлиха, см. также: Дударев, 1991.— С. 52, 53; Махортых, 1991а.— С. 73.

³⁰

Недавно С. В. Полин также предложил датировать клин-ярские шлемы первой половиной VIII в. до н. э. (1994.— С. 158), что мне не представляется в достаточной степени аргументированным.

наружены двукольчатые удила с гладкой поверхностью, а также украшенные «квадратиками». В качестве примера укажу на лесостепные погребения, где присутствуют удила с гладкой поверхностью: Носачев, Квитки, Константиновка, курган № 375.

Следовательно, новая тенденция в датировке Новочеркасских памятников юга Восточной Европы, проявившаяся во второй половине 80-х гг., состоит в их удревнении. Следует сказать, что подобный подход вызвал уже определенную критику со стороны отдельных авторов. Так, С. Л. Дударев, касаясь погребений 15, 34 могильника у Кисловодской мебельной фабрики, подчеркивает, что весь историко-культурный контекст этого могильника не позволяет датировать названные захоронения более ранним временем, как это предполагают В. И. Клочко, В. Ю. Мурзин, С. В. Махортых. Не соглашается исследователь и с тезисом о центральноевропейском характере стрел из погребения № 34, видя в них лишь местные подражания степным прототипам (Дударев, 1989.— С. 4, 5; 1991.— С. 46). Н. Л. Членова указывает, что методически неверно датировать Новочеркасские комплексы с двукольчатыми удилами на основании присутствия в них ранних вещей, так как при датировке обычно ориентируются на более поздние вещи комплекса (1992.— С. 102, 103).

Тем не менее, удревнение Новочеркасских памятников юга Восточной Европы (в частности перенесение нижней хронологической границы некоторых из них в более раннее время) представляется процессом в общем объективным и зако-

номерным. Действительно, судя по материалам, в первую очередь Северного Кавказа, невозможно отрицать, что некоторые элементы, составляющие Новочеркасский вещевой комплекс, прежде всего — двукольчатые удила и трехпетельчатые псалии, прошли долгий путь развития, претерпев значительные изменения. В связи с этим, трудно не согласиться с мнением тех исследователей, которые видят в комплексах конской упряжи типа найденных у горы Бештау на Северном Кавказе или в Носачеве и Зольном в Северном Причерноморье «конечный продукт развития двукольчатых удили и псалиев» (Дударев, 1983а.— С. 83; 1991.— С. 56, 57; Махортых, 1992.— С. 24).

Учитывая новые разработки специалистов по хронологии памятников Новочеркасской группы, можно априори допустить, что конская упряжь в древностях типа Новочеркаского клада Северного Причерноморья как в Лесостепи, так и в Степи, за исключением, пожалуй, комплексов из Родионовки (Клочко, Мурзин, 1987.— С. 67), принадлежит к поре поздней, по сравнению, например, с рядом кавказских памятников. Более того, принимая во внимание внешнюю простоту и сходство большинства деталей конского убора в указанном регионе (в первую очередь, удила и псалии), можно думать, что время их ограничивается сравнительно узким хронологическим диапазоном.

Для определения абсолютной хронологии лесостепных (да и не только лесостепных!) киммерийских древностей, как и ранее, бесспорно важнейшее значение имеет группа уже не раз упоминавшихся блях от конского снаряжения, най-

денных в Носачевском погребении (Ковпаненко, 1966.— Рис. 2, 5—10), аналогии которым имеются в надежно датированных ассирийских древностях (Barnett.— Taf.43, 53, 87, 95, 99). Как уже отмечалось, ныне стало очевидным, что мода украшать подобными бляхами упряжь коней в Ассирии существовала в течение достаточно продолжительного времени, во всяком случае в периоды правления Тиглатпаласара III (745—724 гг. до н. э.), Саргона II (722—705 гг. до н. э.), Синаххериба (705—681 гг. до н. э.), Ашшурбанипала (668—624 гг. до н. э.) (Ковпаненко, 1966.— С. 177; Kossak, 1987.— S. 39; Алексеев, 1992.— С. 80), что охватывает промежуток времени в 121 год. На первый взгляд, в свете этих данных дата носачевских блях может соответствовать любому узкому отрезку времени на протяжении всего упомянутого, достаточно продолжительного промежутка времени. Отмечу, что для Г. Коссака, указавшего аналогии носачевским бляхам на изображениях эпохи Тиглатпаласара III, это обстоятельство явилось поводом для разговора о более раннем, чем это принято считать характере вещей из Носачева. А. М. Лесков, как известно, последний год правления Ашшурбанипала (в эпоху которого использовались бляхи носачевского типа для украшений конской сбруи) в свое время рассматривал как верхнюю хронологическую границу Новочеркасских древностей (1981.— С. 98, 99). Полагаю, что есть обстоятельство, позволяющее ограничить дату носачевского комплекса более четко. Как известно, большинство исследователей наличие упомянутых бронзовых блях в носачевском погребении правомерно связывают с участием их владельца в переднеазиатских походах (хотя, конечно, можно допустить, что указанные украшения были

получены им от какого-то иного участника похода, что, впрочем, сути дела не меняет). Важно напомнить, что первое достоверное упоминание о киммерийцах в Передней Азии относится к 714 г. до н. э. (Kristensen, 1988; Иванчик, 1989.— С. 6; 1990.— С. 6—8), т. е. времени правления Саргона II и связано с походом царя Урарту Русы I в страну Гамир (АВИИУ, №50/11). Иными словами появление названных блях в Лесостепи ранее этого времени, т. е. 714 г. до н. э., маловероятно. Более того, если учесть, что между первым упоминанием киммерийцев в Передней Азии и приходом какой-то их части в Лесостепь несомненно прошло некоторое время, можно думать, что реальная дата появления этих блях в Лесостепи несколько моложе 714 г. до н. э. В принципе она может рассматриваться и как нижняя хронологическая граница киммерийских древностей в Лесостепи в целом. Говорить о допоходном периоде бытования киммерийцев в этом регионе пока нет никаких оснований.

Для выяснения абсолютной хронологии киммерийских древностей в целом и с территории Лесостепной Украины в частности не менее важным, чем носачевские находки, является уже упоминавшийся погребальный комплекс с ассирийским доспехом, обнаруженный за пределами Лесостепи, на Северном Кавказе. Речь идет о погребении № 186 могильника Клин-Яр III (Белинский, 1990.— С. 190—195). Как уже указывалось, найденный там бронзовый ассирийский остроконечный шлем наиболее близкие аналогии имеет на рельефах эпохи Синаххериба (т. е. 705—681 гг. до н. э.). В составе погребального инвентаря, помимо вооружения, присутствуют детали конской сбруи (в частности бронзовые удила), имеющие прекрасные аналогии в ареале

киммерийских древностей, в том числе и в Лесостепи. Думаю, что прав А. Ю. Алексеев, предлагая конечную дату правления Синаххериба (681 гг. до н. э.) рассматривать как верхнюю хронологическую границу Новочеркасских древностей (Алексеев, 1992.— С. 83). Это предложение вполне приемлемо и для лесостепных памятников.

Итак, в свете изложенного, полагаю, что две опорные даты могут ограничить основное время бытования киммерийских древностей в Лесостепи: нижняя — не раньше 714 г. до н. э., верхняя — не позже 681 г. до н. э. Таким образом, получается сравнительно узкий отрезок времени — примерно три — три с половиной десятилетия. Отмечу, что предлагаемая верхняя дата для Новочеркасских памятников вполне согласуется с имеющей место в работах В. И. Клочко и В. Ю. Мурзина (начало VII в. до н. э.) и несколько отличается от устанавливаемой для Закубанья В. Р. Эрлихом — третья четверть VII в. до н. э. (по нижней дате первого Краснознаменского кургана).

По моему мнению, киммерийские памятники Лесостепи и большая часть степных причерноморских древностей занимают конкретные хронологические позиции в упомянутом примерно тридцатилетнем диапазоне. Разумеется, для определения абсолютной даты каждого захоронения нет данных, но установить относительную хронологию погребений, т. е. место каждого из них относительно другого в общем хронологическом контексте, представляется вполне возможным.

Однако, прежде, чем перейти к данному вопросу, напомним существующие в научной литературе даты лесостепных Новочеркасских погребений, а также некоторых наиболее ярких памятников с Новочеркасскими металлическими изделиями из степного Северного Причерно-

морья, поскольку хронология захоронений Лесостепи в немалой степени зависит от датировки памятников, находящихся вне ее пределов.

При определении дат погребений Новочеркасской группы исследователи обычно используют два подхода: общий, когда указывается, что вещевой комплекс данного погребения находит аналогии в кругу древностей Новочеркасского типа, в первую очередь, на Северном Кавказе (иногда последнее обстоятельство не отмечается вовсе); конкретный подход, при котором рассматривается весь инвентарь захоронений (или его большая часть) с точным указанием аналогий ему на тех или иных территориях.

Общий подход применяется крайне редко. Именно подобным образом осуществлено датирование следующих лесостепных погребений:

1. *Шевченковка*. По С. Б. Берестневу, вторая половина VIII — начало VII вв. до н. э. (1985.— С. 99, 103). Ю. В. Буйнов, Л. П. Грубник-Буйнова, В. А. Ромашко датируют этот памятник иначе: VIII — первая половина VII вв. до н. э. (Буйнов, Грубник-Буйнова, 1985.— С. 117; Ромашко, 1990.— С. 13).

2. *Степанцы*. Г. Т. Ковпаненко относит захоронение к VII в. до н. э. Основания: двукольчатые удила «кобанского» типа (1981.— С. 53, 142).

3. *Таганча*. По Г. Т. Ковпаненко, дата памятника VIII—VII вв. до н. э. Основания: кованый бронзовый сосуд кавказского типа с ручками, украшенными головками животных (1981.— С. 142).

Время остальных захоронений установлено с использованием достаточно конкретных аналогий.

4. *Бутенки*. VIII — первая половина VII вв. до н. э. Примечательно, что Г. Т. Ковпаненко, приводя большинству

вещей инвентаря аналогии в памятниках VIII—VII вв. до н. э., в первую очередь, северокавказского региона и в меньшей степени Правобережного Поднепровья, тем не менее, верхний рубеж погребения ограничила первой половиной VII в. до н. э. (Ковпаненко, 1962.— С. 66,70), очевидно, на основании существующих в то время представлений о начале скифской эпохи.

Позже Б. Н. Граков отнес бутенковский комплекс к VIII или первой половине VII вв. до н. э. (1977.— С. 166).

5. *Носачев*. Издавая материалы погребения Г. Т. Ковпаненко, используя в основном аналогии из древностей типа Новочеркасского клада, а также известные изображения на рельефах ассирийских царей Саргона II и Ашшурбанипала, отнесла его к VIII—VII вв. до н. э. (Ковпаненко, 1966.— С. 178).

Дата была принята многими исследователями. При этом А. И. Тереножкин особо подчеркнул, что «вещевой комплекс носачевского кургана сплошь доскифский, принадлежащий исключительно к группе Новочеркасского клада». Исследователь, сопоставив его с комплексом из Бутенок, счел возможным поместить два указанных погребения в один хронологический ряд со следующими лесостепными захоронениями — курганом II у с. Рыжановка, курганами № 375—377 у с. Константиновка, а также с известным захоронением у с. Ендже в Болгарии (Тереножкин, 1976.— С. 144,205). Позже Г. Коссака (о чем уже шла речь), указав аналогии носачевским ажурным бляхам от конского убора на рельефах времени Тиглатпаласара III, отодвинул нижнюю хронологическую границу носачевского погребения до середины VIII в. до н. э., в целом не выводя

памятник за пределы указанного столетия (Kossack, 1987.— S. 39).

Исходя из принятой опорной даты для Носачева (не ранее 714 г до н. э.), не могу согласиться с удревнением этого памятника Г. Коссаком до середины VIII в. до н. э., хотя я солидарен с немецким исследователем в том, что названный комплекс не следует выводить за рамки VIII в. до н. э. На мой взгляд, это наиболее ранний лесостепной киммерийский памятник.

6. *Квитки*. По Г. Т. Ковпаненко и Н. Д. Гупало, могила относится к первой половине VII в. до н. э. Одним из главных оснований для подобной датировки явилось наличие в колчанном наборе, наряду с длинновтульчатыми Новочеркасскими наконечниками стрел, одного экземпляра «типа Ендже» (Ковпаненко, Гупало, 1984.— С. 57). Весьма близкие аналогии указанному квитковскому наконечнику встречаются в скифских комплексах начала VII в. до н. э. (Исмаилов, 1988.— С. 36.— Рис. 5, 3—4, 11, 13, 20; Батчаев, 1985.— Табл. 46, 6).

Г. Коссака, в целом склонный к удревнению Новочеркасских памятников, ограничивает дату погребения, также как и бутенковского комплекса, VIII в. до н. э.

Недавно А. И. Мелюкова сочла возможным указать, что погребения в Бутенках, Квитках, Носачеве «...относятся к числу наиболее поздних памятников Новочеркасского типа и могут быть уверенно датированы в пределах начала — первой половины VII в. до н. э. (1988.— С. 11).

7. *Ольшана, курган № 1, погребение № 1*. В отчете о раскопках и предварительных сообщениях Г. Т. Ковпаненко дата памятника определена в пределах первой половины VII в. до н. э. Отметив, что многие предметы инвентаря находят ближайшие аналогии в погребениях группы Новочеркасского клада с террито-

рии Украины, Северного Кавказа, Болгарии, датированных VIII—VII вв. до н. э., исследовательница указала, что ряд находок (набор стрел, предметы конского убора — кольца с муфтами, бляшки в виде четырехлепестковой розетки, набор посуды) позволяет сузить дату погребения (Ковпаненко, Скорый, Бессонова, Рычков, 1984.— С. 55; Ковпаненко, 1985.— С. 186, 187; 1986.— С. 248, 249).

8—10. *Константиновка, курганы № 375—377.* В начале 50-х годов П. Д. Либеров датировал памятники VIII—VII вв. до н. э. на основании кавказских параллелей удилами из кургана № 375 (1954.— С. 148, 160.— Табл I, 5—7, 58, 60). Позже В. А. Ильинская отнесла курган № 376 к первой половине — середине VII в. до н. э., сопоставив его с Ендже, где также имеются бронзовые удила, наглухо соединенные с псалиями (1975.— С. 66, 67). Напомню, что А. И. Тереножкин, определив эти погребения как могилы Новочеркасской группы, считал их синхронными захоронениям из Бутенок, Носачева, кургана II у с. Рыжановка, а также могилой из Ендже. Совсем недавно И. Н. Медведская сочла возможным отнести к одному и тому же временному отрезку (750—700 гг. до н. э.), определяемому ею как первый этап раннескифской культуры (РСК), курганы 15,375 у с. Константиновка, курган II у с. Рыжановка, курганы № 2, 524 у с. Жаботин и ряд других (1992.— С. 87—89).

Синхронизация константиновского 375 кургана со вторым рыжановским допустима, но вряд ли можно согласиться с тем, что к этому же хронологическому ряду относятся курганы № 2, 524 у с. Жаботин, № 15 у с. Константиновка, содержащие, в отличие от первых двух ярко

выраженные элементы скифской архаической культуры.

11—12. *Рыжановка, курганы II, V.* Вопросы хронологии этих памятников (особенно кургана II) неоднократно обсуждались исследователями. В 60-х гг. А. И. Тереножкин датировал оба кургана второй половиной VII в. до н. э., рассматривая их как раннескифские (1965.— С. 212, 213). Такого же мнения о культурной принадлежности этих памятников в 70-е гг. придерживалась и В. А. Ильинская, определяя их время несколько иначе: первой половиной — серединой VII в. до н. э. (1975.— С. 66, 67). Позже А. И. Тереножкин пересмотрел свои взгляды на эти памятники, видя в них древности Новочеркасской группы (киммерийские) и соответственно датируя их 750—650 гг. до н. э. (1976.— С. 205).

В работах последнего времени также наблюдается некоторая поляриность в культурно-хронологической оценке этих памятников. Н. Л. Членова датирует их VII в. до н. э., придерживаясь мнения о киммерийской принадлежности (1984.— С. 32). И. Н. Медведская, как уже отмечалось, определяет дату погребений 750—700 гг. до н. э., относя их к первому этапу раннескифской культуры (1992.— С. 87—89). Относительно мнения этой исследовательницы, поставившей рыжановские курганы в один ряд с группой бесспорно раннескифских памятников, я уже высказывался. Замечу, что по указанным выше причинам в равной степени неудачной выглядит попытка Н. Л. Членовой синхронизировать рыжановские погребения с курганом № 2 у с. Жаботин.

13. *Яснозорье, курган № 8, погребение № 1.* Сохранившийся небольшой по количеству инвентарь разрушенного впускного погребения имеет «чисто Новочеркасский облик», что позволило датиро-

вать его VIII—VII вв. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1995.— С. 41—63).

14—15. *Бандышевка, курганы №№ 1—2.* Для кургана № 1 предлагаются две даты. Ю. Н. Бойко в отчете о раскопках памятника отнес его к рубежу IX—VIII вв. до н. э. (по периодизации А. И. Тереножкина, к памятникам Черногооровского этапа), находя аналогии погребальному сооружению и инвентарю главным образом в курганах Суворовского могильника в Одесской области, датированных И. Т. Черняковым концом IX — ранним VIII вв. до н. э. (Бойко, 1989.— С. 8—12).

В. Т. Загоруйко и Т. Г. Лотоцкая, опубликовав материалы этого кургана, определили его дату более поздним временем — VIII или началом VII вв. до н. э.

На мой взгляд, отнесение указанного комплекса к Новочеркасской поре более правдоподобно. Так, найденное среди немногочисленного инвентаря керамическое пряслице, украшенное оттисками зубчатого штампа, имеет хорошие аналогии в позднечернолесских и древнейших скифских памятниках. Укажу попутно, что привлечение Ю. Н. Бойко материалов Суворовского могильника в качестве предскифских аналогий вряд ли удачно. Сейчас становится все более очевидным, что весь могильник (Ойстрах, 1989.— С. 41, 42) или большая часть курганов (Отрощенко, 1989.— С. 111) относится к финальному этапу белозерской культуры.

Материалы кургана № 2 еще не опубликованы. Раскопавшая памятник В. Т. Загоруйко в отчете о его исследовании определила дату VIII—VII вв. до н. э., т. е. время, аналогичное для кургана № 1. Основой для подобной датировки явились обломки лепных сосудов второй ступени чернолесской культуры и бронзовая бляшка-лунница от конского

убора, имеющая аналогии в материалах могильника № 1 у Кисловодской мебельной фабрики (Загоруйко, 1990.— С. 10).

Приведу датировки наиболее известных степных погребений:

Зольное. Дата, предложенная в свое время исследователем кургана А. А. Щепинским, конец VIII или самое начало VII вв. до н. э., пока не подвергалась какой-либо корректировке (Щепинский, 1962.— С. 61—64).

Балки, курган Высокая Могила, погребение № 2. Исследователи памятника В. И. Бидзиля, Э. В. Яковенко в работах 1972—1974 гг. синхронизировали его с погребением № 5 этого же кургана, относя их к киммерийцам и датируя VIII—VII вв. до н. э. (Бидзиля, Яковенко, 1972.— С. 317, 318; 1973.— С. 244, 245; 1974.— С. 148—159; Яковенко, 1972.— С. 174—176).

Принимая тезис о синхронности захоронений и их киммерийской принадлежности, Н. Л. Членова предприняла попытку датировать их VII в. до н. э. Одним из оснований для этого явилось сходство по форме бронзового кинжала из погребения № 5 с кинжалом, обнаруженным в кургане у с. Ендже.

Позже А. И. Тереножкин в определенной степени разграничил названные захоронения. Погребение № 2 он стал рассматривать как относящееся к Новочеркасской группе памятников, а могилу № 5, учитывая присутствие в ней вещей, характерных как для Черногоровско-Камышевахских древностей, так и для Новочеркасских, отнес к памятникам переходного типа. Дату обеих могил он определил серединой VIII в. до н. э. (Тереножкин, 1976.— С. 123, 205). Любопытно, что со временем погребение № 5 Высокой Могилы стали считать «эталонным памятником Черногоровской

группы» (Лесков, 1981.— С. 88; Гошко, Отрошенко, 1986.— С. 176; Дубовская, 1989.— С. 64).

Ендже (Царевброд), курган № 2, погребение № 1. Датировка этого памятника в рамках VII в. до н. э. ни у кого из исследователей сомнений не вызывает. Напомню, что основным аргументом в пользу такой датировки явилось присутствие в инвентаре енджинского захоронения наряду с вещами, характерными для Новочеркасской группы памятников, двулопастных ассиметрично-ромбических наконечников стрел с шипами (рис. 27, 4), хорошо известных в эпоху скифской архаики (например, в кургане № 524 у с. Жаботин). За исключением Н. Л. Членовой, распространяющей дату погребения на весь VII в. до н. э. (1984.— С. 39), остальные авторы ограничивают ее началом столетия, первой половиной, первой половиной — серединой VII в. до н. э. (Смирнов, 1961.— Табл. I, тип Va; Іллінська, 1973.— С. 17; Тереножкин, 1976.— С. 204; Мурзин, 1984.— С. 68, 69).

Белоградец, курган № 4 (Птичата Могила). Г. Тончева, исследовавшая впускное предскифское погребение Птичатой Могилы, определила его время началом (1974.— С. 26—28) или первой половиной VII в. до н. э. (1980.— р. 34, 38), что нашло поддержку у некоторых исследователей (Лесков, 1981.— С. 95). В рамках первой половины VII в. до н. э. датирует курган у с. Белоградец А. И. Тереножкин (1976.— С. 204). Солидарна в датировании указанного комплекса с Г. Тончевой А. И. Мелюкова: она также определяет его время началом — первой половиной VII в. до н. э., впрочем, как и погребения в кургане у с. Ендже (1988.— С. 11). Известны и иные, более широкие даты, предлагаемые для кургана Птичата

Могила, в частности — в пределах всего VII в. до н. э. (Kossack, 1980.— S. 109—141; Членова, 1984.— С. 70—73).

В одной из недавно опубликованных работ Г. Коссак удревняет Птичату Могилу, относя ее ко времени не позже VIII в. до н. э. (Kossack, 1987.— S. 38). С таким мнением трудно согласится. Вместе с тем, очевидно, правы те авторы (например, А. М. Лесков), которые не синхронизируют погребения из Белоградца и Ендже, а говорят о более позднем возрасте второго из них (Лесков, 1981.— С. 95).

Итак, обзор существующих до последнего времени дат киммерийских погребений Лесостепи и наиболее известных степных комплексов (обычно привлекаемых при рассмотрении датировок первых) демонстрирует примерно следующую хронологическую шкалу. К числу наиболее ранних погребальных памятников принадлежит гробница № 2 Высокой Могилы (середина VIII в. до н. э.). Круг позднейших захоронений (начало — первая половина VII в. до н. э.) видится более широким: Квитки, Ольшана, Константиновка, Рыжановка, Белоградец, Ендже. При этом некоторые исследователи наиболее поздним киммерийским памятником считают Ендже, с чем я целиком солидарен. Время всех остальных памятников, в первую очередь, лесостепных, устанавливается с меньшей определенностью: VIII—VII; VIII — первая половина VII в. до н. э., вторая половина VIII — начало VII, конец VIII — начало VII в. до н. э.

Рассмотрим, какие же хронологические позиции занимают киммерийские погребения Лесостепи в свете предлагаемых мной двух опорных дат, о чем речь шла в начале работы. Данные корреляции ряда аналогичных вещей погребаль-

ного инвентаря³² свидетельствуют о следующем.

В Украинской Лесостепи, пожалуй, не известны пока погребения, синхронные по времени Носачеву. Однако, в пределах Причерноморья таковым несомненно является погребение в Зольном. В вещевом комплексе последнего, также как в носачевском захоронении, имеются резные бляхи от конского убора, выполненные в одной манере и покрытые красной инкрустацией. Нужно подчеркнуть, что в колчаных наборах обеих могил почти исключительно представлены длинновтульчатые двулупатные наконечники стрел так называемого Новочеркасского типа, что является ранним хронологическим признаком.

Близкими, но не идентичными по времени Носачеву (а следовательно и Зольному) представляются захоронения в Квитках и Бутенках. В инвентаре первого из них имеется десять репрезентативных находок, находящих аналогии в ряде киммерийских комплексов и, в первую очередь, в Зольном, Носачеве, Бутенках. С Носачевым квитковский комплекс сближает наличие бронзовых удилов, имеющих дополнительные звенья, оформленные по образцу ассирийских ажурных блях от конского убора, найденных в первом комплексе. В составе вещевого набора в Квитках присутствуют две находки, объединяющие его с Зольным: двукольчатые удила, грызла которых имеют три звена, и кольцо с обоймой для кисти. Замечу, что удила с трехзвенчатыми грызлами нигде более в Причерноморье не известны.³³ Квитки и Бутенки содержат по три вида аналогичных бронзовых изде-

лий, свидетельствующих в пользу их синхронности: круглые прорезные бляшки от конского убора с мальтийским крестом в центре лицевой стороны и петель с оборотной, кольца с подвижной ребристой муфтой и браслетоподобные плоские кольца от упряжи колесниц. Также, как в случае с Носачевым и Зольным, почти все наконечники стрел в Квитках и Бутенках представлены бронзовыми длинновтульчатыми экземплярами Новочеркасского типа (как известно, во всех упомянутых четырех случаях в инвентаре содержится лишь по одному-два или немного более наконечников из бронзы, железа и кости, относящихся к другим типам).

Итак, относительная хронология всех упомянутых четырех погребений следующая: Носачев (в Степи ему синхронно Зольное), затем — Квитки и Бутенки, которые, очевидно, одновременны. Абсолютная дата этой группы захоронений (назовем ее I группа), по моему мнению, не выходит за пределы VIII в. до н. э. (т. е. примерно 714—700 гг. до н. э.).

Следующая (II) группа лесостепных киммерийских погребений в количественном отношении выглядит представительнее и содержит близкие, если не синхронные по времени комплексы (Ольшана; Константиновка, курганы №№ 375—377; Рыжановка, курганы II, V; Яснозорье). Однако, на шкале относительной хронологии киммерийских памятников всего Причерноморья между I и II хронологическими группами можно поместить еще один комплекс — погребение № 2 Высокой Могилы.

Вещевой инвентарь погребения № 2 Высокой Могилы коррелируется с Квит-

³² При корреляции находок за редким исключением (Квитки, Зольное) удила и псалии не учитывались, так как они практически идентичны во всех комплексах.

³³ Удила с тремя звеньями, относящиеся к типу «Константиновка-Ендже», найдены на Северном Кавказе, в могильнике Чишхо близ аула Тауйхабль (Тов, 1989. — С. 41. — Рис. 2).

ками по трем находкам, две из которых весьма показательны. Это золотая обойма от ножен меча или кинжала, золотая круглая бляха, декорированная в технике перегородчатой инкрустации, а также оселок тесловидной формы, выполненный из кварцита. Приведенные данные несомненно свидетельствуют о хронологической близости Квиток и погребения № 2 Высокой Могилы. Вместе с тем, наличие в последнем железного кинжала с прямым перекрестьем, имеющим острые углы, находящего ближайшую аналогию в кургане у с. Белоградец, говорит в пользу того, что захоронение № 2 Высокой Могилы все же имеет возраст более поздний по сравнению с Квитками. Иными словами, на шкале относительной хронологии оно расположено между Квитками (соответственно — Бутенками) и Белоградцем, что, видимо, соответствует либо концу VIII в. до н. э., либо началу VII в. до н. э. Колчаный набор из Белоградца (103 бронзовых наконечника стрел) содержит лишь несколько длинновтульчатых наконечников Новочеркасского типа. Остальные экземпляры — двулопастные с симметрично ромбической головкой, охватывающей половину наконечника — несомненно относятся к более позднему типу, характерному для глубокой скифской архаики. Абсолютная дата этого памятника, предложенная Г. Тончевой (самое начало VII в. до н. э.), на мой взгляд, наиболее соответствует истине. Подчеркну, что значительное число наконечников, типа найденных в Белоградце, было обнаружено в погребении Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье, датированном началом VII в. до н. э. и убедительно интерпретированном как древнейшее скифское захоронение (Исмаилов, 1988. — С. 36. — Рис. 5, 1—27. — С. 45). Во II группе лесостепных ким-

мерийских погребений (Ольшана, Константиновка, курганы № 375—377; Рыжановка, курган № II,V; Яснозорье) бесспорно наиболее ранним памятником является могила в Ольшане. Три предмета из ее комплекса коррелируются с находками из лесостепных захоронений I хронологической группы, а также — гробницы № 2 Высокой Могилы. Это круглая прорезная бляшка с равноконечным крестом (от конского убора), золотая подвеска с обоймой, оформленной подобно обоймам от ножен меча или кинжала из Квиток и кинжала из гробницы № 2 Высокой Могилы, навершие кинжала, расчлененное продольными валиками, подобное навершию оружия из Высокой Могилы.

Однако, несомненно, что для определения хронологических позиций Ольшаны первостепенное значение имеют не эти предметы, а прежде всего изделия, неизвестные в предшествующих по времени комплексах, такие, как бронзовые удила, наглухо соединенные с псалиями, лепные круглотелые кубки с орнаментом жаботинского типа, состав наконечников стрел колчанного набора, четырехлепестковые нашивные бляшки от конского убора. Названный тип удил коррелирует Ольшану с Константиновкой (курган № 376), но главное — с Енджей, тем самым убедительно свидетельствуя в пользу более позднего характера ольшанского захоронения по отношению к могилам I хронологической группы. Кубки, идентичные по типу и весьма близкие по орнаменту ольшанским, присутствуют в составе инвентаря кургана № 375 у с. Константиновка и кургана № 8 у с. Яснозорье, что несомненно говорит о хронологической близости этих памятников. Весьма показателен состав наконечников из Ольшаны. Из 89 экз., которые

можно было подвергнуть типологической классификации (напомню, что всего было найдено 92 экз., 3 наконечника разрушено), лишь 26 наконечников относятся к собственно предскифским типам (24 экз. — Новочеркасского типа, 2 — с килевидной головкой — принадлежат к типу наконечников, встречающихся в памятниках Черногоровско-Камышевахского круга). Остальные 63 экз., что составляет более 70% от общего числа, относятся к пяти типам наконечников, свойственных для раннескифской эпохи.

С VII в. до н. э. в скифском конском уборе получают распространение и четырехлепестковые бляшки (Галанина, 1983.— С. 50.— Табл. 10, 8—11).

Вместе с тем, ольшанское погребение представляется все же более ранним, чем захоронение в Ендже, в колчанном наборе которого практически нет предскифских наконечников. Удлиненно-ромбические наконечники, типичные для скифской архаики, дали основания исследователям датировать захоронение в Ендже первой половиной VII в. до н. э. (Тереножкин, 1976.— С. 204; Мурзин, 1984.— С. 68, 69).

Некоторые обстоятельства позволяют поставить вопрос об абсолютной дате ольшанского погребения: я имею ввиду удивительное совпадение типов наконечников стрел из упомянутого комплекса и колчанного набора захоронения в Большом Гумаровском кургане в Южном Приуралье, которое Р. Б. Исмагилов убедительно датировал началом VII в. до н. э., видя в нем один из древнейших скифских погребальных памятников в Восточной Европе (1988.— С. 45, 46). Из семи типов наконечников, найденных в Ольшане, пять присутствуют в колчанном наборе воина из Гумарово.

В пользу синхронности во времени за-

хоронений из Ольшаны и Гумарово свидетельствуют и идентичные метки мастера-литейщика, присутствующие на некоторых наконечниках Новочеркасского типа из этих комплексов.

На шкале относительной хронологии киммерийских погребений Причерноморья захоронение в Ольшане, на мой взгляд, занимает промежуточное место между более ранними погребениями у с. Квитки и Высокой Могилы (гробница № 2), чья дата не выходит за пределы VIII в. до н. э. и более поздним погребением у с. Ендже, будучи, скорее всего, синхронным захоронению в Птичатой Могиле близ с. Белоградца.

Погребения в курганах № 375—377 у с. Константиновка, II, V у с. Рыжановка, судя по типам орнаментации лепной посуды погребального инвентаря, в первую очередь черпаков, относятся к одному хронологическому горизонту.

Таким образом, относительная хронология захоронений II хронологической группы может быть представлено так: Ольшана, затем, очевидно, синхронные (или имеющие разницу в несколько лет) могилы в Константиновке, Рыжановке, Яснозоре. Они охватывают отрезок времени примерно в два десятилетия (700—681 гг. до н. э.). Для этой группы погребений, в отличие от I, «чисто Новочеркасской», характерно присутствие, наряду с Новочеркасскими элементами вещевого набора, изделий, свойственных уже для собственно скифской культуры (например, в Ольшане — наконечники стрел, четырехлепестковые нашивные бляшки от конского убора, в Рыжановке — цилиндрические пронизи для распределения ремней узды). Видимо, подобные материалы отражают реальное взаимодействие двух исторических народов — киммерийцев и скифов. Применительно

к Лесостепи выяснение хронологических рамок этой группы киммерийских погребений весьма важно, поскольку они фиксируют начало и, очевидно, основной период активных контактов двух групп кочевого населения в данном регионе.

К сожалению, весьма скудный инвентарь из киммерийских захоронений в курганах у сел Бандышевка, Шевченковка, Степанцы, Таганча не позволяет столь определенно, как рассмотренные выше комплексы, разместить их во времени относительно друг друга. В связи с этим, их даты могут быть определены более широко — в рамках всего периода, принятого для киммерийских памятников Украинской Лесостепи, т. е. примерно 714—681 гг. до н. э.

Хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство. В. Р. Эрлих, анализируя конское снаряжение предскифского периода с территории Закубанья, пришел к выводу, что комплексы с деталями упряжи колесниц имеют более позднюю дату, по сравнению с остальными (Эрлих, 1991.— С. 39). Этот вывод вполне соответствует моим наблюдениям: в наиболее раннем киммерийском погребении Лесостепи — Носачевском и синхронном ему по времени степном захоронении в Зольном указанная категория находок отсутствует, т. е., здесь они также, как и на Северном Кавказе, появляются в более позднее время.

В заключение — несколько слов о погребении № 2 у с. Жаботин, поскольку культурно-хронологические границы последнего дискуссионны: одни авторы интерпретируют его как древнейшее скифское, другие — относят к памятникам Новочеркасской группы, т. е. киммерийским.

А. И. Тереножкин, рассматривая указанное погребение в качестве киммерий-

ского, ориентировался главным образом на наличие в его инвентаре, наряду со стремячкovidными удилами, двукольчатых (т. е. характерных для Новочеркасского комплекса), но не упомянул о костяных изделиях, оформленных в зверином стиле, имеющих для понимания этого памятника первостепенное значение (Тереножкин, 1976.— С. 73). Собственно говоря, в Жаботине-2, помимо двукольчатых удили, ничего киммерийского нет. Поэтому я склонен поддержать мнение авторов, трактующих его в качестве древнейшего скифского.

Постановка этого памятника в один хронологический ряд с курганом II у с. Рыжановка, курганом № 375 у с. Константиновка (И. Н. Медведская), как уже отмечалось ранее, вряд ли удачна. Последние два погребения имеют в общем Новочеркасский облик (единственное исключение — наличие в рыжановском кургане цилиндрических пронизей от конского убора скифского типа).

Более обоснованным является сопоставление этого памятника с 524-м жаботинским курганом, 15-м константиновским, а также курганом у хут. Алексеевский на Северном Кавказе. Также, как во 2-ом жаботинском кургане, в вещевых наборах названных погребений доминируют вещи древнейшей скифской культуры (Ильинская, 1975.— Табл. VII, XIV, 5—9; Махортых, 1991.— С. 44.— Рис. 14, 1—10).

Исходя из изложенных выше представлений о хронологии киммерийских погребений Лесостепи, я не могу согласиться с отнесением И. Н. Медведской кургана № 2 у с. Жаботин (равно, как и 524-го жаботинского кургана, а также 15-го константиновского) к 750—700 гг. до н. э. (I этап РСК, по И. Н. Медведской). На мой взгляд, названные памятники смыкаются хронологически с погреб-

бениями выделенной II группы киммерийских древностей (700—681 гг. до н. э.).

Рассмотрение хронологии киммерийских погребений Украинской Лесостепи в контексте хронологии киммерийской поры юга Восточной Европы, позволяет говорить о том, что лесостепные комплексы представляют собой поздний хронологический пласт киммерийских древностей (в абсолютном выражении — не ранее 714 и не позже 681 гг. до н. э.). Более ранние киммерийские древности (наряду с синхронными лесостепными) достаточно широко известны на Кавказе, в значительно меньшей степени — в степях Се-

верного Причерноморья (судя по комплексу из Родионовки), а также — в Среднем Поволжье, в области распространения ананьинской культуры.³⁴

Выявление особенностей хронологии киммерийских комплексов Лесостепи на фоне этих древностей юга Восточной Европы, а также относительно конкретных временных позиций большинства лесостепных захоронений, как представляется, имеет важное значение для реконструкции исторических событий, имевших место в лесостепном ареале в начале I тысячелетия до н. э.

³⁴

Я имею в виду находки деталей конской упряжи, в частности двуколычатых удил, из которых отдельные имеют явно архаический облик — литой орнамент в виде обмотки (погребение № 509 Старшего Ахмыловского могильника) (Патрушев, Халиков, 1982. — Табл. 71, 1а).

Глава 4

НОМАДЫ И АВТОХТОННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЛЕСОСТЕПИ:

ХАРАКТЕР КОНТАКТОВ

Важнейшим вопросом истории лесостепного региона Украины доскифской эпохи бесспорно является вопрос о взаимоотношениях аборигенного населения и пришельцев-кочевников.

Отсутствие нарративных источников, касающихся данной темы, невероятно затрудняет решение этого вопроса и сводит его главным образом к построению на основе археологических реалий некой гипотетической схемы взаимоотношений двух групп населения.

Однако, прежде, чем перейти к ее рассмотрению, кратко охарактеризуем, что же представляло из себя автохтонное население тех основных ареалов, куда проникали киммерийцы, т. е. племена бондарихинской и чернолесской культур.

Население бондарихинской культуры занимало большую часть Днепровского Лесостепного Левобережья, в том числе и территорию, где известны погребения киммерийцев (Носачев, Шевченковка) в XII — первой половине VII вв. до н. э. (Буйнов, 1981.— С. 17, 18) или XI—VIII вв. до н. э. (Березанская, Ильинская, 1981.— С. 518; Березанская, 1982.— С. 73). Его этническая принадлежность достаточно дискуссионна. Большинство исследователей видит в нем финно-угров (Березанская, 1982.— С. 203; Моруженко, 1989.— С. 29; Ромашко, 1990.— С. 16), хотя есть

мнение о балтском этносе бондарихинцев (Мелюкова, 1989.— С. 29).

Племена бондарихинской культуры обитали в основном на небольших, в несколько сотен квадратных метров, открытых поселениях, расположенных на дюнных возвышенностях в поймах рек, на склонах надпойменных террас или на мысах (Березанская, 1982.— С. 68; Ромашко, 1990.— С. 7).

Укрепленные поселения-городища единичны и отличаются также весьма небольшими размерами. Их появление относится к позднему периоду истории бондарихинских племен (Мелюкова, 1989.— С. 28). Бондарихинцы сооружали жилища наземные и в виде полуземлянок или землянок. Соплеменников хоронили по обряду трупосожжения и трупоположения в грунтовых могильниках и весьма редко — в курганах. Целиком доминировал обряд кремации с помещением праха сожженных покойников в грунтовые могилы в сосудах-урнах или без них. Места погребений располагались на дюнных возвышенностях в непосредственной близости от поселений или на их территории (Буйнов, 1977.— С. 208—216; 1981.— С. 10; Березанская, 1982.— С. 69—72; Мелюкова, 1989.— С. 28; Ромашко, 1990.— С. 8, 9).

Сохранившиеся материалы свидетельствуют главным образом о земледельче-

ском характере бондарихинских племен, хотя при этом роль пастушеского скотоводства была у них достаточно велика. Отдельные находки льячек, литников, каменных литейных форм, шлаков, а также немногочисленных изделий из бронзы и железа указывают на наличие бронзолитейного дела и железоделательного производства. Однако, изделия из бронзы и железа и, в первую очередь, орудия труда не получили сколько-нибудь значительного распространения в быту и хозяйстве бондарихинцев, что, прежде всего, объясняется нехваткой сырья. В связи с этим, очевидно, правы те исследователи, которые полагают, что в позднем бронзовом веке (а, очевидно, и в начале раннего железного века) в левобережных районах Украины наблюдался упадок металлургического производства (Березанская, 1982.— С. 135).

Внешнеэкономические связи бондарихинских племен, судя по всему, были достаточно ограничены и не отличались большой активностью. Наиболее тесно они контактировали с населением чернолесской культуры (характеристика которой будет дана ниже). Интенсивные связи с чернолесцами привели к заимствованию у последних различных форм керамического комплекса (Буйнов, 1981.— С. 14, 16—17; Мелюкова, 1989.— С. 28). Очевидно, при посредничестве последних осуществлялись контакты бондарихинцев с населением более отдаленных территорий — племенами висоцкой и лужицкой культур западных районов Лесостепного Правобережья.

Примечательно, что в бондарихинских погребениях и на поселениях практически не известны находки вооружения. С. С. Березанская и В. А. Ильинская справедливо отмечали: «Весь быт племен бондарихинской культуры является бы-

том мирного оседлого земледельческо-пастушеского населения, которое жило небольшими родовыми поселками вдоль края речных долин — основной арены их хозяйственной деятельности» (1971.— С. 370).

Племена чернолесской культуры заселяли обширную территорию Правобережной Лесостепи, от р. Збруч на западе (Поднестровье) до Днестра на востоке, т. е. ареал, где встречаются памятники киммерийцев, а также бассейн Ворсклы и Орельско-Самарское междуречье на Левобережье Днестра в X — начале VII вв. до н. э. Вопрос об этнической принадлежности этого населения, также как и бондарихинцев, не решается однозначно. Большинство исследователей склоняется к мысли о праславянском этносе чернолесцев (Тереножкин, 1961.— С. 109, 238—244; Покровская, 1967.— С. 90—93; Рыбаков, 1979.— С. 225—228). При этом, одним из важнейших аргументов считается совпадение ареала архаической праславянской гидронимии с ареалом чернолесской культуры (Трубачев, 1968.— С. 272, 273.— Карты № 11, 18), а также лингвистическо-ботанические данные. Наряду с этим, существуют и иные мнения, в частности — о фракийской этнической принадлежности чернолесцев (Березанская, 1985.— С. 14, 15; 1988.— С. 12—18), получившее определенное распространение в отечественной литературе (Отрощенко, Моця, 1989.— С. 24, 25; Моруженко, 1989.— С. 30). Следует указать, что это положение имеет под собой основания: определенное фракийское влияние в материальной культуре чернолесских племен (в первую очередь, на форму и орнаментацию посуды), быте и культах вполне очевидно. Помимо концепций о моноэтничности чернолесского населения (т. е. праславянской или фра-

кийской принадлежности), в последнее время высказывается тезис о двух основных этнических компонентах в чернолесской среде — фракийском и иллирийском, разграниченных в чернолесском ареале территориально. При этом соответственно ставится под сомнение идея о преобладании праславянского компонента в чернолесской культуре (Смирнова, 1990.— С. 33, 34). Наиболее объективным представляется мнение, признающее праславянскую принадлежность основной массы чернолесского населения Лесостепи, объясняющее «фракийскую окраску» Чернолесья проникновением в Правобережную Лесостепь (в первую очередь, в Поднепровье) какой-то, очевидно, незначительной, группы фракийского населения (Мелюкова, 1989.— С. 27).

Племена чернолесской культуры проживали как на открытых поселениях-селищах, так и укрепленных — городищах. При этом, в отличие от бондарихинцев, в чернолесском ареале, особенно в Правобережном Поднепровье, городища представлены значительным числом. В этом смысле указанный район отличается от Среднего Поднестровья (где известно лишь несколько укрепленных поселений) и особенно от Лесостепного Левобережья (где чернолесские городища не известны вовсе), что несомненно отражает различную историческую ситуацию в этих районах в киммерийское время.

Основным местом концентрации чернолесских городищ в Лесостепном Поднепровье является бассейн р. Тясмин и верховья р. Ингулец (южная часть Черкасской и северная Кировоградской областей). Очевидно, вполне обоснованно этот район рассматривают в качестве центра чернолесских племен (Тереножкин, 1961.— С. 12, 13).

Среди наиболее известных тясминских

городищ следует назвать эпонимное Чернолесское, Субботовское, Залевкинское, Лубенецкое. Их оборонительные сооружения представляли собой земляной вал с бревенчатой стеной и ров. Размеры городищ невелики, как правило, 40—100 м в поперечнике. Среди них выделяется по площади (около 80 га) и по сложности системы оборонительных сооружений Чернолесское городище. В бассейне Тясмина, обычно на небольшом расстоянии от укрепленных поселений встречаются многочисленные селища.

Погребальный обряд чернолесцев, также как и населения бондарихинской культуры, не отличался единообразием. Покойников хоронили в основном в грунтовых могильниках, реже под курганными насыпями, по обряду кремации, иногда — ингумации.

Население чернолесской культуры, особенно среднеднепровского ареала, при несомненной близости хозяйственного уклада, быта, а возможно и уровня развития общественных отношений с иными племенами Украинской Лесостепи киммерийского времени, тем не менее, отличалось рядом выразительных особенностей.

Среднее Поднепровье в период обитания чернолесских племен являлось одним из центров яркой земледельческой культуры на Правобережье, чему благоприятствовали природно-климатические условия и давние традиции. Население активно участвовало в межплеменном обмене. Об этом свидетельствуют как предметы импорта в чернолесском ареале, так и чернолесские изделия на различных территориях.

Очевидно, в немалой степени этому способствовал высокий уровень развития у чернолесских племен металлообработки (Тереножкин, 1961.— С. 119). В ким-

мерийский период в Среднем Поднепровье сложился собственный очаг металлургии (Березанская, 1982.— С. 136). Особенно значительное развитие получило бронзолитейное производство. Ассортимент производимых металлических изделий был достаточно широк: орудия труда, оружие, украшения и пр.

Чернолесцы уже на раннем этапе своей истории проявляли внешнеполитическую активность, выразившуюся в их продвижении на территории иных племен, что безусловно свидетельствует о достаточно высоком уровне социальной консолидации населения. Одно из таких продвижений, предположительно наиболее раннее, было направлено на юг и привело к освоению чернолесцами южной окраины Правобережной Лесостепи. Есть мнение, что в ходе этого процесса происходила ассимиляция некоторых этнических групп позднесрубного населения, проникшего в Лесостепь с юга и юго-востока (Тереножкин, 1961.— С. 214). Другое, восточное, направление представляет миграцию части чернолесского населения с территории Правобережья на Левобережье — в бассейн Ворсклы и междуречье Орели и Самары. Ранее считалось, что проникновение правобережных племен на Левобережье произошло в поздний период их истории — VIII — первой половине VII в. до н. э. (Тереножкин, 1961.— С. 214, 215; Ковпаненко, 1967.— С. 173, 174), ныне это событие относят к более раннему периоду X—IX вв. до н. э. (Буйнов, 1981.— С. 16; Беляв, 1981.— С. 69, 70; Ромашко, 1982.— С. 56, 57). Было осуществлено давление на племена бондарихинской культуры, что привело в этих районах к смене бондарихинской культуры чернолесской или появлению памятников смешанного типа.

При оценке взаимоотношений степня-

ков-номадов и автохтонного населения Лесостепи предскифского времени могут быть использованы различные археологические данные, среди которых в первую очередь следует назвать: следы пожарищ на некоторых селищах бондарихинской и чернолесской культур и прекращение их функционирования; появление укрепленных поселений — городищ в южных пределах Лесостепи и гибель некоторых из них; географическая локализация погребальных памятников киммерийцев относительно поселений автохтонного населения; находки на отдельных поселениях киммерийских вещей и присутствие вещей местного изготовления в киммерийских могилах; некоторые новации в обряде киммерийцев.

Исследование раннечернолесских неукрепленных поселений — селищ убедительно показало, что ряд из них имеет следы пожаров и разрушений, положивших конец их существованию, например, селища у с. Субботов в уроч. Имбек около с. Большая Андрусовка и пр. (Тереножкин, 1976.— С. 214; Граков, 1977.— С. 182; Березанская, 1982.— С. 200). Этот факт рассматривается исследователями как свидетельство начала степной агрессии в Правобережную Лесостепь (Тереножкин, 1976.— С. 214; Граков, 1977.— С. 182).

Примерно в это же время, т. е. на рубеже IX—VIII вв. до н. э. или рубеже X—IX вв. до н. э. гибнет серия поселений, расположенных в ареале бондарихинской культуры Левобережья (Бондариха, Тымченки, Ницаха) (Буйнов, 1981.— С. 17), а также бондарихинских и чернолесских селищ на пограничье левобережной Лесостепи и Степи (Залинейное, Бузовка, Осиповка, Дроновка) (Ромашко, 1990.— С. 11). Нет оснований сомневаться, что это звенья одних и тех же исторических событий.

Особо следует подчеркнуть, что в Левобережном Предстепье, в отличие от более глубинных районов Лесостепи и Правобережья в частности обнаружены погребения кочевников, синхронные по времени гибели упомянутым бондаринским и чернолесским поселениям (Буйнов, 1981.— С. 17; Ромашко, 1990.— С. 11). Последние относятся к древностям Черногоровской группы, которые ныне (о чем речь шла уже неоднократно) есть большие основания считать не киммерийскими, а протоскифскими. Анализ указанных погребений позволил исследователям высказать мнение о заселении кочевниками Черногоровской группы Предстепья и южной окраины Левобережной Лесостепи (Ромашко, 1990.— С. 11), с чем в принципе можно согласиться.

Вместе с тем, в свете существующих данных, трудно признать обоснованной версию С. В. Махорты о «продвижении» (т. е. перемещении) в лесостепную зону населения, оставившего памятники Черногоровской группы (в нем упомянутый автор традиционно видит киммерийцев) — в X—IX вв. до н. э., в связи с ухудшением климатических условий в степном ареале Европы (Махорта, 1992.— С. 153). Не касаясь экологического аспекта данной версии, особенно подчеркну, что в собственно лесостепных районах и особенно на Правобережье Черногоровских погребений (которые должны были маркировать появление здесь новой этнической группы) как таковых нет. Случайные же находки, особенно предметов вооружения Черногоровского типа известны более всего на Правобережье, вплоть до широты Киева. Последние, бесспорно, являются следами

эпизодических набегов степняков-протоскифов, проникавших севернее южных пределов чернолесцев.

Именно с этого времени, примерно с IX вв. до н. э., в южных пределах Правобережной Лесостепи, в первую очередь, вдоль правого берега Тясмина, а также в верховьях Ингульца возникает целая система городищ, достаточно хорошо укрепленных и располагавшихся в удобных для обороны местах³⁵.

Одной из предпосылок, способствующих их сооружению, являлось отсутствие серьезных естественных преград между лесостепными и степными регионами. На некоторых из городищ население проживало постоянно, другие, особенно круглые городища небольших размеров, использовались как убежища в случае военной опасности. Возможно, в это же время, или несколько позднее, угроза со стороны кочевой Степи привела к появлению оборонительных сооружений у племен культуры фракийского гальштата (Гава-Голиграды) в Среднем Поднестровье (Смирнова, 1990.— С. 17).

Местные племена Лесостепи, создавая укрепления на поселениях и в какой-то степени ослабляя натиск степняков, все же не смогли противостоять их все возрастающей активности. На ряде укрепленных чернолесских поселений прослеживаются выразительные следы вторжений. В огне погибло Тясминское городище, были разрушены многие жилища Субботовского, следы пожаров зафиксированы на Чернолесском городище (Тереножкин, 1961.— С. 40).

Усилившийся натиск степняков на лесостепные племена Правобережья и Левобережья нашел отражение в появлении

³⁵

По мнению С. С. Березанской, указанные городища сооружались на южной окраине Правобережной Лесостепи для защиты не от киммерийцев и скифов, а активизировавшихся фракийских племен (1982.— С. 200; 1985.— С. 14).

с VIII вв. до н. э. немногочисленных городищ у бондарихинцев Левобережья (Мелюкова, 1989.— С. 27; Ромашко, 1990.— С. 12).

Есть все основания связывать эти события с агрессией кочевников Новочеркасской группы, т. е. исторических киммерийцев.

Весьма показательно географическое взаиморасположение киммерийских погребений и чернолесских городищ в Правобережье Среднего Поднепровья.

Почти все киммерийские могилы находятся севернее линии тясминских городищ, за ее пределами (рис. 2). Складывается впечатление, что в конце VIII — начале VII вв. до н. э. (т. е. исходя из предложенной хронологии киммерийских захоронений) городища чернолесского населения не являлись сколько-нибудь серьезным препятствием кочевникам в их проникновении в глубины Лесостепи. Оно становится еще более убедительным, если вспомнить, что среди киммерийских захоронений Лесостепи решительно преобладают основные погребения, свидетельствующие о достаточно прочном военном-политическом положении кочевников в этом регионе.

Приведенные данные, на первый взгляд, как будто свидетельствуют прежде всего о враждебных взаимоотношениях степняков-киммерийцев и местного населения. Вместе с тем, думается, что было бы неоправданно поспешным сводить 30—35-летний период контактов киммерийцев с населением Лесостепи, в первую очередь, Правобережья Среднего Поднепровья исключительно к их агрессивным действиям против абorigенов. Необходимо помнить, что такие факты как возникновение укреплений, пожарища на поселениях, весьма ярко отражавшие определенные события, как правило, затме-

вают более скромные, но не менее важные вещественные следы отношений иного рода.

В связи с этим, особый интерес представляют (пусть и не особенно многочисленные) находки на поселениях абorigенов, в первую очередь, чернолессцев, как собственно киммерийских вещей, так и изделий кавказского производства, часть из которых известна по инвентарю киммерийских могил. Напомню их.

На поселении у с. Жаботин на Тарасовой Горе найдены части трехпетельчатого псаля и лунницы от конского убора, изготовленные из кости по образцу бронзовых, а также два клепаных кавказских сосуда — ситуты с ручками, украшенными головками животных (Покровская, 1973.— С. 177.— Рис. 4, 1—2, 5, 7).

Еще более выразительная коллекция вещей происходит из клада, обнаруженного на Залевкинском городище. Как известно, он включал около двух десятков различных предметов, в том числе двухкольчатые бронзовые удила, а также вещи кавказского, кобанского типа — клепаную бронзовую миску, две пронизи биконической формы, скрученные из бронзовой проволоки, предмет в виде колокольчика с ушком и пр. (Третьяков, 1949.— С. 228—230, 232.— Рис. 1) (рис. 19, 6—16).

Видимо, в виде «киммерийского наследия» нужно рассматривать также ряд вещей киммерийского типа, найденных на поселениях скифского времени либо случайно, либо в древнейших слоях. К числу подобных находок относятся на Правобережье — бронзовая лунница с Пастырского городища (Тереножкин, 1976.— С. 73.— Рис. 39, 2), бронзовый длинновтульчатый наконечник стрелы и костяная прямоугольная бляха от конского убора, украшенная солярной символи-

кой, найденные на Мотронинском городище (Бессонова, Скорый, 1993). На Левобережье — это двукольчатые удила с дополнительными звеньями и бронзовый длинновтульчатый наконечник стрелы с Басовского городища (Шрамко, 1987.— С. 117.— Рис. 54, 1.— С. 119.— Рис. 56, 1—2), железный меч, типа найденных в Высокой Могиле и Белоградце, и два бронзовых наконечника стрел с Бельского городища (Шрамко, 1987.— С. 117.— Рис. 54, 1.— С. 119.— Рис. 56, 1—2), а также несколько предскифских наконечников стрел, происходящих с Люботинского городища (Шрамко, 1972.— С. 155.— Рис. 1, 4—6).

Представляется, что вещи киммерийских типов на чернолесских поселениях и в ранних слоях городищ скифской эпохи могут в основном рассматриваться как некое заимствование аборигенным населением элементов степной моды, что, вероятнее всего, предполагало на определенных этапах мирные отношения между двумя группами населения (хотя, конечно, немногочисленные находки наконечников стрел киммерийского типа на поселениях могут быть истолкованы и как следы военных акций степняков).

Еще более показательным в этом плане является присутствие на поселениях автохтонов вещей кавказского производства — упомянутых сосудов, украшений. Несомненно, последние не стоит рассматривать как следствие прямых связей между чернолесским населением Украинской Лесостепи и племенами Кавказа: слишком большим пространством разделены два региона. В этой связи участие киммерийцев в торгово-посреднических операциях между населением двух этих территорий более, чем вероятно, в пользу чего уже высказывался ряд авторов (Крупнов, 1960.— С. 110—117; Шрамко, 1979.—

С. 12, 13; Дударев, 1979.— С. 95—97; 1991.— С. 65; Махортых, 1992.— С. 153—155). Видимо, в этом контексте следует рассматривать и достаточно многочисленные случайные находки вещей кавказского и закавказского изготовления, известные в ареале чернолесской и бондарихинской культур. Это упоминавшиеся уже топоры кобанского и колхидского типов (большая их часть известна на Левобережье), бронзовая ажурная булавка из с. Хмельная близ Канева, гравированный пояс закавказской работы, найденный в с. Подгорцы на Киевщине (Тереножкин, 1976.— С. 80, 81.— Рис. 46.— С. 97.— Рис. 60, 1). Поскольку часть этой импортной продукции, в частности топоры и перечисленные украшения, в могилах аборигенов никогда не встречались, в свое время было высказано предположение, что подобные изделия использовались в основном в качестве сырья для местных бронзолитейщиков (Тереножкин, 1976.— С. 171).

Очевидно, следствием контактов мирного характера между пришельцами и автохтонным населением является появление в погребальном обряде киммерийцев обычая помещать вместе с покойником большое число глиняных сосудов, что не свойственно для киммерийского ритуала в целом (например, по данным захоронений в степном регионе) и является обычным для погребальной практики населения позднечернолесского времени Среднего Поднепровья (Мелюкова, 1989.— С. 25).

Видимо, следует принять во внимание еще один, хотя и единичный, но достаточно выразительный факт, напрямую касающийся отношений киммерийцев и автохтонов Лесостепи. Я имею в виду парность погребения в кургане № 377 у с. Константиновка, где, наряду с разрушенным мужским костяком в могиле, су-

дя по наблюдениям А. А. Бобринского, находились останки женщины. Если учесть, что все остальные погребения киммерийцев в Лесостепи — мужские, одиночные, воинские, можно предположить, что женщина, погребенная в константиновском кургане, является представительницей местного населения.

Таким образом, приведенные факты говорят о том, что контакты степняков и автохтонного населения были неоднозначны на протяжении их существования: наряду с периодами прямой агрессии киммерийцев и противостояния местного населения, имели место, очевидно, периоды достаточно мирных отношений, открывавших возможности для культурных взаимовлияний. Впрочем, подобные ситуации обычны для кочевников и оседлого населения различных эпох. На раннем этапе взаимоотношения киммерийцев и местного населения, по-видимому, были враждебными. Это отрезок времени, следующий за периодами военных кампаний номадов против лесостепных автохтонов, сопровождающихся пожарами и разрушениями на поселениях. Он маркируется погребением воина из Носачева, вероятного участника переднеазиатских походов. Среди сопутствующих вещей в этой могиле отсутствуют какие-либо предметы местного изготовления, за исключением глиняного сосуда (?).

По-видимому, уже к концу VIII вв. до н. э. наблюдается определенная нормализация отношений между автохтонами и киммерийцами. К этой поре относится, например, захоронение в Квитках, содержащее среди предметов погребального инвентаря местные орудия труда из железа и значительное число разнообразной глиняной посуды.

Возможно, именно с этого времени «лесостепные» киммерийцы начинают

играть активную и, очевидно, выгодную для себя роль посредников в торговых отношениях населения Лесостепи с кавказскими племенами, совершая достаточно далекие рейды через степное пространство. Как бы это ни показалось невероятным, но нельзя исключать, что подобные передвижения «лесостепных» киммерийцев являлись одним из тех каналов, по которым поступала на юг столовая посуда позднечернолесских и жаботинских типов, отличавшаяся совершенством формы, тщательностью внешней отделки и красотой декора. Последняя хорошо представлена в предскифских степных погребениях (Гаврилюк, 1981. — С. 32—35).

Парное захоронение в кургане № 377 у с. Константиновка, относящееся к началу VII в. до н. э., которое, конечно, можно рассматривать как свидетельство межэтнических браков, а следовательно существования на определенном отрезке времени более тесных связей автохтонов и пришельцев, все же единично на фоне одиночных мужских захоронений. Это позволяет думать, что прошлое и местное население было достаточно отчуждено друг от друга на протяжении всего пребывания киммерийцев в Лесостепи.

В этом смысле, ситуация сложившаяся в Украинской Лесостепи в предскифский период, видимо, существенно отличалась от положения дел, например, в кавказском регионе, где пребывание киммерийцев надежно засвидетельствовано письменными источниками и археологическими реалиями. В границах указанной территории особенно значительная концентрация степных элементов наблюдается в могилах населения местных культур Северо-Западного Кавказа — кобанской в районе Пятигорья и Кисловодска и протомеотской Прикубанья. Последнее нашло выражение не только в широком

присутствии в захоронениях аборигенов вооружения и элементов конской сбруи степных форм, но и распространении в похоронном ритуале автохтонов отдельных элементов степного погребального обряда (Виноградов, Дударев, Рунич, 1980.— С. 196; Дударев, 1991.— С. 34—40; Козенкова, 1989.— С. 258, 266; Махорты, 1991.— С. 72), что несомненно свидетельствует о весьма тесных взаимодействиях пришельцев и местного населения. Некоторые исследователи, и не без оснований, допускают участие отдельных групп западнокобанского населения в киммерийских походах (Дударев, 1983.— С. 20).

Хотя число киммерийских погребений в Украинской Лесостепи и на Правобережье Среднего Поднепровья в частности не отражает масштабов реального присутствия кочевников в этом регионе, можно думать, что в количественном отношении они явно уступали местному населению (примерно такое же положение имело место в последующие периоды с приходом в Лесостепь скифов, а затем сарматов). В то же время нет оснований сомневаться, что кочевники, превосходя автохтонов в военном отношении — эффективное вооружение, использование тактики конного боя, применение боевых колесниц — поставили их в зависимость и стали осуществлять контроль над территорией Лесостепи. Иными словами — в социально-политическом отношении киммерийцы представляли господствующую группу населения. Об этом в частности косвенно свидетельствуют несколько, уже приводившихся фактов. Напомню их. Это преобладание среди киммерийских подкурганых захоронений основных могил (свидетельство прочного военно-политического положения номадов), расположение почти всех киммерийских

погребений севернее линии городищ местного, в частности чернолесского населения (говорит о том, что чернолесские укрепления не являлись для номадов препятствием), наконец, концентрация в Среднем Поднепровье — бассейнах Тясмина и Роси, помимо погребений, случайных находок, в основном принадлежностей вооружения и конского снаряжения (указывает на бесспорное влияние кочевников в этом регионе).

Закрепившись в Лесостепи и подчинив население Правобережья Среднего Поднепровья, киммерийцы, по-видимому, не ограничились получением дани от местного населения и участием в торгово-посреднических операциях с Кавказским регионом, но и попытались контролировать торговые сношения аборигенов с племенами Днепровского Левобережья. Вспомним в связи с этим концентрацию киммерийских памятников в районе Канева, где находились броды и, очевидно, проходили торговые пути на Левобережье.

Думается, что группа киммерийцев, избрав местом своего обитания Украинскую Лесостепь, особенно Правобережье Среднего Поднепровья, вовсе не была постоянно и жестко привязана к этой территории. Бесспорно, «лесостепные» киммерийцы, ведя традиционный образ жизни, совершали вояжи не только в степную зону Северного Причерноморья и на Кавказ, но и возможно в более отдаленные области, например Задунавье, о чем, похоже, свидетельствует гривна центральноевропейского типа, найденная в ольшанском погребении.

В контексте рассмотрения взаимоотношений номадов и оседлого населения, уместно коснуться вопроса о причинах, побудивших киммерийцев продвинуться в лесостепной регион.

По мнению В. А. Ромашко, военная активность киммерийцев, направленная на территорию Лесостепи, предопределялась причинами «общего характера», заключающимися в «кочевническом укладе хозяйства и связанными с ним особенностями общественного строя киммерийцев». К сожалению, эта емкая, но завуалированная фраза, мало, что дает для понимания конкретных причин рассматриваемого явления. Правда, при этом исследователь также отмечает, что еще «одной причиной, обусловившей давление киммерийцев на население южных рубежей лесостепной зоны, являются природно-климатические условия этого региона, которые не могли не привлекать мобильные группы скотоводов» (Ромашко, 1990.— С. 12).

Одной из главных предпосылок продвижения киммерийцев в Лесостепь считают природно-климатические условия этого региона также С. В. Махортых и М. М. Иевлев, особо подчеркивая при этом, что ухудшение в XI—IX вв. до н. э. климатических условий в степном регионе — увеличение засушливости и уменьшение в связи с этим продуктивности степных ландшафтов — вынудило кочевников искать территории с более благоприятным климатом. Одной из них и являлась Лесостепь Восточной Европы (Иевлев, Махортых, 1991.— С. 156, 157; Махортых, Иевлев, 1991.— С. 21, 23; 1992.— С. 108—121; Махортых, 1993.— С. 47).

Конечно, рассуждая о причинах появления в лесостепной зоне кочевого киммерийского населения, сбрасывать со счетов благоприятные природные условия этого региона ни в коей мере нельзя, тем более учитывая упомянутое выше ухудшение климатических условий в степном регионе. Правда, нужно отметить, что наличие определенного числа погребений киммерийцев в степной зоне, синхрон-

ных по времени лесостепным могилам, а также так называемых кладов, часть которых, видимо, является инвентарем разрушенных впускных могил (Скорий, 1991.— С. 18—20), прямо указывает на то, что Степь все же, несмотря на негативные изменения климата, являлась одним из районов их обитания. Думается, что климатический фактор вовсе не являлся основополагающим, а следовательно определившим продвижение номадов в лесостепной ареал. Действительно, если все объяснять лишь благоприятным климатом Лесостепи — а он, скорее всего, был сходным в границах всего ареала — мы бы имели все шансы видеть близкое число киммерийских памятников, в первую очередь, погребений, на всей территории Лесостепи. Более того, принимая во внимание имеющиеся сведения о бондарихинском населении — мирных оседлых племенах, не являющихся серьезным противником для кочевников — мы вправе ожидать, что именно на их территории киммерийские древности должны быть представлены значительным количеством. Но, как известно, археологические реалии киммерийцев в Восточноевропейской Лесостепи другие. С территории бондарихинских племен происходят лишь два погребения и несколько случайных находок. Столь же малое число памятников известно и в бассейне Среднего Днестра на Правобережной Украине и лишь Правобережье Среднего Поднепровья (бассейны Тясмина и Роси) отличаются бесспорной концентрацией киммерийских памятников. При этом, как мы знаем, в Среднем Поднепровье находилась наиболее значительная в пределах Украинской Лесостепи группировка чернолесских племен, которая несомненно могла оказать (и, видимо, оказала) сопротивление агрессивным устремлениям

номадов. И тем не менее, именно эта территория словно магнит притягивала кочевников. Симптоматично, что сходную картину мы наблюдаем в скифскую эпоху, когда Среднее Поднепровье становится основным центром концентрации в Лесостепном Правобережье наиболее ярких скифских памятников, и в более позднее — сарматское время, когда именно в этом районе обитает какое-то объединение сарматов (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989.— С. 3; Симоненко, 1981.— С. 68, 69). Такое положение становится объяснимым, если вспомнить о преимуществах, которыми обладало население этого региона по сравнению с иными территориями Лесостепи, во всяком случае в предскифское время: помимо развитого земледелия, традиционные хорошо налаженные торговые связи с различными племенами, собственный очаг металлообработки. Иными словами, среднеднепровский регион представлял

собой наиболее благоприятный объект для эксплуатации со стороны кочевников, а также источник получения металла, игравшего огромную роль в военизированном быте номадов.

Таким образом, на мой взгляд, именно высокий экономический потенциал Среднего Поднепровья являлся основной, изначальной предпосылкой к продвижению сюда киммерийцев.

Историческое значение прихода киммерийцев в южные пределы Украинской Лесостепи состоит в том, что они по сути положили начало активному освоению этой зоны Восточной Европы ираноязычными народами. Как известно, указанный процесс достиг своего апогея в количественном, пространственном и временном отношениях в последующую, скифскую, эпоху, а также имел место и в более позднее, сарматское время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разговор о киммерийцах в Лесостепи был бы логически не завершенным, если бы мы хотя бы кратко не затронули один весьма важный вопрос — об их исторической судьбе в этом регионе.

Данные по похоронному обряду автохтонного населения и кочевников, материалы с поселений аборигенов, не дают никаких оснований говорить об активной интеграции номадов в местную этническую среду за время их присутствия в Лесостепи. Более того, они свидетельствуют об отчужденности пришельцев от местного населения, их несомненной этнокультурной обособленности.

Тем не менее, процесс ассимиляции «лесостепных» киммерийцев имел место и связан он с новой для Лесостепи этнической средой в лице пришлых кочевых племен, известных под общим названием «скифы».

Первые и, очевидно, единичные случаи проникновения кочевников древнейшей скифской культуры в Лесостепь и на Правобережье в частности, имели место, видимо, в самом конце VIII вв. до н. э. — в ту самую пору, когда здесь уже жили киммерийцы. Показательным в этом плане является погребение воина в кургане № 15 у пгт Стеблев в Поросье, среди напутствующих вещей которого содержатся бронзовые наконечники стрел, железный боевой молоток, ближайшие аналогии ко-

торым известны в протосако-массагетской среде Средней Азии и Казахстана (Клочко, Скорий, 1993), что позволяет вспомнить одну из версий Геродота о происхождении скифов: «Скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны массагетами, ушли, перейдя реку Аракс, в Киммерийскую землю» (Геродот, IV, 11).

Учитывая, что процесс заимствования различных видов вооружения наиболее интенсивно протекает во время военных действий (что подтверждается многочисленными историческими примерами) и принимая во внимание сообщение Геродота о войне скифов с массагетами, можно вполне объяснить присутствие отдельных принадлежностей сако-массагетского вооружения в скифском архаическом захоронении. Следует подчеркнуть, что стеблевское погребение еще не имеет каких-либо киммерийских черт, т. е. не отражает процесса взаимодействия киммерийцев и скифов.

О начале этих контактов, следствием чего явились взаимопроникновения элементов материальной культуры, некоторые взаимовлияния в обряде, свидетельствуют материалы ряда скифских архаических захоронений Правобережной Лесостепи: в первую очередь, бассейнов Тясмина и Роси, типа могил в курганах №№ 2, 524 у с. Жаботин, 15 у с. Констан-

тиновка, кургана № 2 группы II у с. Медвин (Ковпаненко, 1981.— С. 42.— Рис. 31), относящихся к началу VII в. до н. э., а также киммерийских захоронений второй хронологической группы, типа открытых в кургане у с. Ольшана, II рыжановском кургане. Именно с указанного времени (т. е. с начала VII в. до н. э.) начинается активное продвижение скифов в различные регионы Восточной Европы, в первую очередь, в Правобережную Лесостепь и на Кавказ, в ходе чего имел место, по образному выражению А. И. Тереножкина, «факт встречи предскифской культуры со скифской» (1976.— С. 128).

Как уже отмечалось, в инвентаре упомянутых киммерийских погребений в Лесостепи присутствуют типично скифские вещи: наконечники стрел (они составляют значительную часть колчанного набора в Ольшане), бронзовые распределительные пронизи-столбики для перекрещивающихся ремней конского оголовья (Рыжановка). В то же время отдельные киммерийские предметы встречаются в древнейших скифских погребениях, например, двукольчатые удила в кургане № 2 у с. Жаботин, в комплексе которого имеются резные костяные украшения, оформленные в традициях архаического звериного стиля.

Одним из проявлений влияния скифского погребального обряда на ритуал киммерийцев можно считать устройство погребального сооружения знатного киммерийца в Ольшане в виде деревянной частокольной гробницы прямоугольной формы. Такие склепы, не будучи помимо Ольшаны известными среди киммерийских погребальных сооружений, достаточно широкое распространение получили в скифский период. В качестве ближайшей аналогии можно указать на

гробницу из кургана № 524 у с. Жаботин, сходную по устройству, размерам, ориентировке (Ильинская, 1975.— С. 20). С другой стороны, видимо, киммерийским вкладом в скифский погребальный обряд следует считать появление у скифов обычая сооружать шатровидные надмогильные конструкции. Как известно, подобные сооружения использовались в погребальной практике киммерийцев (в Лесостепи — Квитки, Константиновка, курган № 375, на Северном Кавказе — Уашхиту). Древнейшими курганами скифской поры, в которых встречаются шатровидные конструкции, являются курган № 2 у с. Жаботин (Ковпаненко, 1984.— С. 113) и курган № 15 у с. Константиновка (Ильинская, 1975.— С. 28, 29).

Несомненно также киммерийское влияние на появление ряда мотивов в раннескифском искусстве, в частности, оформление блях конской упряжи в виде четырехлепестковых розеток, спиралевидный орнамент, ромбовидные значки (Тереножкин, 1976.— С. 181, 182). Предметы раннескифской эпохи, украшенные с сохранением традиций киммерийского искусства, известны везде, где состоялся контакт киммерийцев и скифов, в том числе и на территории Украинской Лесостепи.

Процесс поглощения «лесостепных» киммерийцев пришлой скифской этнической средой, судя по всему, протекал достаточно быстро: во всяком случае о киммерийцах, живущих в Лесостепи позже первой четверти VII в. до н. э. говорить не приходится. Этому, очевидно, способствовал ряд обстоятельств: несомненное численное превосходство пришельцев-скифов, ираноязычность и первых, и вторых, сходство быта и материальной культуры, кочевой способ ведения хозяйства и наконец — примерно одинаковый уровень культурного развития.

КАТАЛОГ ПАМЯТНИКОВ

ПРАВОБЕРЕЖЬЕ

Киммерийские погребения

1. *С. Бандышевка Могилев-Подольского р-на Винницкой обл.** Могильник из 8 насыпей высотой 1,1—6,0 м, диаметром 40—60 м, в виде цепочки, вытянутой по линии северо-запад — юго-восток, на высоком плато правого берега р. Мурафа (левый приток Днестра), к югу от села. В 1989—1991 гг. раскопано 2 кургана.

Курган № 1. К моменту раскопок имел высоту 1,1 м, насыпь в плане в виде неправильного овала размерами 49×46,5 м. Насыпь основательно повреждена (по словам местных жителей, из нее выбрано «две машины камня»), первоначальная высота несомненно была значительней. В центральной части состояла в основном из камня, в остальных местах при ее сооружении был использован дерн.

Единственное погребение — в центре подкурганной поверхности. Погребальное сооружение в виде ямы подквадратной формы размерами 2,9×3,2×1,7 м, ориентированной углами по сторонам света (рис. 3, 1; 4, 1). Стены ямы примерно на половину высоты были обложены известняковыми плитами (рис. 4, 2, 3). Вокруг могилы — кольцевой вал из могильного

выкида шириной 3,8 м и высотой 0,75 м. По мнению исследователей кургана, помимо деревянного перекрытия на уровне горизонта, над могилой была возведена еще одна деревянная конструкция из плах, опиравшихся на упомянутый кольцевой вал (шатер? — С. С.). Конструкция вначале подожжена (ритуальный костер), а затем засыпана камнями и землей. В насыпи, под южным углом могилы, обнаружены следы тризны в виде костей домашних животных. Могила ограблена дважды: в первый раз через грабительский ход, ведущий к южному углу камеры, во второй — через шурф сверху, при выборке камня.

В погребении найдены обломки человеческих костей и немногочисленные вещи: 1) бронзовая литая бляшка-лунница; 2) восемь бронзовых трубчатых пронизей, сделанных из свернутой спиралью проволоки; 3) обломки венчика и ручки бронзовой чаши; 4) керамическое пряслице, украшенное оттисками зубчатого штампа (рис. 3, 2—5).

Раскопки под руководством Ю. Н. Бойко осуществлены в 1989 г. Дата: рубеж IX—VIII вв. до н. э. или ранний VIII вв. до н. э. (по Ю. Н. Бойко), VIII или начало VII вв. до н. э. (по В. Т. Загоруйко и

* Нумерация в каталоге соответствует нумерации памятников на карте (рис. 1).

Т. Т. Лотоцкой), конец VIII — начало VII вв. до н. э. (по С. А. Скорому).

(Бойко, 1989.— С. 8—12; Загоруйко, Лотоцька, 1990.— С. 37, 38).

2. *Курган № 2.* Насыпь в виде неправильного овала 38×28,5 м, высотой 0,4 м. Курган исследован В. Т. Загоруйко в 1990 г.

Центр могильной ямы разрушен поздней грабительской ямой. Погребальное сооружение, находившееся в центре подкурганной поверхности, основательно разрушено. Могила имела углубленное основание, в плане подпрямоугольной формы размерами 6×5,7—6,2 м. По периметру окружена валом из суглинкового грунта. Высота вала от уровня древнего горизонта 0,4—0,5 м, ширина 3—6,2 м. Вокруг кургана зафиксирована выемка, образовавшаяся в результате досыпки насыпи. Основание насыпи по периметру выложено камнем. При расчистке камней, в грабительском ходу насыпи обнаружены фрагменты лепной посуды (мисок и иных сосудов), относящихся ко второй ступени чернолесской культуры и бронзовая литая бляшка-лунница. Материалы не опубликованы.

Дата: VIII—VII вв. до н. э. (по В. Т. Загоруйко), конец VIII — начало VII вв. до н. э. (по С. А. Скорому)

(Загоруйко, 1990).

3. *С. Квитки Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл.*

Одиночный курган у северного края села, в ур. Савчин Ветряк, на возвышенности, доминирующей над окружающей местностью. С 1970 г. курган разрушался землеройной техникой. К моменту раскопок кургана Г. Т. Ковпаненко и С. С. Бессоновой в 1979 г. высота насыпи составляла около 0,4 м при диаметре до

40 м. Насыпь состояла из однородного чернозема. Центр ее разрушен ямой овальной формы размерами 18×11 м, доходившей посередине до материка.

У основания кургана — кольцевой ров диаметром 38 м по внешнему краю, глубиной до 1 м от материка. Ров имеет скошенные стенки, округлое дно (рис. 5, 1—2). В северо-восточной части рва найдены остатки тризны: небольшое количество обломков лепной посуды (миски, черпак), кости быка и лошади.

В насыпи, вокруг ямы, вырытой экскаватором, обнаружены 18 бревен длиной 0,3—0,8 м и толщиной 0,1—0,15 м, лежавших радиально по отношению к центру. Их края углублены в древнюю почву на 0,12—0,17 м. Бревна ограничивали площадку овальной формы размерами 22×15 м, вытянутую по оси восток-запад. Они, вероятно, являлись основанием большого надмогильного сооружения типа шатра, возвышавшегося над уровнем древней поверхности примерно на 3 м. Отсутствие в насыпи глиняного выкида из могилы свидетельствует о том, что погребение находилось на уровне древнего горизонта или было слегка углублено в древнюю почву (рис. 5, 1—2).

В земле, вывезенной на газоны в с. Квитки, местными жителями найдена группа предметов являвшихся частью инвентаря из погребения в кургане. В настоящее время эти вещи хранятся в собрании музея истории Корсунь-Шевченковской битвы:

1. Бронзовые литые двукольчатые удила с дополнительными звеньями для крепления повода (6 экз.). Дополнительные звенья — обычные, за исключением звеньев одних удили: они имеют оригина-

* Последняя дата основывается на разработках, предложенных в настоящей монографии.

** Описание находок дано по публикации Г. Т. Ковпаненко и Н. Д. Гупало (1984.— С. 39—58).

нальный и сложный по конфигурации щиток (рис. 5, 10—11).

2. Бронзовые литые трехпетельчатые псалии с округлой шляпкой и концом, оформленным в виде лопасти (11 экз. от шести уздечек). Шляпки двух псалиев имеют в центре выступ. В петлях пяти псалиев сохранились остатки ремней (рис. 5, 4—7).

3. Большое уздечное кольцо с подвижным звеном для повода из круглого в сечении бронзового прута, на который надета ребристая муфта с двойным округлым щитком. Деталь колесничного убора (рис. 6, 18).

4. Бронзовый круглый щиток, посередине стержень от дополнительного звена удила или большого уздечного кольца с остатками ремня на стержне (рис. 5, 8).

5. Шесть бронзовых литых округлых прорезных блях с вписанным в круг равноконечным крестом, в центре которого — четырехлепестковая розетка, а на четырех концах — по два концентрических круга (рис. 6, 9—14).

6. Бронзовая литая лунница с серебряной накладной пластиной, края которой загнуты с обратной стороны (рис. 6, 4).

7. Бронзовое литое кольцо с обоймой прямоугольной формы (для кисти?). В отверстии обоймы сохранились остатки кожи. На поверхности следы серебряной накладки (рис. 6, 19).

8. Две деревянные восьмерковидные бляшки с двумя овальными отверстиями. В одной — остатки ремня (рис. 6, 5).

9. Бронзовое литое широкое кольцо с ребром посередине, с внешней стороны. В кольце обломок дерева (рис. 6, 16).

10. Бронзовая литая округлая ворварка (рис. 6, 15).

11. Обломок бронзового кольца.

12. Три бронзовых литых сферических колокольчика с шариками внутри. Один

из колокольчиков имеет петлю для подвешивания, на двух других вместо петли — барабанчик (рис. 6, 1—3).

13. Остатки кожаных частей сбруи (48 небольших фрагментов). Их них 27 сохранились в местах их крепления, на металлических частях уздечки (рис. 5, 5-9, 11; 6, 6).

14. Колчаный набор из 36 бронзовых и 6 железных двулопастных наконечников стрел. Судя по имеющимся в коллекции мелким обломкам, первоначально их было больше. 35 экз. — новочеркасского типа: с маленькой трапециевидной или ромбовидной головкой и длинной втулкой. На восьми втулках сохранились сухожильные нитки (рис. 5, 12). Один наконечник имеет удлиненно-ромбическую головку, охватывающую почти всю втулку (рис. 5, 13).

Железные скипевшиеся наконечники стрел повторяют форму бронзовых с малой трапециевидной головкой, длинной втулкой и удлиненной ромбической головкой, охватывающей 2/3 втулки (рис. 5, 14).

15. Два железных наконечника копья с пером лавролистной формы и длинной слабо конической втулкой, имеющей с одной стороны щель (рис. 6, 8, 28).

16. Обломок острия меча или кинжала. На поверхности — следы дерева от ножен (рис. 5, 17).

17. Золотая обойма верхней части ножен кинжала. Откована из прямоугольной пластины, края которой спаяны. Лицевая и боковая стороны обоймы украшены шестью горизонтально напаянными проволочками с насечкой на оборотной стороне — соединительный шов (рис. 6, 20).

18. Круглая массивная золотая бляха. Лицевая ее сторона разделена на четыре концентрических круга кольцами из золотой проволоки с насечками, напаянными на литое плоское основание бляхи. В

центре помещена выпуклая четырехлепестковая розетка с кругом посередине и колечком внутри, заполненным серо-голубой пастой. Третий круг украшен 19 золотыми миниатюрными колечками из тонкой проволоки с насечками, также заполненными пастой серо-голубого цвета. В центре каждого колечка помещена голубая пастовая бусина. Внутри четвертого, внешнего, круга — 16 проволочных, с насечками полуокружностей, без следов пастового заполнения. Обратная сторона бляхи имеет четыре обвальных углубления, соответствующих выпуклым лепесткам розетки, и небольшую петлю из узкой золотой пластинки (рис. 6, 29).

19. Накладная пластина из золотой фольги с прямоугольной верхней и округлой нижней частью (устье ножен меча или кинжала?). В средней ее части имеется невысокий выступ, слегка расширяющийся книзу. Края загнуты для прикрепления к основе. Средняя часть пластины украшена двойным вертикальным рядом полукругов, по обе стороны которых расположены две вертикальные полосы бегущей спирали. Промежутки между полукругами и спиралями заполнены точками. По бокам пластины находятся прямоугольники с узким округленным выступом в нижней части и спиральными завитками в верхней, густо заполненные спиралями (рис. 6, 30).

20. Накладная пластинка из золотой фольги квадратной формы. Края загнуты для прикрепления к основе. На пластинке рельефом нанесен круг в квадрате с вогнутыми сторонами, украшенными спиралями и точками. В центре круга — кольцо с точкой посередине, обрамленное спиралями, точками и кольцом снаружи. Рисунок выполнен чеканом (рис. 8, 18).

21. Обломок накладной пластинки из золотой фольги с загнутым краем для

прикрепления к основе, украшенной спиралями и точками (рис. 8, 19).

22. Четыре накладных пластины прямоугольной формы из золотой фольги. Края загнуты для прикрепления к основе. Две пластины слегка выпуклые, две — плоские (рис. 6, 21—24).

23. Обломок верхней части деревянных ножен кинжала с широким округлым краем, украшенным тремя ромбовидными значками с гнездами посередине и несохранившимися в них вставками. Внутренняя сторона ножен залощенная. В ее верхней части — зеленоватые следы окиси меди. Внешняя сторона округлена. Ножны окрашены красной краской (рис. 6, 31).

24. Обломок сильно поврежденного железного топора (рис. 5, 16).

25. Железное тесло в виде плоской прямоугольной пластины, слабо расширяющейся к лезвию. Вверху два выступа (рис. 5, 15).

26. Оселок из полупрозрачного камня светло-желтого цвета, клиновидной формы с утолщением посередине и отверстием для подвешивания. Поверхность гладкая, тщательно обработанная, без следов функционирования (рис. 8, 17).

27. Бронзовый клепаный сосуд кавказского производства с высоким, слегка расширяющимся горлом, утолщенным округлым валиком по краю. Широкий в плечиках сосуд сужается к небольшому дну. Две литые, ассиметрично расположенные по корпусу ручки украшены головками животных с острыми ушами. Сосуд состоит из трех отдельных частей: двух полос корпуса и дна с прямыми невысокими стенками, склепанными по шву бронзовыми заклепками (рис. 6, 26).

28. Два бронзовых пластинчатых браслетоподобных кольца, целый и сохранившийся частично, с незначительным утол-

щением в средней части — деталь снаряжения колесницы (рис. 5, 19; 6, 25).

29. Обломки железных предметов неясного назначения.

30. Широко открытый горшок с удлиненной шейкой и слегка выпуклым в верхней части корпусом, сужающимся к небольшому дну. Венчик с плоско срезанным краем слабо отогнут наружу. Сосуд украшен двумя валиками, из которых один — гладкий, высокий и узкий расположен чуть ниже венчика. Под ним — полоса проколов. Второй валик — треугольный в сечении, расчлененный узкими ямками, расположен в верхней части корпуса. Поверхность сосуда грубо заглажена, светло-коричневого цвета, пятнистая от обжига (рис. 18, 7).

31. Два фрагментированных черпака. Один имеет глубокую, слегка уплощенную чашечку, невысокую выделенную шейку, плавно переходящую в отогнутый наружу венчик.

Широкая ленточная ручка с несохранившимся отростком возвышается над краем. Черпак украшен резным орнаментом в сочетании с круглым штампом, заполненным инкрустацией. Он расположен в верхней, наиболее широкой части корпуса и разделен на отдельные участки, декорированные внутри. Ручка украшена заштрихованными внутри треугольниками, обращенными вершинами друг к другу. По углам — круглый штамп. Венчик с внутренней стороны украшен косыми насечками. Поверхность лощеная, черного цвета (рис. 18, 12).

Второй черпак по форме близок к первому, но меньшего размера. Овальная в сечении ручка уже, чем у первого. Орнамент вписан в пояс и состоит из групп резных линий, заполненных красной инкрустацией. На ручке частично сохранился заштрихованный ромб с круглым

штампом в вершинах углов. Поверхность лощеная, черного цвета (рис. 18, 10).

32. Два обломка стенок, украшенных резным орнаментом с белой инкрустацией. Поверхность лощеная, черного цвета (рис. 18, 9).

33. Две миски. Из них одна — круглодонная с неглубокой вмятиной посередине (сохранилась частично). Вторая — полусферической формы с плоским выделенным дном. Горизонтально срезанный край ее загнут во внутрь и нависает над стенкой. Украшена по внешнему краю четырьмя овальными выступами. Обе миски черного цвета, подлощены (рис. 18, 13—14).

34. Две корчаги. Одну из них удалось частично реставрировать. Этот сосуд имеет широкое и высокое горло с плавно отогнутым наружу венчиком, широкий вогнутый корпус и небольшое дно. Плечики украшены резным орнаментом в виде крупного зигзага и четырьмя невысокими коническими выступами, обрамленными резными линиями. На горле и частично на корпусе прослеживаются бурые вертикальные полосы. Поверхность корчаги темно-коричневая со светлыми пятнами и следами лощения. Внутри она светло-коричневого цвета (рис. 18, 8).

Дата: первая половина VII в. до н. э. (по Г. Т. Ковпаненко и Н. Д. Гупало), VIII в. до н. э. (по Г. Коссаку), начало — первая половина VII (по А. И. Мелюковой), конец VIII в. до н. э. (по С. А. Скорому)

(Ковпаненко, Гупало, 1980.— С. 75; 1984.— С. 35—58; Kossak, 1987; Мелюкова, 1988.— С. 11).

4. Константиновка Смелянского р-на Черкасской обл. Урочище Деренговец. Курган № 375. Данный курган и курганы № 376, 377 входили в группу насыпей эпохи бронзы и раннескифского времени

(группа «В»), 14 из которых раскопаны А. А. Бобринским в 1887—1897 и 1912 гг.

Высота кургана №375 — 2,5 м, диаметр 51 м. Сверху в насыпи — фрагменты большого лепного сосуда с прямолинейным орнаментом, кости лошади (или коровы) и барана, несколько человеческих костей (следы тризны или разрушенного впускного погребения?).

Впускное погребение на уровне древнего горизонта расположено в центре подкурганной поверхности. Представляло собой деревянное сооружение неясной конструкции (выкладка из бревен), перекрытое сверху шатровидной крышей ("остроконечная деревянная крыша... составлена из расходящихся от центра больших стволов, преимущественно дубовых").

Под крышей в слое угля, золы и обгорелой земли найдены: бронзовые литые двукольчатые удила с дополнительными звеньями; бронзовые литые трехпетельчатые псалии; еще одна пара аналогичных псалиев; лепной круглотелый кубок с поясом резного геометрического орнамента; обломки не менее десяти лепных сосудов — горшков ("обычных небольших сосудов с расширяющимися бочками"), черпаков ("чарок с высокими ручками"); около 30 мелких бусин, обломанное железное шило с деревянной ручкой; часть бронзовой пряжки; бронзовая сложенная игла (рис. 7, 1—5). Человеческие кости не обнаружены.

По мнению В. А. Ильинской, данная конструкция представляла собой сожженный деревянный склеп.

Дата: вторая половина VII в. до н. э. (по А. И. Тереножкину), первая половина VII в. до н. э. (по В. А. Ильинской), вторая половина VIII в. до н. э. (по И. Н. Медведской), начало VII в. до н. э. (по С. А. Скорому).

(Бобринский, 1902.— С. 30—32; Теренож-

кин, 1965.— С. 215; 1976.— С. 75—77; Ильинская, 1975.— С. 30.— Табл. XVI, 1—5; Медведская, 1992.— С. 87—89).

5. *Константиновка, курган № 376.* Высота 2,45 м, диаметр около 30 м. В насыпи найдены небольшой железный наконечник копья, обломки горшка, мисок, черпаков, кости животных (по В. А. Ильинской, остатки тризны).

Основное погребение в виде грунтовой ямы размерами 3,82×3,44×0,6 м, ориентированной по оси восток-запад. Пол могилы выстлан деревом. Перекрытие из «досок», положенных поперек могилы.

На дне могилы — сильно истлевший костяк взрослого человека вытянутый на спине. За головой и слева от нее — кости барана, среди них распавшийся железный нож с деревянной ручкой. В ногах посуда: горшок, глубокая миска и черпак с поясом резного геометрического орнамента, заполненного белой пастой. Справа у головы — два черпака с выступающими ручками (один из них украшен геометрическим орнаментом), цельнолитые бронзовые удила вместе с псалиями, два железных двулопастных наконечника стрел (один почти целиком уничтожен окислом) и железная «кнопка». На костях — остатки красной ткани (?). Погребение не нарушено (рис. 7, 6—10).

Дата: первая половина — середина VII в. до н. э. (по В. А. Ильинской), вторая половина VIII в. до н. э. (по И. Н. Медведской), начало VII в. до н. э. (по С. А. Скорому)

(Бобринский, 1902.— С. 33; Ильинская, 1975.— С. 30, 31.— Табл. XVI, 6—10; Тереножкин, 1976.— С. 77.— Рис. 41, 3—4; Медведская, 1992.— С. 87—89).

6. *С. Константиновка, курган № 377.* Расположен рядом с курганом № 376. Высота 2,07 м, диаметр 53 м. Основное

погребение в виде деревянного склепа в грунтовой яме. Размеры ямы 4,55×3,45×1,05 м, ориентировка по оси северо-запад — юго-восток. Могила перекрыта двумя деревянными «крышами», установленными на «глиняных устоях» (кольцевой вал из материкового выкида? — С. С.). Ниже — деревянное просевшее перекрытие. Могила ограблена. Сверху в заполнении найден человеческий череп, обломок железного предмета, бусина, кусок раскрошившейся серебряной проволоки. Ниже, по центру могилы, костяк женщины, лежавшей лицом вниз. Ноги согнуты, руки приподняты вверх к лицу. На костях следы ткани. На дне часть человеческого костяка. При нем бронзовая игла, звено двуколычатых удил, обломки бронзового предмета, набор керамики: две миски, черпак, «пузатый сосуд» (горшок), обломки других сосудов (рис. 7, 11). В заполнении могилы найдены фрагменты лепных сосудов, кости лошади или коровы и барана.

Таким образом, в могиле были похоронены, по меньшей мере, два человека.

Дата: VIII—VII вв. до н. э. (по А. И. Тереножкину), вторая половина VIII в. до н. э. (по И. Н. Медведской), начало VII в. до н. э. (по С. А. Скорому).

(Бобринский, 1902.— С. 34; Ильинская, 1975.— С. 31.— Табл. XVI, 13; Тереножкин, 1976.— С. 77; Медведская, 1992.— С. 87—89).

7. С. Носачев Смелянского р-на Черкасской обл. Курган расположен на север от села, слева от полевой дороги в с. Калиновка, на высоком плато над долиной р. Серебрянка. Рядом находится еще одна насыпь.

В 1962 г. при планировании поля насыпь первого кургана была срыта бульдозером. Высота ее достигала 2 м, диаметр 30—35 м.

Погребение располагалось в центре подкурганной поверхности. Над ним, по словам тракториста, были найдены кости коня, под которыми лежали бронзовые удила, псалии, пряжки, костяные бляхи, а также «множество» наконечников стрел, железный наконечник копья и меч.

Ниже (в яме? — С. С.) располагался деревянный склеп, перекрытый накатом. В нем головой на запад, лежал скелет взрослого человека. Вещи отсутствовали.

При обследовании кургана Г. Т. Ковпаненко были обнаружены мелкие обломки стенок лепного лощеного сосуда.

Большая часть находок была передана в Черкасский областной краеведческий музей:

1. Трое бронзовых литых двуколычатых удил с дополнительными звеньями для крепления повода. Стержни удил с двойным рядом насечек-«квадратиков» на одной из сторон (на одних удилах насечек нет). На дополнительных звеньях — остатки ремня (рис. 8, 1).

2. Семь бронзовых трехпетельчатых псалиев. Верхний конец оканчивается плоской шляпкой, нижний утолщенный и загнутый, оформлен в виде лопасти (рис. 8, 15).

3. Шесть бронзовых литых круглых блях: пять выпуклых с небольшой петлей на обороте, шестая — меньших размеров, плоская, с более массивной петлей (рис. 8, 5—9).

4. Пять бронзовых литых ажурных пряжек прямоугольной формы. Состоят из трех частей: средней имеющей вид решетки, образованной тремя прорезями посередине. По бокам ее размещены по две продолговатые овальные выпуклые бляхи с тремя поперечными желобками. У двух блях на одном конце вместо пластины со стержнем — петля, в которую затянута железное кольцо (рис. 8, 12).

5. Четыре костяные бляшки, выполненные в виде четырехлепестковой розетки. Обратная сторона плоская, без петель. Резной орнамент инкрустирован красной краской (рис. 8, 13, 14).

6. Бронзовые наконечники, попавшие в музейное собрание, представлены пятью экземплярами: четыре двулостные Новочеркасского типа с длинной втулкой и пером овально-ромбической и ромбической формы и один трехлопастный, ромбический, также с длинной втулкой (рис. 8, 2—4).

7. Железный наконечник копья с пером лавролистной формы и массивной длинной втулкой. Средняя грань выступает в виде невысокого широкого ребра, которое плавно переходит во втулку (рис. 8, 10).

8. Часть железного меча в трех фрагментах: рукоять и части клинка. Навершие небольшое, в виде закругленного бруска со слегка выступающей средней частью. Клинок в сечении ромбовидной формы (рис. 8, 11).

Дата: VIII—VII вв. до н. э. (по Г. Т. Ковпаненко), Новочеркасское время (по А. И. Тереножкину), VIII в. до н. э. (по Г. Коссаку), начало — первая половина VII в. до н. э. (по А. И. Мелюковой), конец VIII в. до н. э. (по С. А. Скорому)

(Ковпаненко, 1966.— С. 174—179; Тереножкин, 1976.— С. 78—80; Kossak, 1987; Die Hallstattkultur, 1980.— S. 182; Золото Степу.— 1991.— С. 300, 301.— № 73—75; Мелюкова, 1988.— С. 11).

8. *Ольшана Городищенского р-на Черкасской области.* Курган № 1 находился у северо-восточного края села в 50 м к северу от старой дороги в с. Вербовка.

Входил в состав группы из восьми распахаемых насыпей, расположенных на высоком мысе, образованном при слиянии двух рек — Белянки и Ольшанки. Один из наиболее высоких курганов группы к моменту исследования имел высоту 1,5 м при диаметре 30 м.

Насыпь сооружена из чернозема. Курган содержал 9 погребений: 7 — эпохи энеолита — бронзы, 1 — предскифское и 1 сарматское.

Раскопки Г. Т. Ковпаненко, 1984 г.

Погребение № 1 (предскифского времени). Впущено в центр кургана. Совершено в деревянной частокольной гробнице прямоугольной формы, ориентированной по линии север-северо-запад — юг-юго-восток. Длина 4,8 м, ширина 3,9 м. Дно находилось на глубине 0,27 м от поверхности кургана и репера.

От погребального сооружения, основательно разрушенного распашкой, сохранилось основание в виде 49 вертикально вбитых в земляную насыпь дубовых столбов диаметром 12—20 см. Судя по расстоянию между столбами, вход в гробницу с юга — юго-запада. Ширина его 0,85 м. Внутри гробницы — две ямки от столбов, поддерживающих перекрытие. Характер последнего не ясен. На дне гробницы сохранились обломки плах, в том числе один длиной 1 м, шириной до 18 см, лежавший вдоль западной стенки, позволяющий предположить, что деревянный накат располагался вдоль гробницы (рис. 15; 16).

В средней части гробницы, на остатках деревянного помоста, находились кости погребенного, принадлежавшие, по определению С. И. Круц, подростку 14—15

* В монографии А. И. Тереножкина ошибочно указано, что наконечников стрел было 6, а наконечников копий — 2 (1976.— С. 79—80).

** Материалы погребения не опубликованы. Описание могилы и погребального инвентаря выполнено Г. Т. Ковпаненко. См.: Отчет Г. Т. Ковпаненко, С. А. Скорого, С. С. Бессоновой и др. (1984).

лет. Судя по их положению, покойник лежал на спине, вытянуто, головой на юг-юго-восток. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги, вероятно, были согнуты, коленями вверх (рис. 9, 1; 16).

Часть предметов погребального инвентаря находилась на месте, *in situ*, часть потревожена в процессе раскопки насыпи.

В первоначальном положении сохранилась группа предметов конской упряжи — в юго-западной части могилы, слева от покойника, за головой (4 бронзовых удила и 8 псалиев, 8 разнообразных бляшек, фрагмент дополнительного звена от большого кольца, плоское в сечении кольцо). Справа от костяка, возле черепа стояли 2 корчаги и 2 кубка (нетронутыми остались придонные части сосудов).

На раздавленной лицевой части черепа найдена золотая гривна в вертикальном явно смещенном положении. Слева от позвоночника, в районе груди золотая «булавка»-подвеска острием кверху, положение которой также нарушено. Справа от позвоночника — 7 бронзовых наконечников стрел с остатками древков.

Над погребенным и вокруг него в гробнице и за пределами во взвешенном состоянии находились бронзовые удила, отлитые вместе с псалиями, 2 кольца с подвесными муфтами, 13 разнообразных бронзовых бляшек, обломок бляшки с двумя шляпками, 84 бронзовых наконечника стрел, обломки железных предметов, среди которых фрагменты наконечников копий и кинжалов, железный нож, каменный оселок, обломки стенок сосудов.

1. Бронзовые литые двукольчатые удила с дополнительными звеньями для крепления повода (4 экз.). На мундштуках двух удила, на одной из сторон три ряда насечек-"квадратиков". На двух других экземплярах — двойной ряд насечек (рис. 14, 1—4).

Дополнительные звенья представляют собой овальный в сечении стержень, имеющий с одной стороны круглую петлю, с другой — два круглых плоских щитка, соединенных между собой коротким округлым стержнем.

2. Удила, отлитые вместе с псалиями и дополнительными звеньями для крепления повода. На мундштуках — три ряда насечек-"квадратиков" на одной стороне (рис. 14, 5).

3. Бронзовые литые трехпетельчатые псалии (8 экз.). Один конец псалиев оканчивается плоской шляпкой, второй уплощен и имеет вид лопасти (рис. 14, 6—13).

4. Два бронзовых кольца с подвижным звеном. Подвижные звенья имеют вид колец с треугольным в сечении стержнем с одной или двумя щитками. Детали упряжи колесницы (рис. 14, 32, 37).

5. Бронзовые литые округлые слегка выпуклые бляхи с вписанным прямым равноконечным крестом и рельефным кругом посередине (6 экз.). На оборотной стороне — прямоугольная петля (рис. 14, 31, 34, 35; 36, 40).

6. Бронзовые литые слегка выпуклые бляшки в виде четырехлепестковой розетки ("крестовидные" раннескифского времени) со вписанным крестом (12 экз.). В центре бляшек — круг со следами декора, обрамленный квадратной рамкой из узких гладких полос. Между стенками креста, углами рамки и краями лепестков — по два отверстия с каждой стороны. Обратная сторона бляшек — плоская (рис. 14, 17—28).

7. Бронзовые, круглые плоские бляхи с петлей на оборотной стороне (2 экз.) (рис. 14, 29).

8. Бронзовая литая бляшка, состоявшая из продольного в сечении, массивного стержня с загнутыми под прямым уг-

лом концами и двумя круглыми, слегка выпуклыми щитками по краям (рис. 14, 30).

9. Бронзовое литое округлое кольцо. Внешняя сторона слегка выпуклая, внутренняя — плоская (рис. 14, 14).

10. Бронзовые наконечники стрел — 92 экз. Среди них — три обломка втулок. При чистке наконечников в лаборатории естественно-научных методов Института археологии НАН Украины, 11 экз. частично или полностью разложились.

Наконечники представлены следующими типами:

а) двулопастные наконечники с килевидной или башневидной головкой и хорошо выделенной втулкой (2 экз.) (рис. 10, 1—2);

б) двулопастные с ромбической или трапециевидной головкой и длинной втулкой Новочеркасского типа (24 экз.). На втулках девяти наконечников — рельефные метки мастера-литейщика (рис. 10, 3—26);

в) двулопастные наконечники с удлиненно-ромбической или асимметрично-ромбической головкой и сравнительно короткой втулкой, типа найденных в Белогордце (33 экз.) (рис. 10, 27—32; 11, 1—26; 12, 1);

г) двулопастные с удлиненной асимметрично-ромбической головкой, охватывающей практически всю втулку (3 экз.). У основания втулки одного наконечника — выпуклый обок (рис. 11, 27—28; 12, 2);

д) двулопастные с овальной или лавролистной головкой и короткой втулкой (2 экз.) (рис. 12, 3—4);

е) трехлопастные с треугольной головкой и довольно длинной втулкой; лопасти по отношению к втулке срезаны под тупым углом (22 экз.) (рис. 12, 5—26);

ж) трехлопастные с лавролистной голо-

вкой и выступающей втулкой (3 экз.) (рис. 12, 27—29).

11. Два железных наконечника копий в обломках. Внешний вид одного из них реконструируется. Наконечник имеет перо лавролистной формы с нервюрой посередине, переходящее в длинную коническую, расширяющуюся книзу втулку. От второго наконечника сохранились фрагменты пера с нервюрой посередине и части конической втулки (рис. 13, 1).

12. Обломок железного меча или кинжала. Сохранились часть широкой рукоятки с овальным навершием и фрагмент клинка со следами дерева от ножен. По краям рукоятки, с одной стороны, вертикальные углубления — желобки (рис. 13, 2).

13. Фрагмент второго железного кинжала весьма плохой сохранности (рис. 13, 3).

14. Обломок острия третьего маленького кинжала (рис. 13, 6).

15. Золотая гривна с заходящими друг за друга концами. Изготовлена из четырехгранного в сечении крученого стержня, суженного к краям. Концы завернуты в петлю (рис. 14, 33).

16. Золотая подвеска. Состоит из гладкого, круглого в сечении стержня, сужавшегося к концу, с плоской гвоздевидной шляпкой сверху, на которую напаяна слегка суженная сверху полая трубочка из витой, пропаянной тонкой проволоки. Верхняя часть подвески представляет собой широкое кольцо, изготовленное из тонкой пластины с несомкнутыми концами. Кольцо украшено шестью вертикально напаянными тонкими проволочками. между стержнем и кольцом расположены в два ряда четыре трубочки. Заполненные пастой, в которую вставлены, с одной стороны, по три, а в одной трубочке — две мелкие рубленные бусины — бисер голубого цвета (рис. 14, 38).

лом концами и двумя круглыми, слегка выпуклыми щитками по краям (рис. 14, 30).

9. Бронзовое литое округлое кольцо. Внешняя сторона слегка выпуклая, внутренняя — плоская (рис. 14, 14).

10. Бронзовые наконечники стрел — 92 экз. Среди них — три обломка втулок. При чистке наконечников в лаборатории естественно-научных методов Института археологии НАН Украины, 11 экз. частично или полностью разложились.

Наконечники представлены следующими типами:

а) двулопастные наконечники с килевидной или башневидной головкой и хорошо выделенной втулкой (2 экз.) (рис. 10, 1—2);

б) двулопастные с ромбической или трапециевидной головкой и длинной втулкой Новочеркасского типа (24 экз.). На втулках девяти наконечников — рельефные метки мастера-литейщика (рис. 10, 3—26);

в) двулопастные наконечники с удлиненно-ромбической или асимметрично-ромбической головкой и сравнительно короткой втулкой, типа найденных в Белогордце (33 экз.) (рис. 10, 27—32; 11, 1—26; 12, 1);

г) двулопастные с удлиненной асимметрично-ромбической головкой, охватывающей практически всю втулку (3 экз.). У основания втулки одного наконечника — выпуклый обок (рис. 11, 27—28; 12, 2);

д) двулопастные с овальной или лавролистной головкой и короткой втулкой (2 экз.) (рис. 12, 3—4);

е) трехлопастные с треугольной головкой и довольно длинной втулкой; лопасти по отношению к втулке срезаны под тупым углом (22 экз.) (рис. 12, 5—26);

ж) трехлопастные с лавролистной голо-

вкой и выступающей втулкой (3 экз.) (рис. 12, 27—29).

11. Два железных наконечника копий в обломках. Внешний вид одного из них реконструируется. Наконечник имеет перо лавролистной формы с нервюрой посередине, переходящее в длинную коническую, расширяющуюся книзу втулку. От второго наконечника сохранились фрагменты пера с нервюрой посередине и части конической втулки (рис. 13, 1).

12. Обломок железного меча или кинжала. Сохранились часть широкой рукоятки с овальным навершием и фрагмент клинка со следами дерева от ножен. По краям рукоятки, с одной стороны, вертикальные углубления — желобки (рис. 13, 2).

13. Фрагмент второго железного кинжала весьма плохой сохранности (рис. 13, 3).

14. Обломок острия третьего маленького кинжала (рис. 13, 6).

15. Золотая гривна с заходящими друг за друга концами. Изготовлена из четырехгранного в сечении крученого стержня, суженого к краям. Концы завернуты в петлю (рис. 14, 33).

16. Золотая подвеска. Состоит из гладкого, круглого в сечении стержня, сужавшегося к концу, с плоской гвоздевидной шляпкой сверху, на которую напаяна слегка суженая сверху полая трубочка из витой, пропаянной тонкой проволоки. Верхняя часть подвески представляет собой широкое кольцо, изготовленное из тонкой пластины с несомкнутыми концами. Кольцо украшено шестью вертикально напаянными тонкими проволочками. между стержнем и кольцом расположены в два ряда четыре трубочки. Заполненные пастой, в которую вставлены, с одной стороны, по три, а в одной трубочке — две мелкие рубленные бусины — бисер голубого цвета (рис. 14, 38).

17. Оселок прямоугольной формы с закругленными углами из коричневого песчаника (рис. 13, 4).

18. Железный нож с горбатой утолщенной спинкой и слегка вогнутым лезвием (рис. 13, 7).

19. Фрагмент железной гвоздевидной булавки с выпуклой шляпкой (рис. 13, 5)

20. Пять фрагментов от железных не сохранившихся предметов.

21. Глиняные сосуды (4 экз.). Все реставрированы:

а) корчага со сравнительно высоким цилиндрическим горлом, широким отогнутым наружу венчиком, выпуклым в плечах корпусом, сужающимся к небольшому дну. Дно под тупым углом переходит в стенки. Цвет корчаги темно-бурый, пятнистый, поверхность заглажена. Сосуд украшен поясом резного геометрического орнамента, расположенным на плечах и верхней части корпуса. Декор разделен чистыми вертикальными полосами на три участка, заполненные различными комбинациями узоров. Два участка (первый и третий) состоят из трех рядов треугольников, обращенных вершинами влево и горизонтально вытянутых ромбов. Треугольники заполнены внутри густой сеткой, ромбы — вертикальными линиями. В вершинах углов ромбов, слева — точки. По краю поля — полоса из вертикальных линий. Во втором участке — три горизонтальные и косые параллельные линии, пересекаясь образуют треугольники, заштрихованные в шахматном порядке внутри густой сеткой. Венчик украшен косыми насечками в два ряда. Орнамент заполнен коричневой пастой (рис. 14, 16);

б) корчага с удлиненной S-видного профиля шейкой, плавно переходящей в отогнутый наружу венчик и выпуклый корпус. Дно небольшое, ровное. Пояс де-

кора расположен на плечах и в верхней части тулова. Он разделен полосками на четыре участка.

В верхней части, на плечах, помещены конусовидные выступы. орнамент первого и четвертого участков состоит из двух разносторонних треугольников, помещенных в противоположных (верхнем и нижнем) углах поля. Каждый треугольник, в свою очередь, разделен на малые, из которых крайние заштрихованы густой сеткой с точками в вершине углов. Посредине участков помещена лента, также заштрихованная внутри сеткой. Между треугольниками и лентой оставлены свободные полосы. Декор второго и третьего участков состоит из треугольников, обращенных вершинами в противоположные стороны. Одни из них (крайние) заштрихованы густой сеткой, остальные составлены из лент, заполненных горизонтальными линиями. В них, в свою очередь, вписаны малые треугольники, заштрихованные внутри сеткой. В углах точки. Между треугольниками пустые поля. Над верхней горизонтальной полосой орнамента расположена полоса круглого штампа. Внутренний край венчика украшен косыми линиями. Поверхность корчаги черного цвета, заглажена (рис. 14, 42);

в) кубок с цилиндрической шейкой, широко отогнутым наружу венчиком, выпуклым корпусом и небольшим округлым дном с ямкой посередине. Поверхность черного цвета, подложена. Плечи и верхняя часть корпуса украшены широким поясом резного орнамента, состоящим из треугольников, обращенных вершинами в противоположные стороны со свободными полосами между ними. Декор треугольников различен: один из них заштрихован внутри густой сеткой, другие — вертикально опущенными зигзагами,

третьи разделены внутри линиями, образующими малые треугольники, ромбы, заштрихованные сеткой. В вершинах углов точки. Край венчика с внутренней стороны декорирован прямоугольным штампом (рис. 14, 41);

г) кубок с высоким цилиндрическим горлом, широко отогнутым наружу венчиком, выпуклым корпусом и округлым дном с ямкой посередине. Тулово украшено поясом резного орнамента, состоящего из заштрихованных редкой сеткой треугольников, обращенных вершинами в противоположные стороны. Между треугольниками свободные полосы. Над верхней полосой круглый штамп, образующий четырехстороннюю пирамиду. Край венчика с внутренней стороны украшен косыми короткими линиями (рис. 14, 15).

Дата: первая половина VII в. до н. э. (по Г. Т. Ковпаненко), начало VII в. до н. э. (по С. А. Скорому).

(Ковпаненко, 1985.— С. 186, 187; 1986.— С. 248; L'Oro di Kiev.— 1987.— Abb.1; Sjaž ukrajinskih riznica.— 1989.— S. 102.— Abb.159.— S. 44.— Abb.160; Золото Степу.— С. 302, 303, № 81—85).

9. *С.Рыжановка Звенигородского р-на Черкасской обл.* Курган II входил в группу насыпей, расположенных к югу от села, на возвышающемся плато. Размеры кургана не ясны. Раскопан в 1890 г. Д. Я. Самоквасовым.

Во впускном погребении, «непосредственно под распаханным слоем насыпи (северо-западная половина)» найдены остатки человеческого костяка в «сидячем положении» (скорченном, по А. И. Тереножкину). Слева от погребенного располагались 6 глиняных сосудов: 3 миски, корчага, 2 черпака; справа — бронзовые двукольчатые удила и 2 бронзовых «столбика» от конской упряжи.

1. Глубокие миски конической формы

с четырьмя выступами-«ручками» у края (рис. 17, 5—6).

2. Два черпака с выступающей петельчатой ручкой (один украшен поясом резного геометрического орнамента (рис. 17, 4, 7).

3. Корчага, орнаментированная в верхней части резным орнаментом («узором, состоящим из точек и черточек, связанных в треугольники»).

4. Бронзовые литые двукольчатые удила (рис. 17, 1).

5. Бронзовые столбики-пронизи для перекрещивающихся ремней (рис. 17, 2).

Дата: вторая половина VII в. до н. э. (по А. И. Тереножкину, 1965), Новочеркасское время (по А. И. Тереножкину, 1976), первая половина — середина VII в. до н. э. (по В. А. Ильинской), вторая половина VIII в. до н. э. (по И. Н. Медведской), начало VII в. до н. э. (по С. А. Скорому).

(Самоквасов, 1908.— С. 12, 13; Тереножкин, 1965, 1965.— С. 211—215; 1976.— С. 80, 81; Ильинская, 1975.— С. 38, 66, 67.— Табл. XXII, 1—7; Медведская, 1992.— С. 87—89).

10. *Рыжановка, курган V.* Погребение основное. Деревянный склеп на уровне горизонта или со впущенным основанием.

Костяк лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. За спиной найдены фрагменты железного копья, следы какого-то бронзового предмета, 2 кремневых осколка. У головы — 2 черпака с высокими петельчатыми ручками, имеющие выступы-отростки. Сосуды по плечикам украшены поясом резного геометрического орнамента (рис. 17, 9).

Дата: вторая половина VII в. до н. э. (по А. И. Тереножкину, 1965), Новочеркасское время (по А. И. Тереножкину, 1976), вторая половина VIII в. до н. э. по И. Н. Медведской), начало VII в. до н. э. (по С. А. Скорому).

(Самоквасов, 1908.— С. 12, 13; Тереножкин, 1965, 1965.— С. 211—215; 1976.— С. 80, 81; Ильинская, 1975.— С. 38, 66, 67.— Табл. XXII, 1—7; Медведская, 1992.— С. 87—89).

ножкин, 1965.— С. 212, 213; 1976.— 81; Ильинская, 1975.— С. 38; Медведская, 1992.— С. 87—89).

11. С. Степанцы Каневского р-на Черкасской обл. Курган № 11, входил в небольшую группу близ села. Раскопан в конце XIX в. В. А. Зноско-Боровским. По мнению А. А. Бобринского, имел «значительную величину», а к моменту раскопок — высоту около 2,5 м. Через курган проходила дорога, в связи с чем насыпь была основательно скрыта. Курган окружен валом диаметром 63 м, шириной до 2,5 м, высотой до 4 м. С восточной стороны вал имел разрыв.

Насыпь основательно, докрасна, прожжена. В центре вертикально стоящий дуб.

Под насыпью — пять грунтовых ям, без следов захоронений. В самой крупной из них (длиной 7, шириной 3—4, глубиной 1,05 м), разделенной пополам естественной глиняной перегородкой, дополненной сверху досками, в западной половине найдены бронзовые литые двукольчатые удила «кобанского» типа. На концах удила маленькие прямоугольные выступы — «квадратики» (рис. 17, 8). По мнению Г. Т. Ковпаненко, курган ограблен.

Дата: VII в. до н. э. (по Г. Т. Ковпаненко), конец VIII — начало VII в. до н. э. (по С. А. Скорому).

(Бобринский, 1901.— С. 102; Ковпаненко, 1981.— С. 53—55.— С. 50.— Рис. 40, 9).

12. С. Таганча Каневского р-на Черкасской обл. В насыпи кургана (точные размеры и местоположение не ясны) И. А. Хойновским найдены клепаный сосуд кавказского производства с ручками, украшенными головками животных (рис. 17, 10). Вероятно, он происходит из разрушенного впускного захоронения.

Дата: конец VIII — начало VII в. до н. э. (по С. А. Скорому).

(Sommerfeld, 1938.— S. 307—311; Ковпаненко, 1981.— С. 55.— С. 54.— Рис. 43, 11).

13. С. Яснозорье Черкасского р-на Черкасской обл. Курган № 8 (Могила Вергунка) входил в состав группы из 11 насыпей, расположенных в 1,5 км к северу от северо-восточного края села. Насыпь распаивалась. К моменту исследования имела высоту 2,2 м при диаметре 56 м. В 1984 г. Г. Т. Ковпаненко и С. А. Скорый в центре насыпи, в верхнем слое, обнаружили остатки полностью разрушенного впускного погребения Новочеркасского времени. Тип погребального сооружения и детали обряда не ясны.

На глубине 0,25—0,35 м в пахотном слое собраны: разбитый кубок, бронзовая бляшка-лунница; фрагмент бронзового псаля; обломок бронзового кольца; бронзовый наконечник стрелы, каменный оселок, обломки железных предметов, фрагменты лепных сосудов и отдельные мелкие кости погребенного, свидетельствующие о захоронении по обряду ингумации.

По сообщению председателя колхоза (с. Яснозорье), на землях которого расположен курган, в 70-е гг. на поверхности насыпи были найдены бронзовые удила. Судя по описанию, это двукольчатые удила без дополнительных звеньев.

1. Кубок имеет цилиндрическое горло, выпуклый, слегка сплюснутый корпус, небольшое округлое дно с лункой посередине. Горизонтальный венчик отогнут наружу. Сосуд декорирован широким поясом резного геометрического орнамента с инкрустацией. Орнамент разделен гладкими полосами на четыре поля, каждое из которых украшено рисунком, состоящим из комбинаций горизонтальных, вертикальных и косых линий, образу-

щих ромбы, треугольники, обращенные вершинами в противоположные стороны, вписанные друг в друга треугольники, образованные двумя параллельными линиями. Ромбы треугольника заполнены сеткой, косыми параллельными линиями, зигзагом. Поверхность кубка лощеная, черного цвета (рис. 18, 1).

2. Бронзовая литая лунница с пятью рельефными кружками и двумя спиралями на дужке. В каждый рельефный кружок вписан круг меньшего диаметра. Центральный круг, кроме этого, декорирован ромбовидной фигурой с кружком посередине (соллярный знак). С оборотной стороны лунницы — широкая прямоугольная петля (рис. 18, 5).

3. Обломок бронзового трехпетельчатого псаля в виде слабо изогнутого стержня с двумя фрагментированными петлями (рис. 18, 4).

4. Обломок бронзового плоского кольца довольно большого диаметра от колесничной упряжи (рис. 18, 6).

5. Бронзовый наконечник стрелы с овальной головкой и длинной втулкой Новочеркасского типа (рис. 18, 3).

6. Обломок каменного селка удлиненно-прямоугольной формы, утолщенный в средней части с отверстием на одном конце для подвешивания (рис. 18, 2).

7. Небольшие сильно корродированные обломки железных предметов, форму которых определить невозможно (16 фрагментов).

8. Обломки стенок корчаг с заглаженной поверхностью черного цвета (28 экз.). Три из них украшены канелюрами, четыре — резным орнаментом.

9. Стенки простого горшка (9 фрагментов). Дата: VIII—VII вв. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1995.— С. 41—63).

*Находки киммерийских
вещей
и изделий кавказского
производства
на поселениях*

14 (1). С. Жаботин Каменского р-на Черкасской обл. а) На поселении на Тарасовой Горе во время пахоты в 1926 г. житель с. Завадовка Ф. П. Макуха нашел два клепаных бронзовых сосуда кавказского производства. Они имеют коническую форму со слегка расширенными округлыми плечиками, прямым, отогнутым наружу венчиком и плоским дном. Ручки в верхней части оканчиваются головками животных с торчащими ушами (рис. 19, 1—2). В публикациях иногда ошибочно указывается, что сосуды происходят из кургана.

Дата: VIII—VII вв. до н. э. (Магура, 1930; Makarenko, 1930.— Р. 34.— Fig. 13, 14; Крупнов, 1952.— С. 22.— Табл. V, 4; Вязьмитина, 1952.— С. 59; Покровская, 1973.— С. 176.— Рис. 4, 1, 5; Ильинская, 1973.— С. 15.— Рис. 7, 14, 17; Терножкин, 1976.— С. 71.— Рис. 37, 1—2).

б) При раскопках на Жаботинском поселении в 1957 г. наряду с керамикой были найдены фрагмент костяного псаля, изготовленного по образцу трехпетельчатого с концом в виде изогнутой лопасти и обломок костяной пятикружковой лунницы (рис. 19, 3—4).

(Ильинская, 1973.— С. 15.— Рис. 7, 14, 17; Покровская, 1973.— С. 177.— Рис. 4, 6—7; Терножкин, 1976.— С. 71.— Рис. 37, 3—4).

15 (2). С. Залевки Смелянского р-на Черкасской обл. На городище Замковище второй ступени чернолесской культуры, расположенном на крутом правом берегу Тясмина, на одном из мысов, П. Н. Третьяковым в ходе раскопок в 1946 г. в одном из раскопов, на гл. 0,35—

0,40 м найден клад в глиняном сосуде, от которого сохранилась донная часть. В его состав входят:

1. Кавказская бронзовая клепаная миска, имеющая вид плоскодонной глубокой чаши с выпуклыми плечиками и прямым венчиком (рис. 19, 6).

2. Бронзовые двукольчатые удила «кобанского типа» (рис. 19, 7).

3. Предмет в виде бронзового колокольчика «кобанского типа» с ушком (рис. 19, 5).

4. Шесть пронизей из листовой бронзы (рис. 19, 13).

5. Две пронизи биконической формы «кобанского типа», скрученные из бронзовой проволоки (рис. 19, 9).

6. Три треугольные подвески из листовой бронзы, украшенные рядами вертикального пуансона и выпуклинами (рис. 19, 10—12).

7. Бронзовый литой браслет с закругленными концами, украшенный по ободку выпуклинами (рис. 19, 1, 4).

8. Небольшой слиток бронзы (рис. 19, 16).

9. Стекланная пронизь с рядами бугорков (рис. 19, 8). Дата: VIII—VII вв. до н. э.

16 (3). С. Мельники Чигиринского р-на Черкасской обл. Мотронинское городище скифского времени. В нижних слоях раскопа V и при исследовании Центрального зольника найдены бронзовый наконечник стрелы Новочеркасского типа и костяная распределительная бляха от конской узды, украшенная циркульным орнаментом (рис. 19, 5).

(Бессонова, Скорый, 1993).

17 (4). С. Суботов Чигиринского р-на Киевской обл. В ходе раскопок на городище чернолесской культуры в 1951, 1955, 1971 гг. постоянно встречались украшения, которые следует по типам признать киммерийскими: восьмерковидные штампованные из листовой бронзы бляшки,

пронизи, свернутые из отрезков тонкой листовой бронзы и пронизи из бронзовой проволоки, скрученной в три оборота.

(Тереножкин, 1961.— С. 159.— Рис. 105, 106; 1976.— С. 85, 94.— Рис. 57.— С. 87.— Рис. 52.— С. 82, 83).

*Случайные находки
киммерийских вещей
и изделий*

кавказского производства.

18 (1). С. Бровахи Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл. Звено двукольчатых бронзовых удили кобанского типа с рельефными насечками-«квадратиками» на грызлах. На конце удила прямоугольный выступ. Найдено у села. Хранятся в НМИ Украины (рис. 20, 5).

(Ковпаненко, 1981.— С. 19.— Рис. 15, 3).

19 (2). С. Зеленки Мироновского р-на Киевской обл. Звено бронзовых двукольчатых удили кобанского типа с гладкой поверхностью. Найдено у села в 1895 г. Хранится в коллекции Н. Е. Бранденбурга в Эрмитаже (рис. 20, 6).

(Ковпаненко, 1981.— С. 24, 25.— С. 22.— Рис. 18, 9).

20 (3). С. Жаботин Каменского р-на Черкасской обл. В 1950 г. житель села А. И. Кирьяненко, занимавшийся кладоискательством, передал А. И. Тереножкину бронзовые литые удила кобанского типа, обнаруженные им при рытье погребов на территории усадьбы Любомирских. По мнению А. И. Тереножкина, они, вероятно, найдены в одном из курганов в окрестностях Жаботина. В работах, где упоминается эта находка, иногда ошибочно указывается, что она происходит с жаботинского поселения на Тарасовой Горе (Вязьмитина, 1952).

На грызлах удила рельефные «квадратики». Дополнительные звенья обычного типа (рис. 20, 2).

(Вязьмитина, 1952.— С. 59.— Рис. 1; По-

кровская, 1973.— С. 176.— Рис. 4, 3; Тереножкин, 1976.— С. 73).

21 (4). Г. Канев Черкасской обл. В окрестностях Канева найдены три бронзовых трехпетельчатых псаля с лопастевидным кольцом. Хранятся в НМИ Украины (рис. 20, 8).

(Ковпаненко, 1981.— С. 27, 28.— Рис. 21, 1—3).

22 (5). Бывший Каневский уезд Киевской губернии. Конкретное место находки не известно. Бронзовые литые двукольчатые удила кобанского типа. Грызла гладкие. Бывшая коллекция Б. Н. Ханенко (рис. 20, 3).

(Ханенко, 1900.— Табл. XIV, № 277; Тереножкин, 1976.— С. 73; Ковпаненко, 1981.— С. 31, 29.— Рис. 22, 1).

23 (6). Г. Киев. Ниже города по течению, на правом берегу Днепра, в начале столетия найдены бронзовые топоры кобанского типа (количество не ясно). Поступили в собрание П. С. Уваровой.

(Городцов, 1910.— С. 341; Тереножкин, 1976.— С. 74).

24 (7). Киевская губерния. Бронзовые двукольчатые удила с дополнительными звеньями в виде рамок. Конкретное место находки не известно. Ранее хранились в НМИ Украины.

(Иессен, 1953.— Рис. 9, 3; Членова, 1984.— С. 40.— Рис. 17, XIX).

25 (8). Кировоград. В областном краеведческом музее хранятся бронзовые удила, отлитые вместе с псалями (типа «Константиновка-Ендже»). Конкретные условия находки не известны (рис. 21, 2).

(Титенко (Ковпаненко), 1954.— С. 79.— Рис. 5).

26 (9). Г. Корсунь-Шевченковский Черкасской обл. Бронзовый наконечник стрелы Новочеркасского типа находится в собрании музея Корсунь-Шевченков-

ской битвы. Место находки не известно. Не опубликован.

27 (10). С. Мошны Черкасского р-на Черкасской обл. Из раскопок В. В. Хвойки у села, в Археологическую комиссию в 1894 г. поступила группа вещей: бронзовые литые удила кобанского типа с дополнительными звеньями для повода (грызла гладкие), 2 цельнобронзовых жертвенных ножа и 3 скифских бронзовых трехлопастных наконечника. В. А. Ильинская полагала, что все вещи происходят из одного кургана, в чем сомневался А. И. Тереножкин (рис. 20, 4).

(ОАК, 1896.— С. 36; Ильинская, 1975.— С. 34; Тереножкин, 1976.— С. 78).

28 (11). С. Оситняжка Новомиргородского р-на Кировоградской обл. Круглая бронзовая бляха от уздечного набора с петлей на оборотной стороне и четырьмя рельефными бегущими спиралями, образующими фигуру равноконечного креста. Хранится в НМИ Украины. В музей поступила от Терещенко (рис. 22, 4).

(Тереножкин, 1976.— С. 80.— С. 73.— Рис. 39, 4.— Рис. 42, 3).

29 (12). С. Пастырское Смелянского р-на Киевской обл. Бронзовая литая лунница от конской упряжи, о которой сообщается, что она происходит из района уроч. Галущино, с территории известного городища скифского и раннеславянского времени. Украшена двумя рельефными спиралями, пятью концентрическими кружками и снабжена петлей на оборотной стороне (рис. 21, 5).

(Ханенко, 1899.— С. 21.— Табл. XI, №283; Тереножкин, 1976.— С. 80).

30 (13). С. Пищальники Каневского р-на Черкасской обл. Бронзовый литой псаль в виде толстой узкой изогнутой пластины со шляпкой на одной стороне, тремя петлями и язычковым выступом (копытцем? — С. С.) на противоположной.

Поступил от Археологической комиссии в 1902 г. Хранится в НМИ Украины.

(Тереножкин, 1976.— С. 80.— С. 75.— Рис. 41, 7) (рис. 20, 9).

31 (14). С. Подгорцы Обуховского р-на Киевской обл. Гравированный пояс закавказского происхождения, найденный при случайных обстоятельствах (рис. 22, 6).

(Тереножкин, 1976.— С. 80).

32 (15). Среднее Поднепровье. Половина бронзовой литой лунницы от конского убора, украшенной спиралями и концентрическими кружками. Конкретное место находки не известно. Хранится в НМИ Украины (беспаспортная находка) (рис. 21, 4).

(Тереножкин, 1976.— С. 80).

33 (16). Среднее Поднепровье. Семь бронзовых литых блях. Из них четыре одинаковые по форме, но различные по размеру. Имеют вид полуовала, поставленного срезом на узкий прямоугольник. В центральной части вертикальная стрелка с округлым основанием, по бокам желобчатые спирали. На оборотной стороне дуговидная петля. Три бляхи — круглые, слегка выпуклые, с петлей на оборотной стороне. Хранятся в НМИ Украины (коллекция женских курсов) (рис. 22, 1, 2).

(Тереножкин, 1976.— С. 81, 82, 76.— Рис. 42, 7—9).

34 (17). Среднее Поднепровье. Бронзовая литая лунница с дужкой на оборотной стороне. Украшена пятью гладкими кружками. Конкретное место находки не известно (рис. 21, 3).

(Тереножкин, 1961.— С. 153.— С. 168.— Рис. 11, 2; 1976.— С. 81.— С. 76.— Рис. 42, 6).

35 (18). Среднее Поднепровье. Бронзовая литая маленькая лунница с тремя слабо выпуклыми кружками. Конкретное место находки не известно. Поступила в Киевский музей от Котина.

(Тереножкин, 1961.— С. 153, 168.— Рис. 11, 1; 1976.— С. 81).

36 (19). С. Теремцы Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. Во время полевых работ на поле, на левом берегу Днестра, в двух км к юго-востоку от села найдены бронзовые удила, отлитые вместе с псалиями (типа «Константиновка-Ендже»). Хранятся в Каменец-Подольском историко-краеведческом музее (21, 1).

(Горішній, 1978.— С. 55—57.— Рис. 1—2).

37 (20). С. Хмельная Каневского р-на Черкасской обл. Бронзовая литая булава с большой плоской ажурной головкой, украшенной спиралями, псевдозернью и выпуклинами. Кавказское производство (рис. 22, 5).

(Ханенко, 1907.— С. 9, 15; Тереножкин, 1976.— С. 86, 97.— Рис. 60, 1).

38 (21). Бывший Черкасский уезд Киевской губернии. Три бронзовые литые бляшки от конского убора из собрания Ханенко в виде четырехлепестковой розетки. Наиболее крупная из них украшена в центре гладким квадратом с кругом, по бокам — узкими прямоугольниками. Вторая — с вписанной в нее ромбовидной рамкой с вогнутыми боками и кружком в центре. У третьей в центре квадрат с четырьмя дырочками по углам (рис. 21, 6—8).

(Ханенко, 1899.— С. 22.— Табл. XI, № 288—290; Тереножкин, 1976.— С. 86, 87, 97.— Рис. 60, 2—4).

39 (22). С. Яблоновка Каневского р-на Черкасской обл. У села найдены бронзовые литые двукольчатые удила кобанского типа с дополнительными звеньями для повода и бронзовые петельчатые псалии с концом в виде лопасти. Грызла удили — гладкие. Хранятся в НМИ Украины (рис. 20, 7).

(Ковпаненко, 1981.— С. 57.— С. 54.— Рис. 43, 13—14).

ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

Киммерийские погребения

40 (1). С. Бутенки Кобелякского р-на Полтавской обл. Погребение обнаружено случайно в июле 1959 г. при сооружении ледника Бутенковского сельпо. Располагалось на возвышенном плато с продолговатыми всхолмлениями естественного происхождения, в 0,4 км к северу от западной окраины села, по левую сторону от шоссе Кобеляки-Решетиловка. При рытье земли, на глубине 0,4 м найден полуистлевший столб высотой 0,6—0,7 и диаметром до 0,15 м. Непосредственно под ним лежали кучкой 6 бронзовых удил, 12 псалиев, 2 больших кольца, 8 круглых бронзовых блях, около 30 бронзовых наконечников стрел, 2 бронзовых плоских кольца, 2 железных наконечника копий.

Большая часть находок находится в Полтавском областном краеведческом музее (4 бронзовых удил, 9 псалиев, 2 больших кольца, 2 плоских браслетовидных кольца, 2 железных наконечника копий, 2 бронзовых наконечника стрел).

1. Бронзовые литые двукольчатые удила. Стержни круглые в сечении, с двойным рядом насечек-"квадратиков" на одной из сторон. У одной пары, помимо насечек, имеются острые шипы. К наружным кольцам удила присоединяются отлитые вместе с ними дополнительные звенья в виде колец со стержнем, снабженные двойной шляпкой (рис. 23, 13, 14, 21, 22).

2. Бронзовые трехпетельчатые литые псалии с верхним концом в виде шляпки и нижним в виде лопасти (рис. 23, 15—20, 25—27).

3. Бронзовые литые большие кольца с подвижной муфтой, имеющей стержень, на котором находится круглый плоский

щиток. Деталь колесничного набора (рис. 23, 1, 5).

4. Бронзовые литые круглые бляхи с петлей на оборотной стороне (6 из них — гладкие, 2 — прорезные) (рис. 23, 2—4, 6—8).

5. Два бронзовых двулопастных наконечника стрел с длинной втулкой и небольшим пером ромбической формы (Новочеркасского типа) (рис. 23, 9, 10).

6. Бронзовые кольцевидные плоские кольца, по наружной стороне которых, в средней части — ребро. На нем выступ в виде шляпки гвоздя. Деталь колесничного убора (рис. 23, 23—24).

7. Железные наконечники копий с длинной втулкой и лавролистным пером, слегка расширяющимся книзу. По сторонам основания два небольших отверстия. Средняя грань у верхнего конца пера выступает в виде высокого ребра (рис. 23, 11—12).

Дата: VIII — первая половина VII вв. до н. э. (по Г. Т. Ковпаненко), начало — первая половина VII в. до н. э. (по А. И. Мелюковой), конец VIII в. до н. э. (по С. А. Скорому).

Ковпаненко, 1962.— С. 66—71; 1967.— С. 44, 45.— Рис. 18.— С. 41—46; Тереножкин, 1976.— С. 69, 70.— С. 72.— Рис. 38; Граков, 1977.— С. 167.— Рис. 114; Мелюкова, 1988.— С. 11).

41 (2). С. Шевченковка Решетиловского р-на Полтавской обл. Разрушенное впускное погребение. Тип и размеры могилы, иные детали обряда не ясны. Набор принадлежностей конской упряжи обнаружен местными жителями.

1. Двое бронзовых литых двукольчатых удил с насечками-"квадратиками" на грызлах (рис. 8, 20, 21).

2. Бронзовая литая круглая выпуклая бляха с мальтийским крестом в центре. В медальоне последнего — солярный знак;

на обратной стороне — петля для крепления (рис. 8, 22).

3. Бронзовое литое кольцо, внешняя поверхность и боковые грани со следами дополнительной обработки (рис. 8, 21).

Дата: вторая половина VIII — начало VII вв. до н. э. (по С. И. Берестневу), VIII — первая половина VII вв. до н. э. (по Ю. В. Буйнову, Л. П. Грубник-Буйновой, В. А. Ромашко), конец VIII — начало VII вв. до н. э. (по С. А. Скорому).

(Берестнев, 1985.— С. 99.— Рис. 1, 11—13.— С. 103; Буйнов, Грубник-Буйнова, 1985.— С. 117; Ромашко, 1990.— С. 13).

Находки киммерийских вещей на поселениях.

42 (1). С. Басовка Роменского р-на Сумской обл. На Басовском городище скифского времени случайно обнаружены бронзовые литые удила с двукольчатыми концами, снабженными дополнительными звеньями для повода в виде цилиндров, и бронзовый длинновульчатый наконечник стрелы с ромбической головкой Новочеркасского типа (рис. 24, 6—7).

(Шрамко, 1972.— С. 155.— Рис. 1, 1; Тереножкин, 1976.— С. 69, 71.— Рис. 37, 9, 10).

43 (2). С. Бельск Котелевского р-на Полтавской обл. На известном городище скифского времени найдено несколько предметов вооружения предскифского периода.

1. Железный меч киммерийского времени (типа «Белоградец—Высокая Могила») (рис. 29, 1).

2. Бронзовые длинновульчатые наконечники стрел Новочеркасского типа с трапецевидной и ромбической головкой (2 экз.) (рис. 24, 2).

(Шрамко, 1972.— С. 155.— Рис. 1, 13; 1975.— С. 117.— Рис. 10, 1; 1987.— С. 119.— Рис. 56, 1—2).

44 (3). С. Люботин Харьковского р-на Харьковской обл. На Люботинском городище скифского времени при раскопках Б. А. Шрамко в 1961—1962 гг. найдены предскифские бронзовые наконечники стрел.

1. Длинновульчатый с малой трапецевидной головкой Новочеркасского типа (рис. 24, 3).

2. Два наконечника лавролистной формы со слабо выступающей втулкой (рис. 24, 4, 5).

(Шрамко, 1972.— С. 155.— Рис. 1, 4—6; Тереножкин, 1976.— С. 78).

Случайные находки киммерийских вещей и изделий кавказского производства.

45 (4). С. Васищево Харьковского р-на Харьковской обл. Обломок клинковой части бронзового топора кобанского типа (рис. 24, 12).

(Шрамко, 1962.— С. 125; Буйнов, Грубник-Буйнова, 1985.— С. 109.— Рис. 1, 9; Тереножкин, 1976.— С. 70).

46 (5). С. Бишкин Лебединского р-на Сумской обл. Бронзовый цилиндрический молоток с овальным проухом обнаружен вместе с кинжалом кобанского типа (рис. 24, 14).

(Буйнов, Грубник-Буйнова, 1985.— С. 109.— Рис. 1, 12.— С. 110).

47 (6). Хут. Кнышовка близ г. Купянска Харьковской обл. Случайная находка бронзового топора кобанского типа.

(Шрамко, 1962.— С. 125; Тереножкин, 1976.— С. 74).

48 (7). С. Коломак Люботинского р-на Харьковской обл. Случайные находки бронзового цилиндрического молотка и бляхи — наносника (рис. 24, 9, 13).

(Буйнов, Грубник-Буйнова, 1985.— С. 109.— Рис. 1, 5, 11).

49 (5). Красноград. Случайная находка топора кобанского типа (рис. 24, 10).

(Буйнов, Грубник-Буйнова, 1985.— С. 109.— Рис. 1, 8).

50 (6). С. Лихачовка Опошнянского р-на Полтавской обл. В 1887—1989 гг. И. А. Зарецкий на разветренных дюнах обнаружил вещи, в числе которых — фрагментированная половина двукольчатых удил (рис. 24, 8).

(Ковпаненко, 1966.— С. 47.— Рис. 19, 6; Тереножкин, 1976.— С. 78).

51 (7). Г. Лубны Полтавской обл. Между с. Клепачи и хут. Александровский, в окрестностях Лубен, найден бронзовый топор колхидского типа (рис. 24, 11).

(Труды, 1890.— Табл. LXXXII; Тереножкин, 1976.— С. 78; Буйнов, Грубник-Буйнова, 1985.— С. 109.— Рис. 1, 10).

52 (8). Г. Харьков. Близ Куражского монастыря под Харьковом найден бронзовый топор кобанского типа.

(Тереножкин, 1976.— С. 86).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

- Алексеев А. Ю. Скифская хроника. — СПб., 1992. — 206 с.
- Алексеев А. Ю., Качалова Н. К. О киммерийцах в Северном Причерноморье // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. пам. проф. Б. Н. Гракова. — Запорожье, 1989. — С. 6—8.
- Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. — СПб., 1993. — 121 с.
- Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // ПСА. — М., 1971. — С. 170—177.
- Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. — Нальчик: Эльбрус, 1985. — С. 7—115.
- Белинский А. Б. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. — 1990. — № 4. — С. 190—195.
- Белозор В. П. Скифские каменные изваяния VII—IV вв. до н. э. — Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Киев, 1986. — 17 с.
- Белозор В. П. Оленные камни в свете проблемы предскифского периода Северного Причерноморья // Пробл. археологии Степной Евразии. — Кемерово, 1987. — Ч. 2. — С. 6—8.
- Беляев А. С. Поздний период эпохи бронзы пограничья Степи и Лесостепи в Днепровском Левобережье. — Автореф. дис... канд. ист. наук. — Киев, 1980. — 18 с.
- Беляев О. С. Поховання зрубної культури і раннього залізного віку Йосипівського могильника // Археологія. — 1981. — Вип. 36. — С. 67—70.
- Березанская С. С. Северная Украина в эпоху бронзы. — Киев: Наук. думка, 1982. — 210 с.
- Березанская С. С. Об этнической принадлежности племен чернолесской культуры // Тез. докл. сов. делегации на V международном конгрессе славян. археологии. — М.: Наука, 1985. — С. 14, 15.
- Березанская С. С. Об этнической принадлежности чернолесской культуры // Тр. междунар. конф. археологов-славистов. — Киев: Наук. думка, 1988. — Т. 4. — С. 12—18.
- Березанська С. С., Іллінська В. А. Мар'янівсько-бондарихинська культура // Археологія Української РСР. — Київ: Наук. думка, 1971. — Т. 1. — С. 363—373.
- Березанская С. С., Ильинская В. А. Бондарихинская культура // Археология Украинской ССР. — Киев: Наук. думка, 1981. — Т. 1. — С. 112—119.
- Берестнев С. И. О погребениях предскифского периода в Левобережной Лесостепи Украины // Пробл. археологии Поднепровья. — Днепрпетровск, 1985. — С. 98—107.
- Бессонова С. С., Скорый С. А. Исследование Мотронинского городища в 1992 г. // АДУ. — 1992. — Киев, 1993. — С. 12—14.
- Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. Работы в Запорожской области в 1971 г. // АО. — 1971. — М.: Наука, 1972. — С. 317, 318.
- Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. О культурной общности киммерийских комплексов Высокой Могилы и кургана Аржан // Тез. докл. на сессии, посвящ. итогам полевых исследований 1972 г. в СССР. — Ташкент, 1973. — С. 244, 245.
- Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. Киммерийские погребения Высокой Могилы // СА. — 1974. — № 1. — С. 148—159.
- Блажевич Н. В. Дніпровські броди XI—XIII ст. // Пробл. історії та археології давнього населення Української РСР: Тези допов. XX республік. конф. — К., 1989. — С. 22, 23.
- Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. — СПб., 1887. — Т. 1. — 170 с.
- Бобринский А. А. Курганы и случайные архео-

логические находки близ местечка Смелы.— СПб., 1901.— Т. 3.— 174 с.

Бобринский А. А. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1901 г. // ИАК.— 1902.— Вып. 4.— С. 24—50.

Бобринский А. А. Исследования в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1907 г. // ИАК.— 1910.— Вып. 35.— С. 48—60.

Бородулин В. Г. Исследования в зоне сооружения Краснопавловского водохранилища // АО.— 1974.— М.: Наука, 1975.— С. 261, 262.

Бруйко И. В. Геометрический орнамент на керамике из киммерийских погребений степной зоны Северо-Западного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф. пам. проф. Б. Н. Гракова.— Запорожье, 1989.— С. 21, 22.

Буйнов Ю. В. О погребальном обряде племен бондарихинской культуры // СА.— 1977.— № 4.— С. 208—216.

Буйнов Ю. В. Бондарихинская культура.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— Киев, 1981.— 20 с.

Буйнов Ю. В., Грубник-Буйнова Л. П. Бронзовые изделия предскифского периода из Днепровского Левобережья // Пробл. археологии Поднепровья.— Днепропетровск, 1985.— С. 107—117.

Вальчак С. Б. О некоторых цельнолитых уздечных комплексах предскифского времени на юге Восточной Европы // Граковские чтения на каф. археол. МГУ 1989—1990.— М.: Изд-во МГУ, 1993.— С. 23—29.

Виноградов В. Б. Кинжалы с «крестовидной рукоятью» на Северном Кавказе // Тез. докл. и сообщ. III Крупновских чтений.— Грозный, 1973.— С. 9—11.

Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ.— Киев: Наук. думка, 1980.— С. 184—199.

Вязьмитина М. И. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин Кировоградской области // КСИА АН УССР.— 1952.— Вып. 1.— С. 59—66.

Гаврилюк Н. А. Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1979.— С. 20—40.

Галанина Л. К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АС-ГЭ.— 1983.— № 24.— С. 32—55.

Горішній П. А. Бронзові вудила з с. Теремці // Археологія.— 1978.— Вип. 27.— С. 55—57.

Городцов В. А. Бытовая археология.— М., 1910.— 444 с.

Гошко Т. Ю., Отрощенко В. В. Погребения

киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях // СА.— 1986.— № 1.— С. 168—183.

Граков Б. Н. Ранний железный век.— М.: Изд-во МГУ, 1977.— 232.

Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии.— М.: Наука, 1970.— 395 с.

Грязнов М. П. Аржан: царский курган раннескифского времени.— Л.: Наука, 1980.— 61 с.

Дворниченко В. В. Некоторые вопросы развития культуры предскифского периода // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Науч. тр.— Куйбышев, 1978.— Т. 221.— С. 96, 97.

Дворниченко В. В. К вопросу о происхождении стрел «новочеркасского» типа (по материалам коллекции П. Д. Дубягина из Волго-Уральской пустыни) // Пробл. скифо-сарматской археологии.— М.: Наука, 1990.— С. 48, 59.

Дубовская О. Р. К вопросу о роли позднесрубного этнокультурного компонента в сложении памятников раннего железного века Северного Причерноморья // Пробл. эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тез. докл. конф.— Донецк, 1979.— С. 100—102.

Дубовская О. Р. О погребениях группы Новочеркасского клада // Пробл. охраны и использования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. науч.-практ. семинара.— Донецк, 1986.— С. 37—39.

Дубовская О. Р. О территориальном соотношении всаднических погребений группы Черногоровка и Новочеркасского клада // Актуальные пробл. историко-археол. иссл.: Тез. докл.— Киев, 1987.— С. 50, 51.

Дубовская О. Р. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА.— 1989.— № 1.— С. 63—69.

Дударев С. Л. К вопросу о колхидо-кобанском импорте в Восточной Европе // Пробл. эпохи бронзы Юга Восточной Европы: Тез. докл. конф.— Донецк, 1979.— С. 95—97.

Дударев С. Л. Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терек (IX—VII вв. до н. э.).— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— Киев, 1983.— 24 с.

Дударев С. Л. Памятники Прикубанья киммерийского времени и проблема периодизации-хронологии древностей предскифского периода Северного Кавказа // I Кубанская археол. конф.: Тез. докл.— Краснодар, 1989.— С. 4, 5.

Дударев С. Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром.— Грозный, 1991.— 154 с.

Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ.— 1951.— № 2—4.

Дяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956.— 485 с.

Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга (1889—1902 гг.).— СПб., 1908.— 220 с.

Загоруйко В. Т., Лотоцька Т. Т. Курган кімерійського часу біля с. Бандишівка на Україні: Тез. доп. та повід. на науково-практ. семінарі.— Вінниця, 1990.— С. 37, 38.

Заец И. И. Курганный комплекс раннескифского времени у с. Тютки Винницкой области // СА.— 1979.— № 1.— С. 256—260.

Золото степу. Археологія України.— Шлезвиг, 1991.— 437 с.

Иванчик А. И. Киммерийцы в Передней Азии.— Автореф. дисс. канд. ист. наук.— М., 1989.— 17 с.

Иванчик А. И. Киммерийцы и Урарту накануне восьмого похода Саргона II // ВДИ.— 1990.— № 3.— С. 3—19.

Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Юге Европейской части СССР // СА.— 1953.— Т. 18.— С. 49—110.

Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // ВССА.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— С. 112—131.

Иевлев М. М., Махортых С. В. О путях и времени формирования раннекочевнических образований на Юге Европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э.— V в. н. э.): Материалы междунар. конф.— Кишинев, 1990.— Киев, 1991.— С. 156, 157.

Іллінська В. А. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія.— 1973.— № 12.— С. 12—36.

Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья).— Киев: Наук. думка, 1968.— 267 с.

Ильинская В. А. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна р. Тясмин // СА.— 1973.— № 3.— С. 3—23.

Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин.— Киев: Наук. думка, 1975.— 222 с.

Іллінська В. А., Тереножкін О. І. Скифський період // Археологія Української РСР.— К.: Наук. думка, 1971.— Т. 2.— С. 8—180.

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э.— Киев: Наук. думка, 1983.— 378 с.

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Памятники Лесостепи // Археологія Української РСР.— Киев: Наук. думка, 1986.— Т. 2.— С. 90—128.

Исмагилов Р. Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема про-

исхождения скифской культуры // АСГЭ.— 1988.— № 29.— С. 29—47.

Кеменцеи Т. Предскифская эпоха в Восточной Венгрии // Археологія Венгрии (конец II тысячелетия до н. э.— I тысячелетие н. э.).— М.: Наука, 1986.— С. 139—153.

Клочко В. И. Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII—VII вв. до н. э. // Памятники древних культур Северного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1979.— С. 40—46.

Клочко В. И., Махортых С. В. О культурно-хронологической интерпретации памятников типа Новочеркасского клада (по материалам Северного Кавказа) // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. пам. А. И. Тереножкина.— Кировоград, 1987.— Ч. 1.— С. 71—73.

Клочко В. И., Мурзин В. Ю. О датировке черноморских и новочеркасских памятников // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. пам. А. И. Тереножкина.— Кировоград, 1987.— Ч. 1.— С. 73—75.

Клочко В. И., Мурзин В. Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1987.— С. 12—19.

Клочко В. И., Мурзин В. Ю. О двух этапах продвижения протоскифов в степные районы Восточной Европы // Истор. чтения пам. М. П. Грязнова: Тез. докл. конф.— Омск, 1987.— С. 170, 171.

Клочко В. И., Мурзин В. Ю. О хронологии древностей черноморско-новочеркасского типа // Пробл. археологии Поднепровья.— Днепропетровск, 1989.— С. 61—71.

Клочко В. И., Скорый С. А. Новые данные о погребальном обряде чернолесской культуры // Пробл. археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей): Тез. докл. юбилейной конф.— Херсон, 1990.— Ч. 2.— С. 3, 4.

Клочко В. И., Скорый С. А. К исследованию позднечернолесского погребального обряда // РА.— 1993.— № 4.— С. 54—64.

Клочко В. И., Скорый С. А. Курган № 15 біля Стеблева у Поросці // Археологія.— 1993.— № 4.— С. 54—64.

Ковпаненко Г. Т. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы // КСИА АН УССР.— 1962.— Вып. 12.— С. 66—72.

Ковпаненко Г. Т. Носачівський курган VIII—VII вв. до н. е. // Археологія.— 1966.— Т. 20.— С. 174—179.

- Ковпаненко Г. Т. Племена скифского часу на Ворсклі.— К.: Наук. думка, 1967.— 187 с.
- Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось.— Киев: Наук. думка, 1981.— 159 с.
- Ковпаненко Г. Т. «Червона Могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время.— М.: Наука, 1984.— С. 107—113.
- Ковпаненко Г. Т. Погребение предскифского времени у с. Ольшана Черкасской области // Всесоюз. археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тез. докл.— Баку, 1985.— С. 186, 187.
- Ковпаненко Г. Т. Работы на Днепровском Правобережье // АО.— 1984.— М.: Наука, 1986.— С. 248, 249.
- Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киев-Черкасский регион).— Киев: Наук. думка, 1989.— 333 с.
- Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов.— Киев: Наук. думка, 1995.— С. 41—63.
- Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д. Новое погребение предскифского времени // Археол. исслед. на Украине в 1978—1979 гг.: Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР.— Днепропетровск, 1980.— С. 75.
- Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов.— Киев: Наук. думка, 1984.— С. 39—58.
- Козенкова В. И. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа.— Махачкала, 1977.— С. 70—95.
- Козенкова В. И. Кобанская культура Кавказа // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР.— М.: Наука, 1989.— С. 252—267.
- Кореняко В. А. Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов) // СА.— 1985.— № 4.— С. 54—62.
- Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана.— М.: Наука, 1982.— 240 с.
- Крупнов Е. И. Жемталинский клад.— М., 1952 (Труды ГИМ. Вып. IV).— 35 с.
- Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа.— М.: Изд-во АН СССР, 1960.— 520 с.
- Крушельницкая Л. И. Северо-Восточное Прикарпатье в эпоху поздней бронзы и раннего железа (пробл. этнокульт. процессов).— Дисс. ... на соиск. уч. степени докт. ист. наук в форме научн. докл.— Киев, 1991.— 48 с.
- Кубышев А. И., Полин С. В., Черняков И. Т. Погребение раннежелезного века на Ингульце // СА.— 1985.— № 4.— С. 144—154.
- Кузнецова Т. М. Этюды по скифской истории.— М., 1991.— 150 с.
- Лапушнян В. Л. Киммерийский кинжал из с. Березки в Молдавии // Скифы и сарматы.— Киев: Наук. думка, 1977.— С. 37—39.
- Лесков А. М. Заключительный этап бронзового века на Украине.— Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.— М., 1975.— 72 с.
- Лесков А. М. Курганы: находки, проблемы.— Л.: Наука, 1981.— 168 с.
- Лесков А. М. О хронологическом соотношении памятников начала железного века на Юге Европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время.— М.: Наука, 1984.— С. 147—152.
- Либеров П. Д. Хронология памятников Поднепровья скифского времени // ВССА.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— С. 132—167.
- Магура С. Дві мідні посудини з Черкащини // Хроніка археології та мистецтва.— К., 1930.— Т. 1.— С. 53—55.
- Марина З. П., Ковалева И. Ф., Ромашко В. А. Курганы эпохи бронзы у с. Колпаковка-Бузовка // Древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.).— Днепропетровск, 1982.— С. 4—18.
- Марсадолов Л. С. Хронология курганов Алтая VIII—IV вв. до н. э.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— Л., 1985.— 16 с.
- Махортых С. В. О культурно-хронологической интерпретации памятников типа Новочеркасского клада // Истор. чтения памяти М. П. Грязнова: Тез. докл. конф.— Омск, 1987.— С. 169—171.
- Махортых С. В. Скифы на Северном Кавказе.— Киев: Наук. думка, 1991.— 132 с.
- Махортых С. В. Кімерійці на Північному Кавказі // Золото Степу. Археологія України.— Шлезвіг, 1991а.— С. 72—74.
- Махортых С. В. О северокавказских бронзах X—VIII вв. до н. э. на Левобережье Украины // История и археология Слободской Украины: Тез. докл.— Харьков, 1992.— С. 153—155.
- Махортых С. В. Пам'ятки типу Новочеркаського скарбу (за матеріалами Північного Кавказу) // Археологія.— 1992а.— № 1.— С. 23—31.
- Махортых С. В. Киммерийцы и Древний Восток // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. междунар. конф. посвящ. памяти А. И. Тереножкина.— Мелитополь, 1992б.— С. 56, 57.

Махортых С. В. Проблемы киммерийской истории и Кавминводы // Археология и краеведение Кавминвод: Материалы 1-ой регион. конф.— Кисловодск.— 1992в.— С. 28—32.

Махортых С. В. Ранние кочевники Северного Причерноморья и окружающая среда // Оточуюче середовище і стародавнє населення України (матеріали до теми).— Преприн.— К., 1993.— С. 42—51.

Махортых С. В., Иевлев М. М. О путях и времени формирования раннекочевнических образований на Юге Европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древности Северного Кавказа и Причерноморья.— М.: Наука, 1991.— С. 18—30.

Медведская И. Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА.— 1992.— № 3.— С. 86—107.

Мелентьев А. Н. Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени // КСИА АН СССР.— 1967.— Вып. 112.— С. 38—44.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— М.: Наука, 1964.— 90 с. (САИ.— Д1-4).

Мелюкова А. И. Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н. э. Материалы IV Всесоюз. симпоз. по древней истории Причерноморья.— Цхалтубо-Вани, 1985.— Тбилиси, 1988.— С. 8—27.

Мелюкова А. И. Предскифский (киммерийский) период в степи и лесостепи Восточной Европы // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР.— М.: Наука, 1989.— С. 10—32.

Моруженко А. А. История населения лесостепного междуречья Днепра и Дона в скифское время.— Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.— Киев, 1989.— 34 с.

Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1984.— 132 с.

Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса.— Киев: Наук. думка, 1990.— 87 с.

Никитенко Н. И. Процесс перехода от бронзового века к железному в степях Восточной Европы // История и археология Слободской Украины. Тез. докл.— Харьков, 1992.— С. 162, 163.

ОАК за 1894 г.— СПб., 1896.— 171 с.

Ойстрах Т. И. «Предскифские» погребения Суворовского могильника // История и археология Нижнего Подунавья: Чтения пам. проф. А. И. Доватура: Тез. докл. науч.-практ. семинара.— Рени, 1989.— С. 41, 42.

Отрощенко В. В. Особенности погребений Черноговской группы // Пробл. скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. пам. проф. Б. Н. Гракова.— Запорожье, 1989.— С. 111.

Отрощенко В. В., Моця А. П. Обряд кремації у стародавнього населення території України (V тис. до н. е. — I тис. н. е.) // Археологія.— 1989.— №2.— С. 20—31.

Патрушев В. С. Марийский край в VII—VI вв. до н. э. // Йошкар-Ола, 1984.— 227 с.

Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские ананьинцы.— М.: Наука.— 1982.— 280 с.

Петренко В. Г. К вопросу о хронологии ранне-скифских курганов Центрального Предкавказья // Пробл. скифо-сарматской археологии.— М.: Наука, 1990.— С. 60—81.

Петровська Є. О. Курган VI ст. до н. е. біля с. Ма-ла Офірна на Київщині // Археологія.— 1968.— Т. XXI.— С. 164—174.

Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время.— М.: Наука, 1984.— 246 с.

Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и древний Восток (история становления скифской культуры).— М.: Наука, 1992.— 263 с.

Покровська Є. Ф. Кургани передкіфського часу в басейні р. Тясмин // Археологія.— 1953.— Т. VIII.— С. 128—137.

Покровская Е. Ф. Население лесостепного Правобережного Поднепровья в VII—V вв. до н. э. // Тез. докл. и сообщ. на конф. по вопр. скифо-сарматской археологии.— М., 1967.— С. 90—93.

Покровская Е. Ф. Предскифское поселение у с. Жаботин // СА.— 1973.— № 4.— С. 169—188.

Полін С. В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія.— 1987.— № 59.— С. 17—33.

Полін С. В. Вопросы хронологии Черноговских и Новочеркасских древностей // Тез. докл. международ. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвящ. 95-летию со дня рожд. проф. Б. Н. Гракова.— Запорожье, 1994.— II.— С. 156—158.

Попов Р. Могилниці гробове при с. Ендже // Изв. на Българ. археол. ин-т.— Т. 6, 1930—1931.— София, 1932.— С. 97—102.

Ромашко В. А. Поселение финальной бронзы — раннего железного века у с. Бузовка Днепропетровской обл. // Древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). — Днепропетровск, 1982.— С. 54—59.

Ромашко В. А. Некоторые особенности погребального обряда чернолесской культуры Левобе-

режья Днепра // Пробл. археол. Поднепровья III— I тыс. до н. э.— Днепропетровск, 1984.— С. 106—114.

Ромашко В. А. Киммерийские погребения Лесостепи Левобережной Украины // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. пам. А. И. Тереножкина.— Кировоград, 1987.— Ч. 2.— С. 62, 63.

Ромашко В. А. Предскифский период в пограничье Лесостепи и Степи Днепровского Левобережья (XII — начало VII вв. до н. э.).— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— Киев, 1990.— 18 с.

Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия.— М.: Наука, 1979.— 246 с.

Самоковасов Д. Я. Могилы Русской Земли.— М., 1908.— 271 с.

Сергацков И. В. Погребение предскифского времени на Иловле // СА.— 1991.— № 2.— С. 240—243.

Симоненко А. В. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья.— Киев: Наук. думка, 1981.— С. 52—69.

Скорий С. А. До питання про «культурну належність» старожитностей типу Новочеркаського скарбу 1939 р. // Археологія.— 1991.— № 3.— С. 14—25.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА.— 1961.— № 101.— 160 с.

Смирнова Г. И. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре (по материалам поселения Днестровка-Лука) // АСГЭ.— 1984.— № 25.— С. 43—60.

Смирнова Г. И. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II — первой половине I тысячелетий до н. э.— Дис. ... на соиск. уч. степени докт. ист. наук в форме научн. докл.— Киев, 1990.— 41 с.

Смолин В. Ф. О передвижении геродотовских скифов в Передней Азии.— Казань, 1915.

Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье.— Киев: Изд-во АН УССР.— 1961.— 245 с.

Тереножкин А. И. Погребения раннего скифского времени у с. Рыжановка // МИА.— 1965.— № 130.— С. 211—215.

Тереножкин А. И. Черногоровская и Новочеркасская ступени киммерийской культуры // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл.— К., 1975.— Ч. 2.— С. 3, 4.

Тереножкин А. И. Киммерийцы.— Киев: Наук. думка, 1976.— 222 с.

Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э.— М.: Наука, 1980.— 92 с.

Титенко Г. Т. Закавказские удила, найденные

на Полтавщине // КСИА АН УССР.— 1954.— Вып. 3.— С. 77—80.

Третьяков В. П. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину // АП.— 1949.— Т. I.— С. 223—236.

Тов А. А. Протомеотский могильник Чишко близ аула Таухайбль в Теучежском районе // Меоты — предки адыгов.— Майкоп, 1989.— С. 36—45.

Тончева Г. За ранното тракийско ювелирно майстерство // Изкуство.— 1974.— № 4.— С. 26—28.

Трубаев О. Н. Название рек Правобережной Украины.— М.: Наука, 1968.— 290 с.

Труды VIII АС.— М., 1890.— 496 с.

Тураев Б. А. История Древнего Востока.— Л.— М.— 1935.— Т. II.

Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII—VI вв. до н. э.— М.: Наука, 1977.— 262 с.

Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. Древности Поднепровья.— Киев, 1899.— Вып. 2.— 44 с.

Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. Древности Поднепровья.— Киев, 1900.— Вып. 3.— 21 с.

Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. Древности Поднепровья.— Киев, 1907.— Вып. 4.— 44 с.

Черненко Е. В. Скифские лучники.— Киев: Наук. думка, 1981.— 166 с.

Черников С. С. Загадка золотого кургана.— М.: Наука, 1965.— 188 с.

Черняков И. Т. Киммерийские курганы близ устья Дуная // Скифы и сарматы.— Киев: Наук. думка, 1976.— С. 29—36.

Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа).— Новосибирск: Наука, 1984.— 98 с.

Членова Н. Л. О распространении и дате двукольчатых удилищ в Евразии // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. междунар. конф. посвящ. памяти А. И. Тереножкина.— Мелитополь, 1992.— С. 102—103.

Шрамко Б. А. Древности Северского Донца.— Харьков: Изд-во ХГУ, 1962.— 404 с.

Шрамко Б. А. Походження племен раннього залізного віку на території Лісостепоного Лівобережжя України // Питання з історії народів СРСР.— 1972.— Вип. 14.— С. 153—163.

Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон // Скифский мир.— Киев: Наук. думка, 1975.— С. 94—132.

Шрамко Б. А. Киммерийский вклад в культуру скифской эпохи // Пробл. эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тез. докл. конф.— Донецк, 1979.— С. 12, 13.

Шрамко Б. А. Археология раннего железного века Восточной Европы. — Харьков, 1983. — 133 с.

Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — Киев: Наук. думка, 1987. — 182 с.

Щепинский А. А. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. — 1962. — Вып. 12. — С. 61—64.

Эрлих В. Р. Курган Уаххиту и проблема интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада // XVI Крупновские чтения по археол. Северного Кавказа: Тез. докл. — Ставрополь, 1990. — С. 59—61.

Эрлих В. Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. — М., 1991. — С. 31—47.

Эрлих В. Р. О времени появления и характере «восточных» элементов в культуре Северного Кавказа конца VIII — первой половины VII вв. до н. э. // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. докл. конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. — СПб., 1992. — С. 177—179.

Яковенко Е. В. Киммерийські поховання «Високої Могили» // Тези XV Наукової конференції ІА АН УРСР. — Одеса, 1972. — С. 174—176.

Barnett R. Assyrische Palastreliefs. — Praha, 1970. — S. 7—40.

Chochorowski J. Die Vekerzug-kultur. Charakteristik der Funde. — Warszawa-Krakow, 1985. — 162 S.

Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. — Krakow, 1993. — 327 s.

Die Halstattkultur. Frühform europäischer Einheit. — Steyr, 1980. — 332 S.

Gallus S., Horvath T. Un-peuple cavalier prescythique en Hongrie // Dissertationes Pannonicae. — 1939. — Ser. II, 9. — 167 p.

Hauptmann H. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien. Festschrift für K. Bittel. — Mainz am Rhein, 1983. — S. 251—270.

Kemenczei T. A prügyi koravaskori kincslelet // Communicationes archaeologiae Hungaricae. — 1981. — P. 29—41.

Kemenczei T. Zur Problematik der früheisenzeitlichen Geschichte Ostungarn // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichtliche Potsdam. — 1986. — Bd. 20. — S. 11—19.

Kossack G. «Kimmerische» Bronzen // Situla. — 1980. — Bd. 20, 21. — S. 109—141.

Kossack G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstills // Skythika. — München, 1987. — S. 24—86.

Kristensen A. Who were the Cimmerians and where did they come from? Sargon II, the Cimmerians and Rusa I. — Copenhagen, 1988.

L'Oro di Kiev. Torentica e oreficeria dal Museo storico dei Preziosi dell'Ucraina (Opere dall'VIII secolo a. S al XIII secolo d. S (Ausstellungskatalog Firenze 1987). — Milano, 1987. — 176 s.

Machortych S., Ievlev M. Über die Anfangsperiode der Geschichte der Kimmerier // AAC. — 1992. — T. 31. — S. 107—121.

Makarenko N. La civilisation des skythes et Hallstatt // ESA. — 1930. — V. — P. 22—48.

Sfaj ukrainskih riznica (Ausstellungskatalog). — Zagreb, 1989. — 205 s.

Sommerfeld W. Naczynie miedziane halsztackie z Ukrainy // Swiatowit. 1936/37. T. XVII. 1938. — s. 307—311.

Toncheva G. Necropole tumulaire pres village Belogradec du VII e. s ann. ers // Thracia. — 1980. — V. — P. 5—52.

Vasiliev V. Scitii agatirsi pe teritoriul Romaniei. — Cluj-Napoca: Dacia, 1980. — 185 p.

Бойко Ю. Н. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории Винницкой области в 1989 г. // НА ИА НАНУ, 1989/26.

Дударев С. Л. Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терек (IX—VII вв. до н. э.). Рукопись дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1983а. // НА ИА НАНУ, ф. 12, № 612.

Загоруйко В. Т. Отчет о проведении археологических исследований в 1990 г. селища Капустяны-II у с. Капустяны Тростянецкого р-на и курганного могильника у с. Бандышевка Могилев-Подольского р-на Винницкой области // НА ИА НАНУ, 1990/65.

Ковпаненко Г. Т., Скорый С. А., Бессонова С. С., Рычков Н. А. Отчет о работах Лесостепной Правобережной экспедиции Института археологии АН УССР в 1984 г. // НА ИА НАНУ, 1984/35.

Ковпаненко Г. Т., Скорый С. А., Бессонова С. С., Батуревич Е. Ю. Отчет о работе Правобережной экспедиции Института археологии АН УССР за 1985 г. // НА ИА НАНУ, 1985/9.

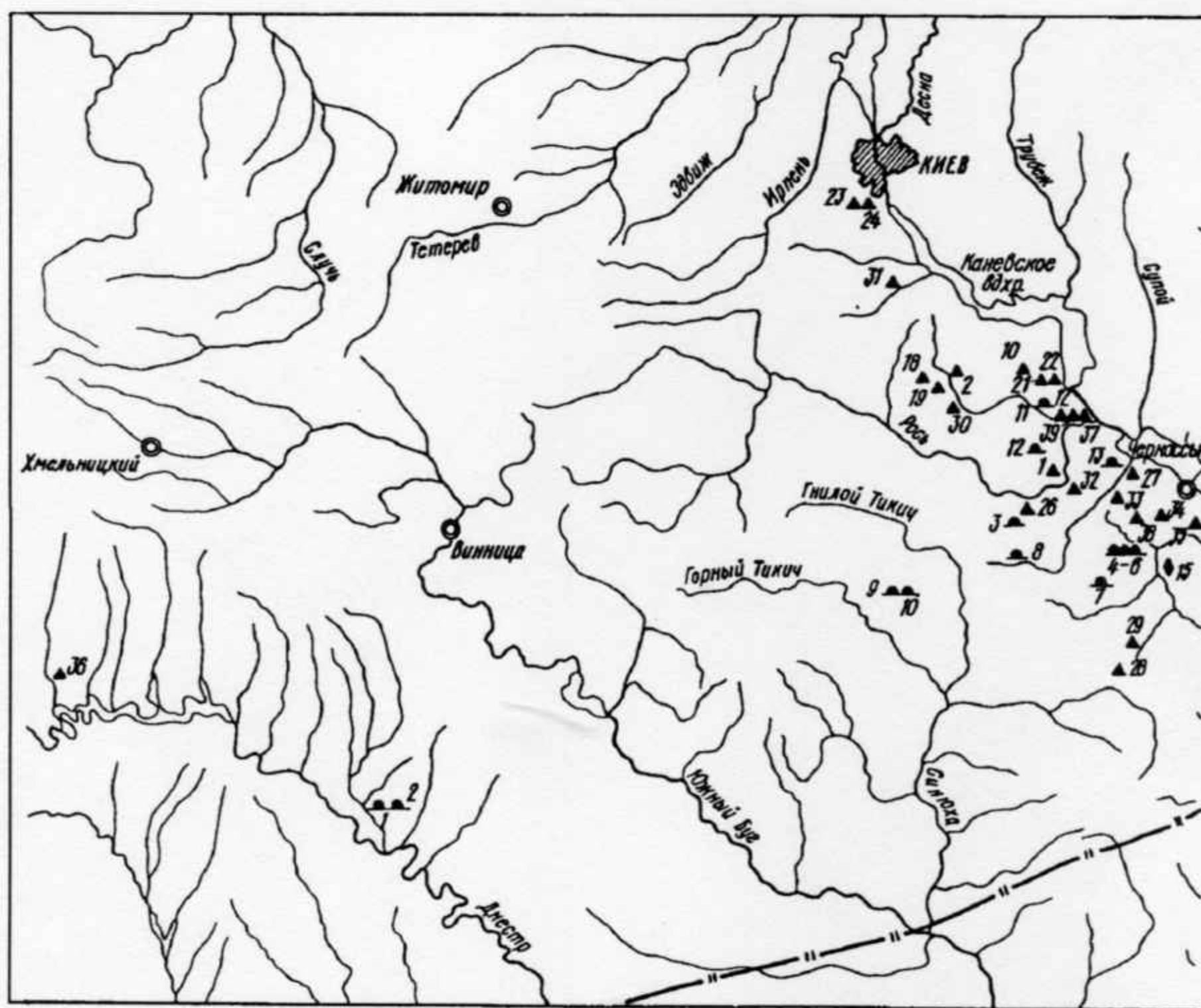
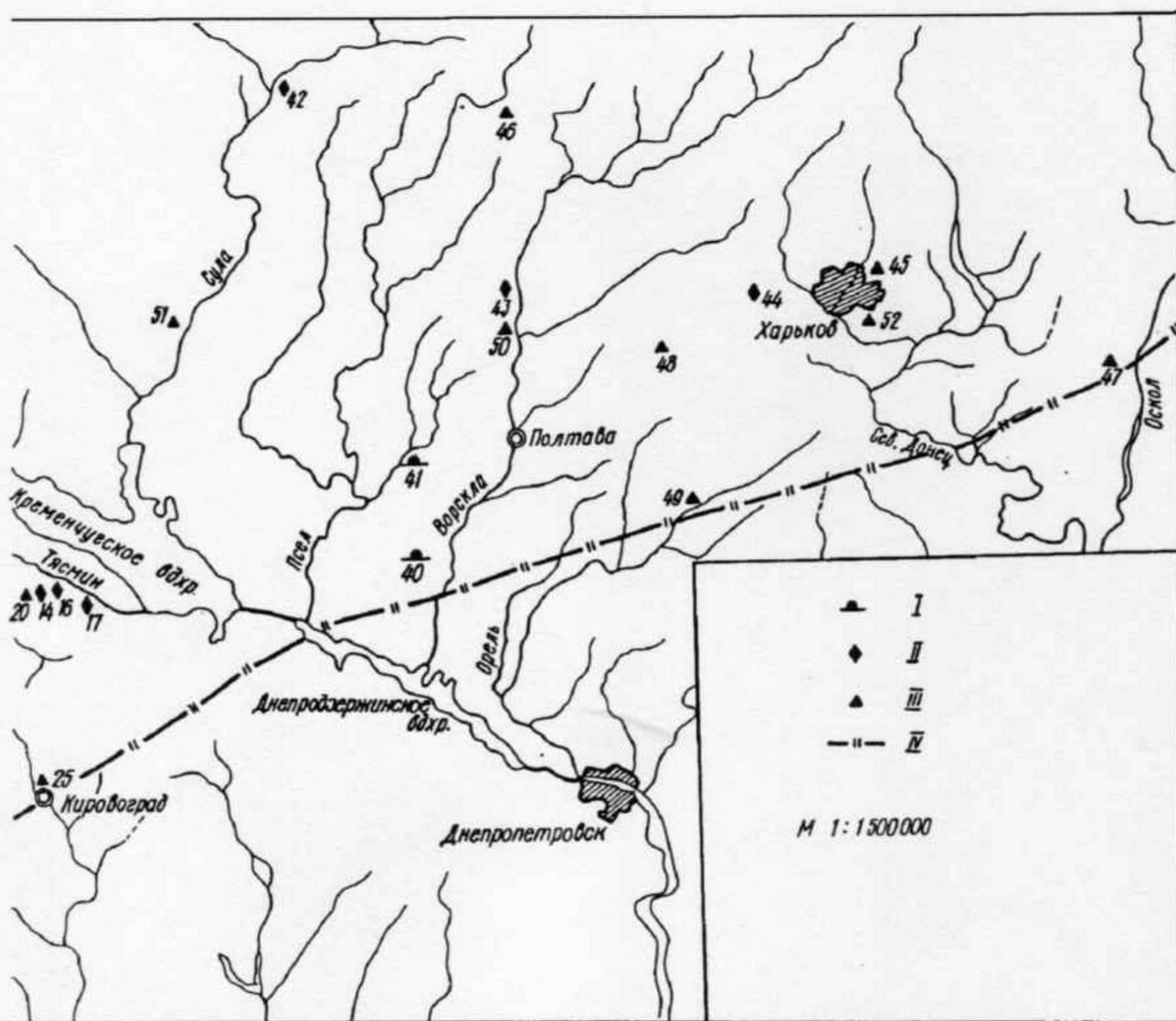

Рис. 1. Древности киммерийской поры в Украинской Лесостепи:

I — погребения киммерийцев: 1—2 — Бандышевка; 3 — Квитки; 4—6 — Константиновка; 7 — Носачев; 8 — Ольшана; 9—10 — Рыжановка; 11 — Степанцы; 12 — Таганча; 13 — Яснозорье; 40 — Бутенки; 41 — Шевченковка; II — киммерийские вещи и изделия кавказского производства на поселения: 14 — Жаботин; 15 — Залевки; 16 — Мельники; 17 — Субботов; 42 — Басовка; 43 — Бальск; 44 — Люботин; III — случайные находки киммерийских вещей и изделий кавказского производства: 18 — Бровахи; 19 — Зеленки;

20 — Жаботин; 21 — Канев; 22 — Бывший Каневский уезд; 23 — Киев; 24 — Киевская губерния; 25 — Кировоград; 26 — Корсунь-Шевченковский; 27 — Мошны; 28 — Оситняжка; 29 — Пастырское; 30 — Пищальники; 31 — Подгорцы; 32—35 — Среднее Поднепровье; 36 — Теремцы; 37 — Хмельная; 38 — бывший Черкасский уезд Киевской губернии; 39 — Яблонівка; 40 — Васищево; 41 — Бишкін; 42 — Кнышовка; 43 — Коломак; 44 — Красноград; 45 — Лихачевка; 46 — Лубны; 47 — Харьков; IV — граница Лесостепи и Степи.

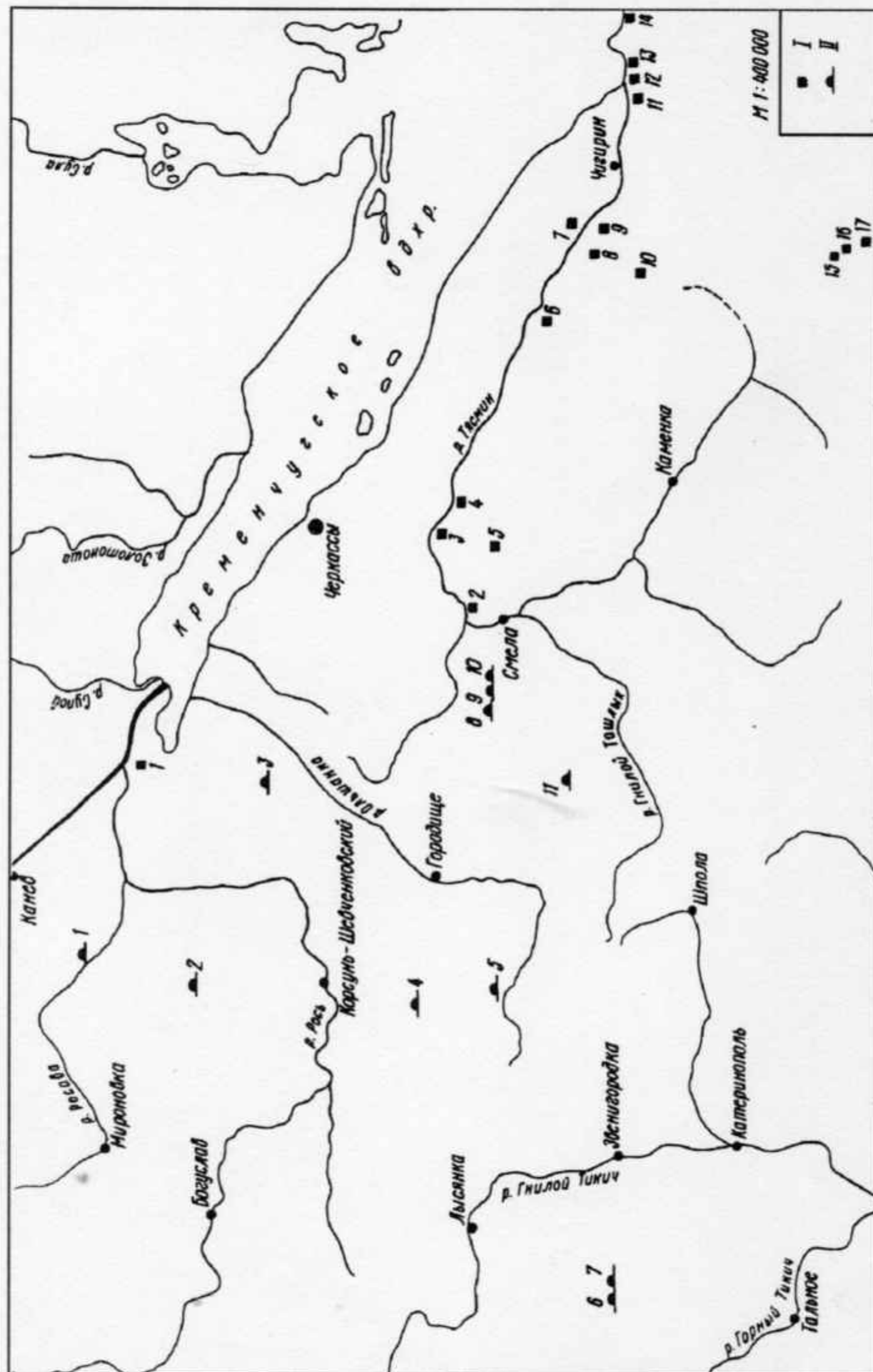

Рис. 2. Городища населення чернолескої культури і погребення киммерійців в Правобережному Середньому Подніпров'ї:

I — чернолескі городища; 1 — Крещатик; 2 — Залевки; 3 — Головатині; 4 — Лубенці; 5 — Секирне; 6 — Полудневка; 7 — Адамівка; 8 — Волчий Шпиль; 9 — Субботів; 10 — Янич; 11 — Калантаєв; 12 — Тясминка; 13 — Пеньківка; 14 — Московська Гора; 15 — Велике Чутівське городище; 16 — Мале Чутівське городище; 17 — Чорний Лес. II — погребення киммерійців: 1 — Степанці; 2 — Таганча; 3 — Яснозор'є; 4 — Квитки; 5 — Ольшана; 6—7 — Рыжанівка; 8—10 — Константиновка; 11 — Носачев.

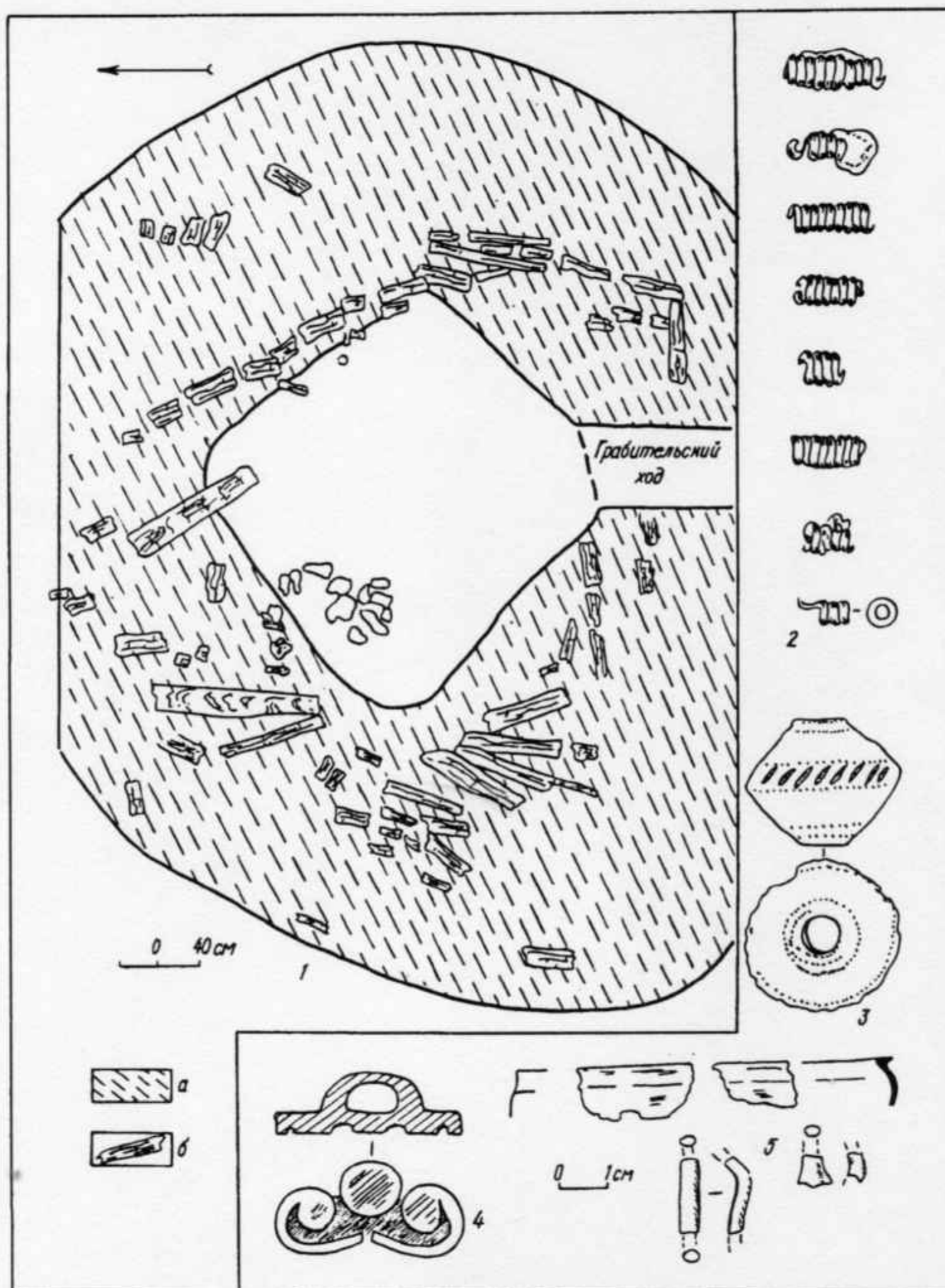

Рис 3. С. Бандышевка, курган № 1. Надмогильная конструкция (1) и находки из погребения (2—5), (а — глиняный вал; б — дерево).

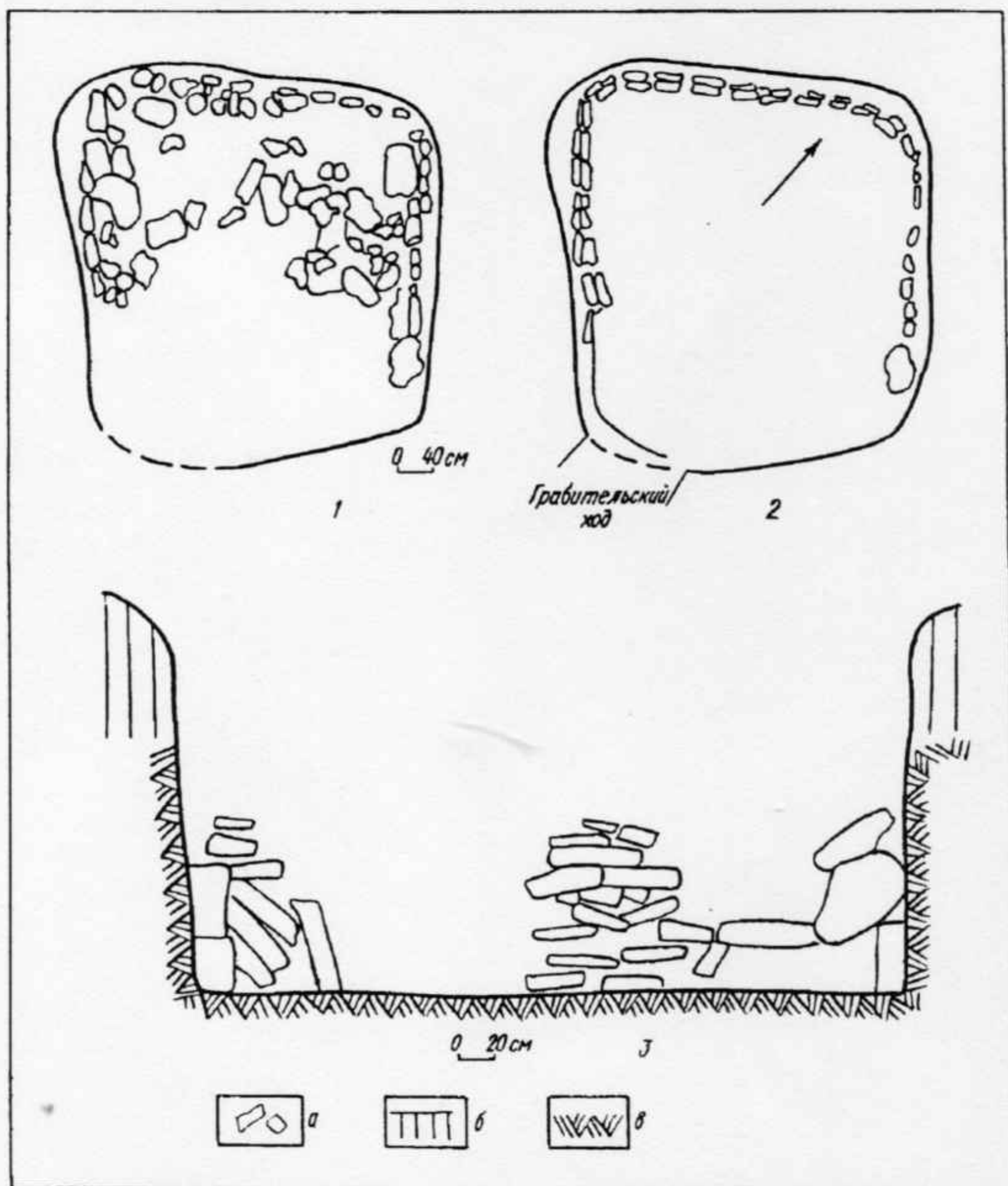

Рис. 4. С. Бандышевка, курган № 1. План (1—2) и разрез погребальной камеры (3)
(а — камни; б — древний чернозем; в — материк).

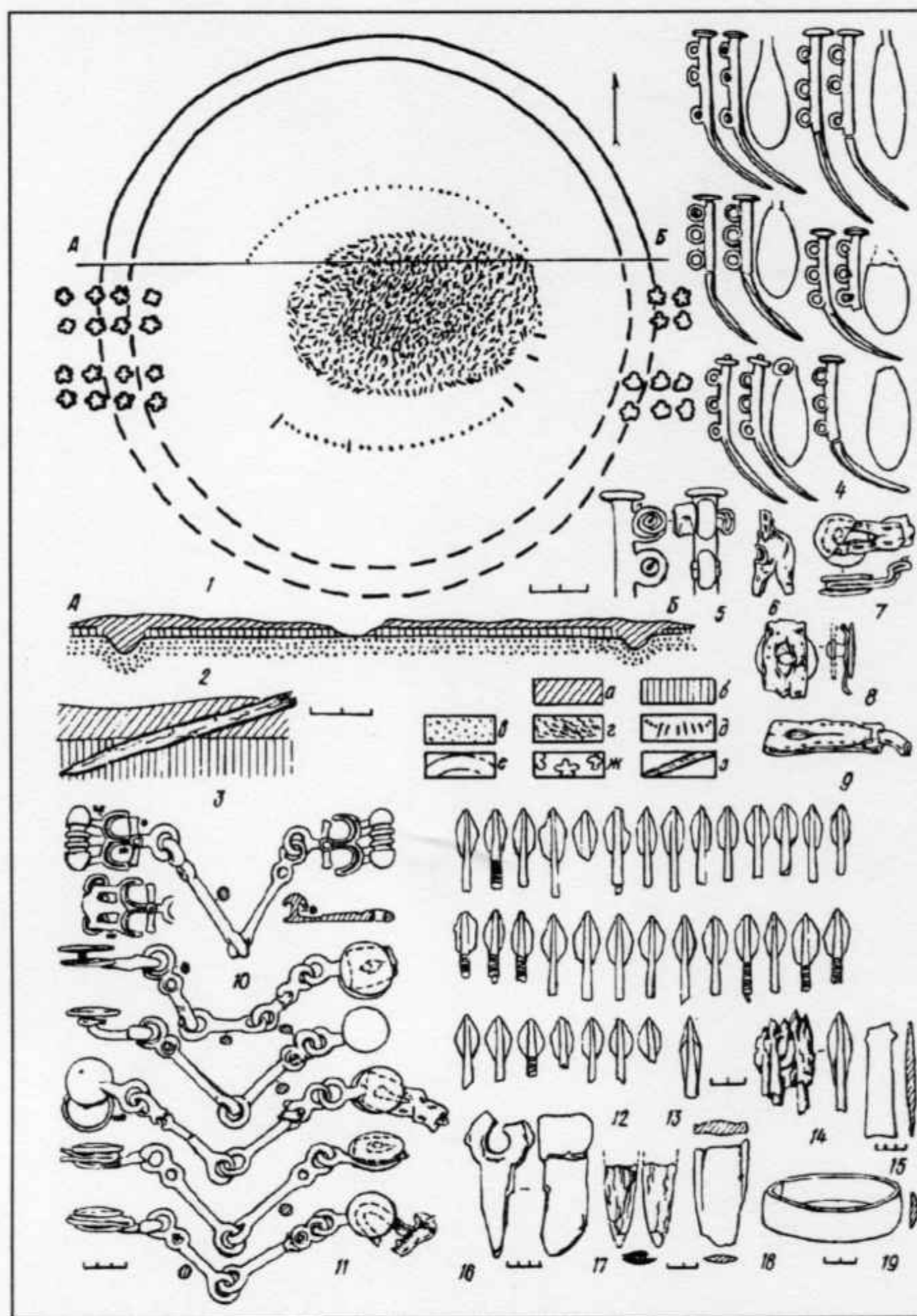

Рис. 5. С. Квитки. План, профиль кургана (1, 2), основание бревна шатрового сооружения (3), погребальный инвентарь (4—19):

a — чернозем; *b* — древняя почва; *c* — материк; *d* — разрушенная часть кургана; *e* — остатки шатрового сооружения; *ж* — лесопосадка; *з* — дерево.

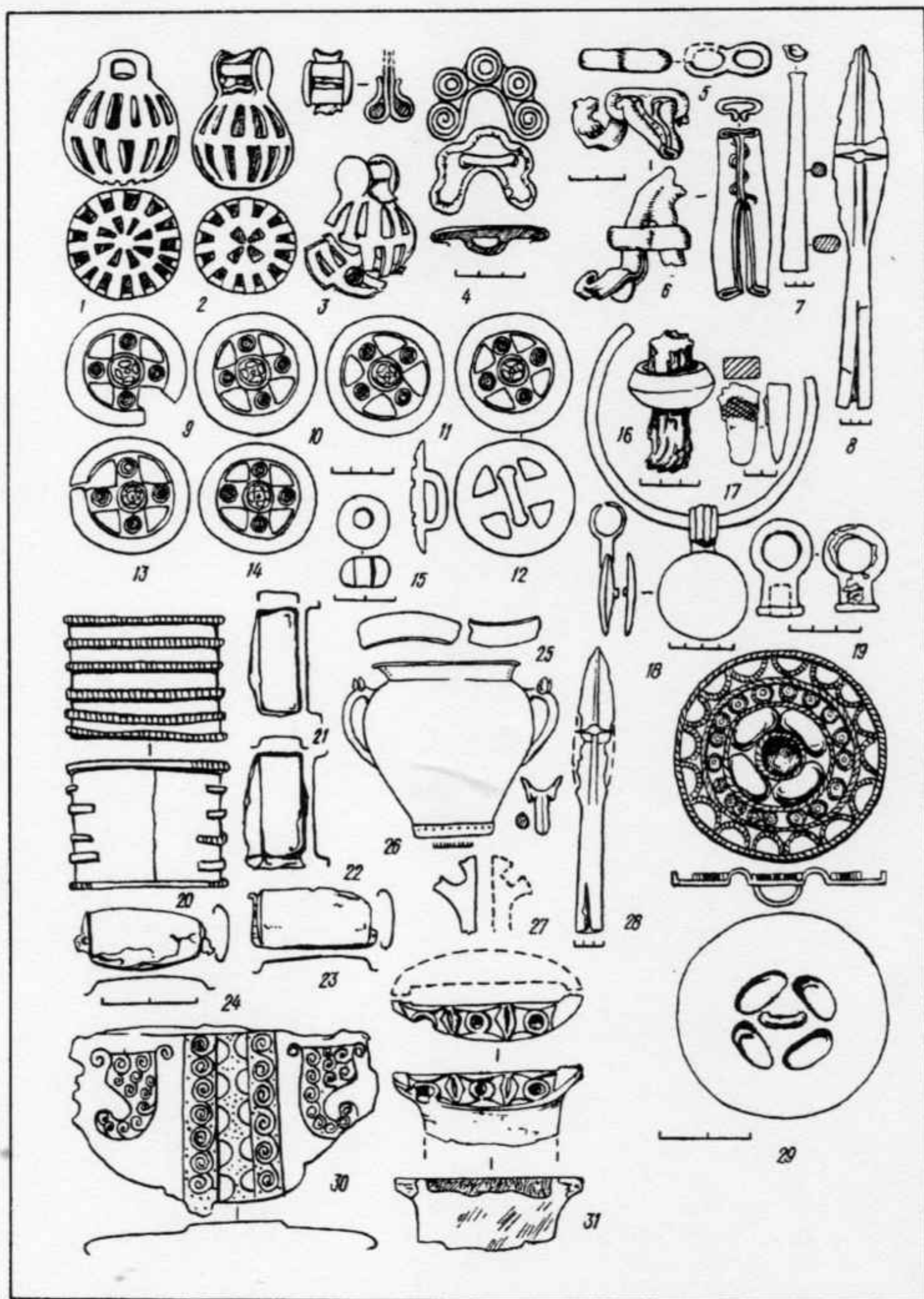

Рис. 6. С. Квитки. Погребальный инвентарь (1—31).

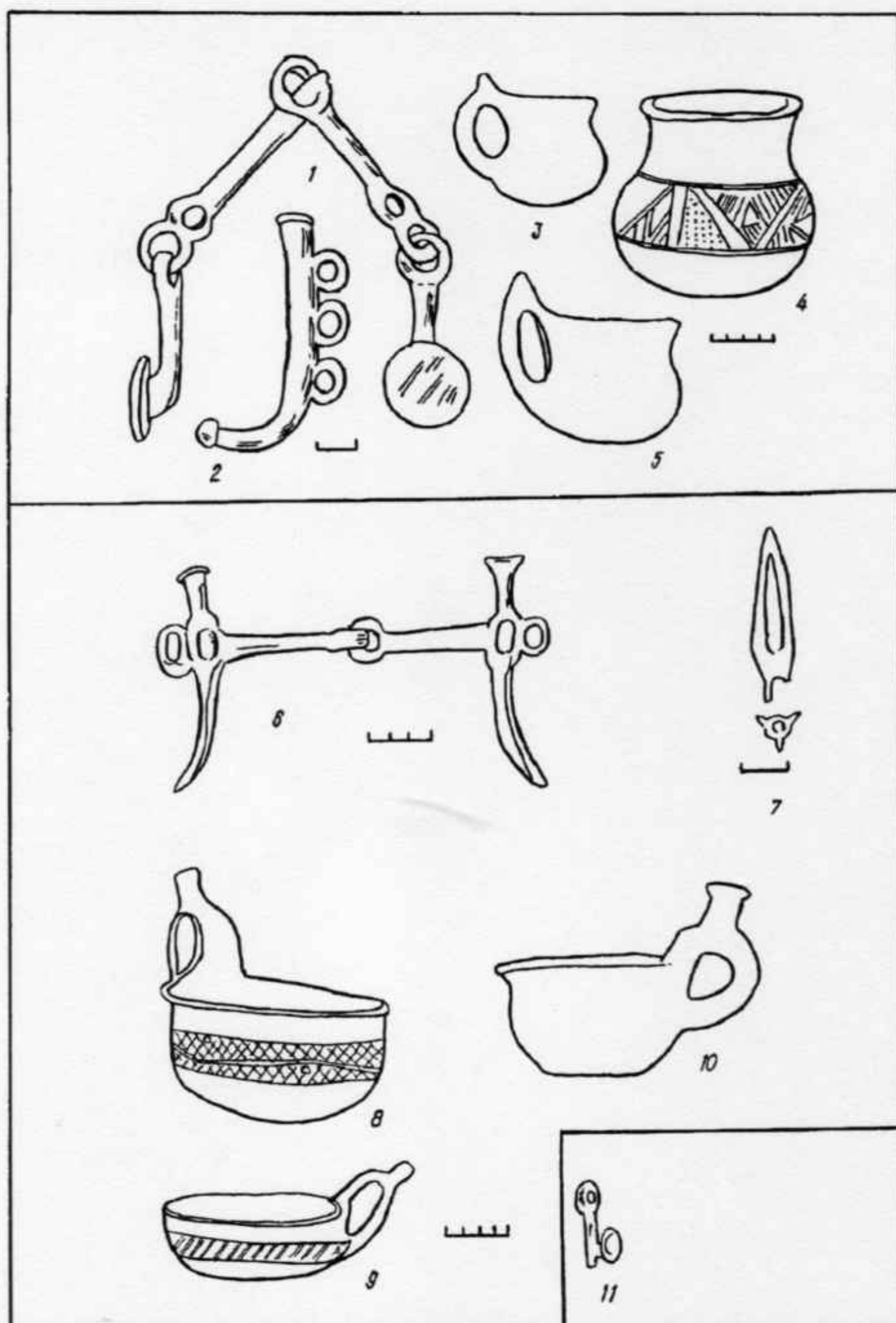

Рис. 7. С. Константиновка: курган № 375 (1—5); курган № 376 (6—10);
курган № 377 (11).

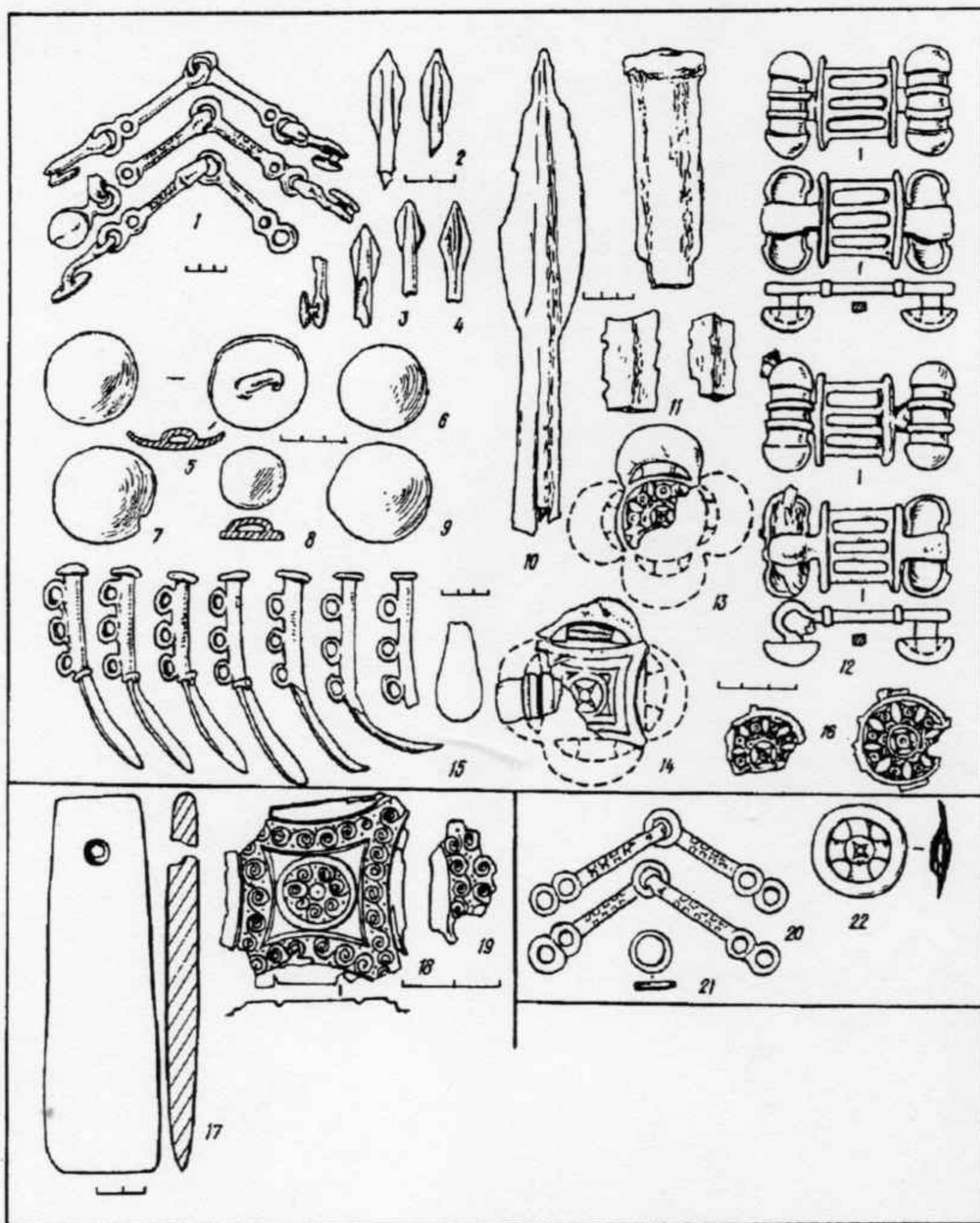

Рис. 8. Погребальный инвентарь из курганов у сел Носачев (1—16), Квитки (17—19); Шевченковка (21—22).

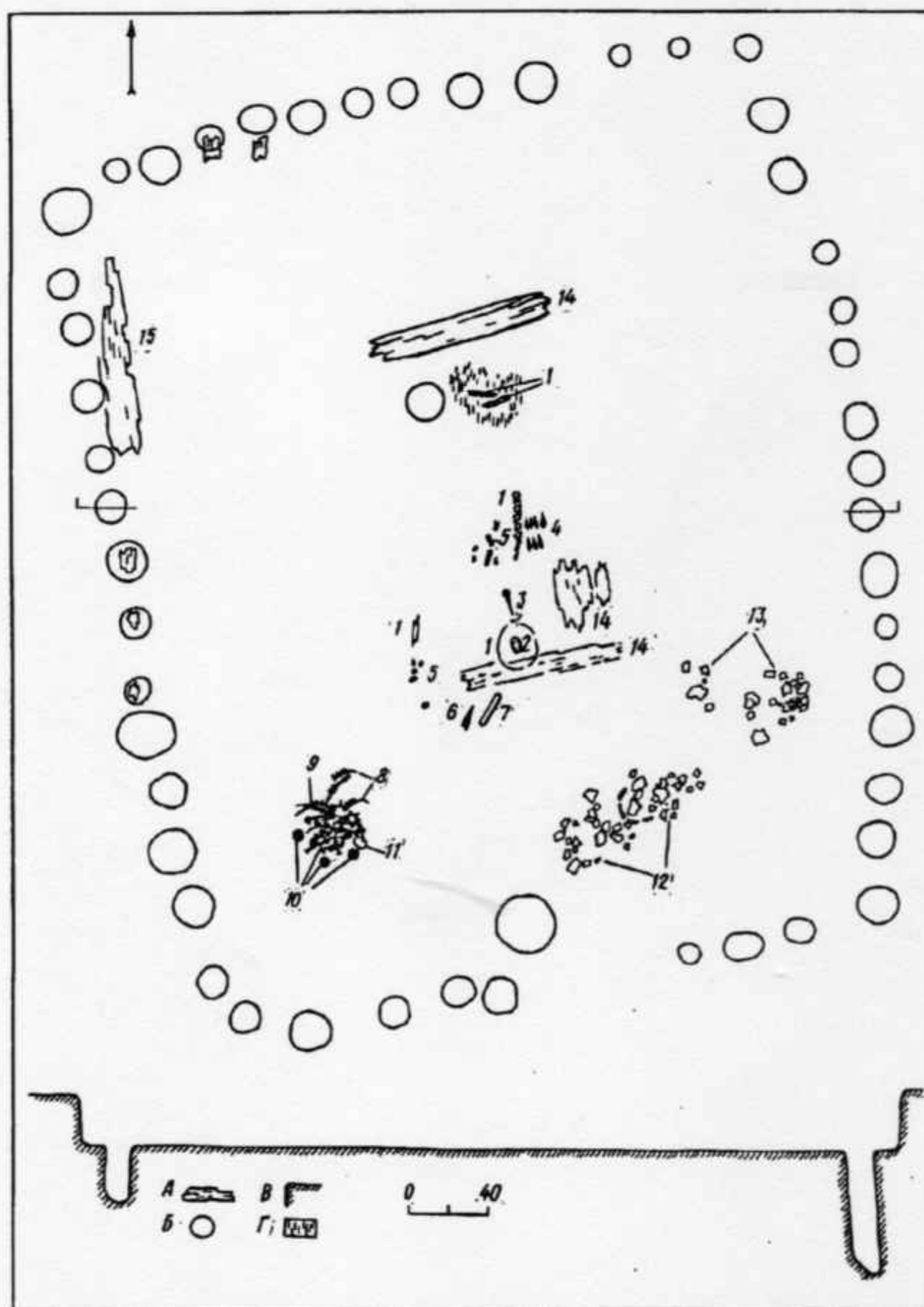

Рис. 9. Олышана. План и разрез погребения:

А — дерево; Б — столбовые ямки; В — черноземная насыпь кургана; Г — коричневый тлен от подстилки. 1 — кости покойника; 2 — гривна; 3 — подвеска; 4 — наконечники стрел; 5 — обломки железных предметов (фрагменты наконечников копий, кинжалов, булава); 6 — острие клинка кинжала; 7 — оселок; 8 — псалии; 9 — удила; 10 — бляшки; 11 — кольцо; 12 — обломки корчаг; 13 — обломки кубков; 14 — дерево помоста; 15 — дерево перекрытия.

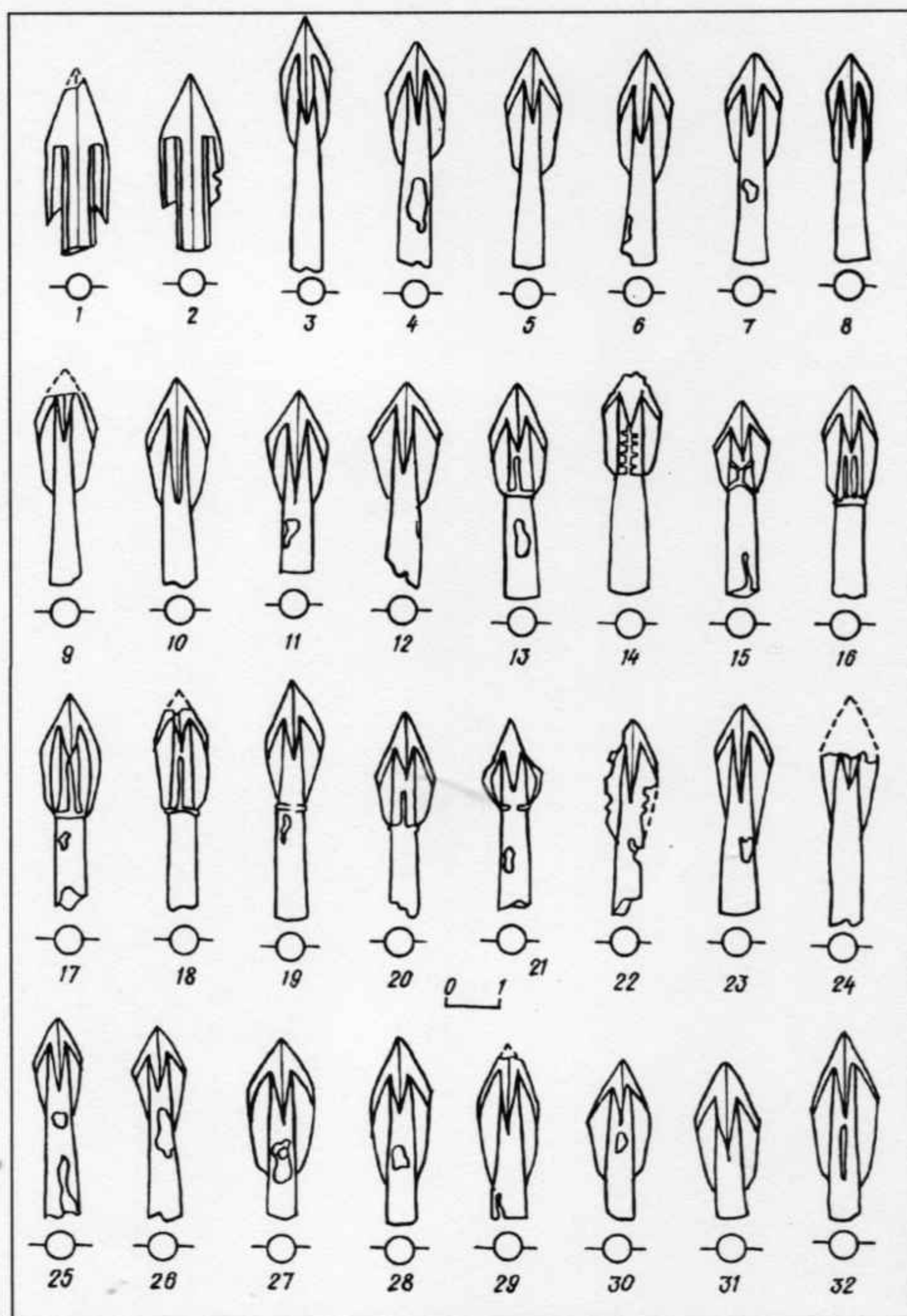

Рис. 10. Олышана. Наконечники стрел.

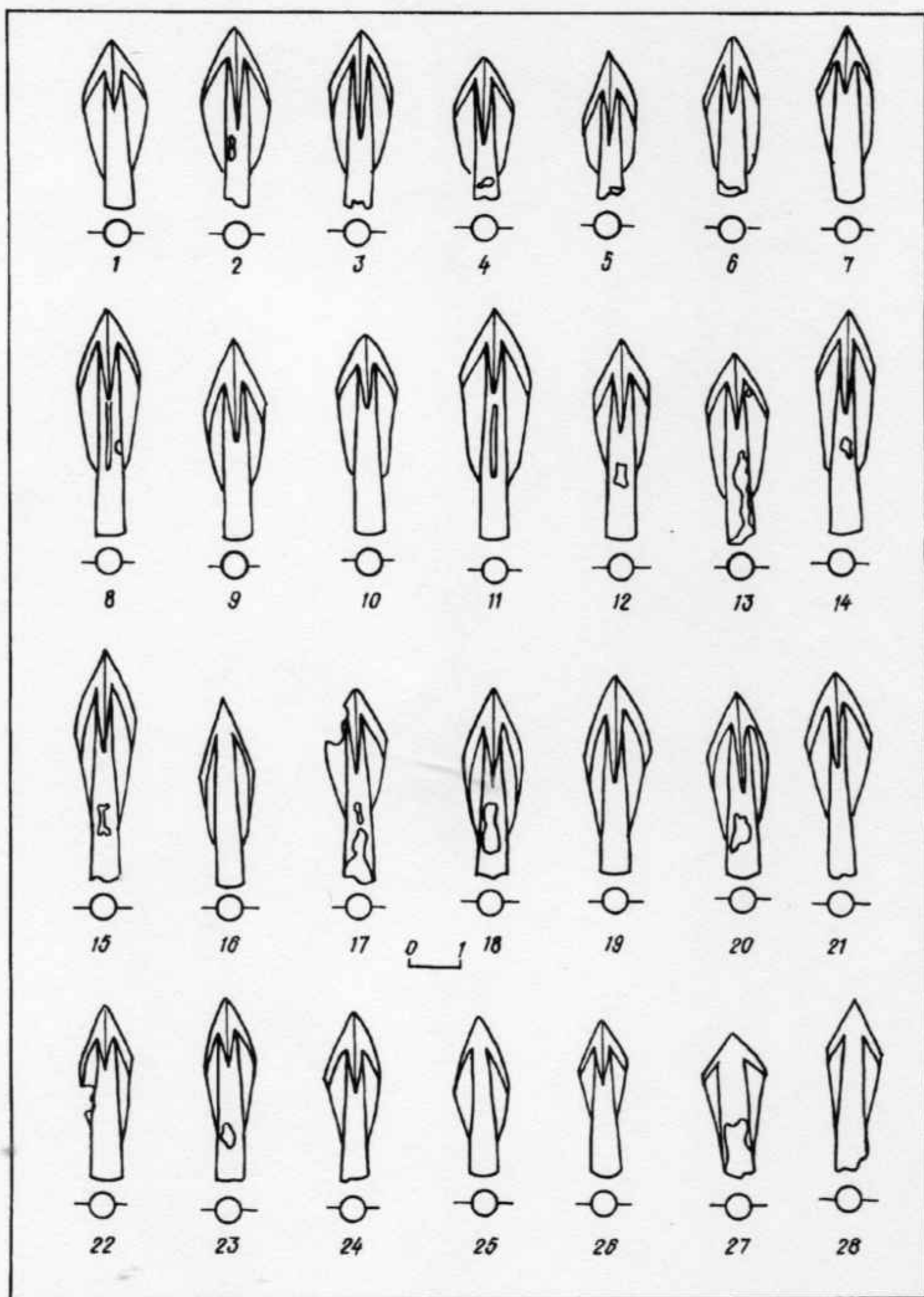

Рис. 11. Ольшана. Наконечники стрел.

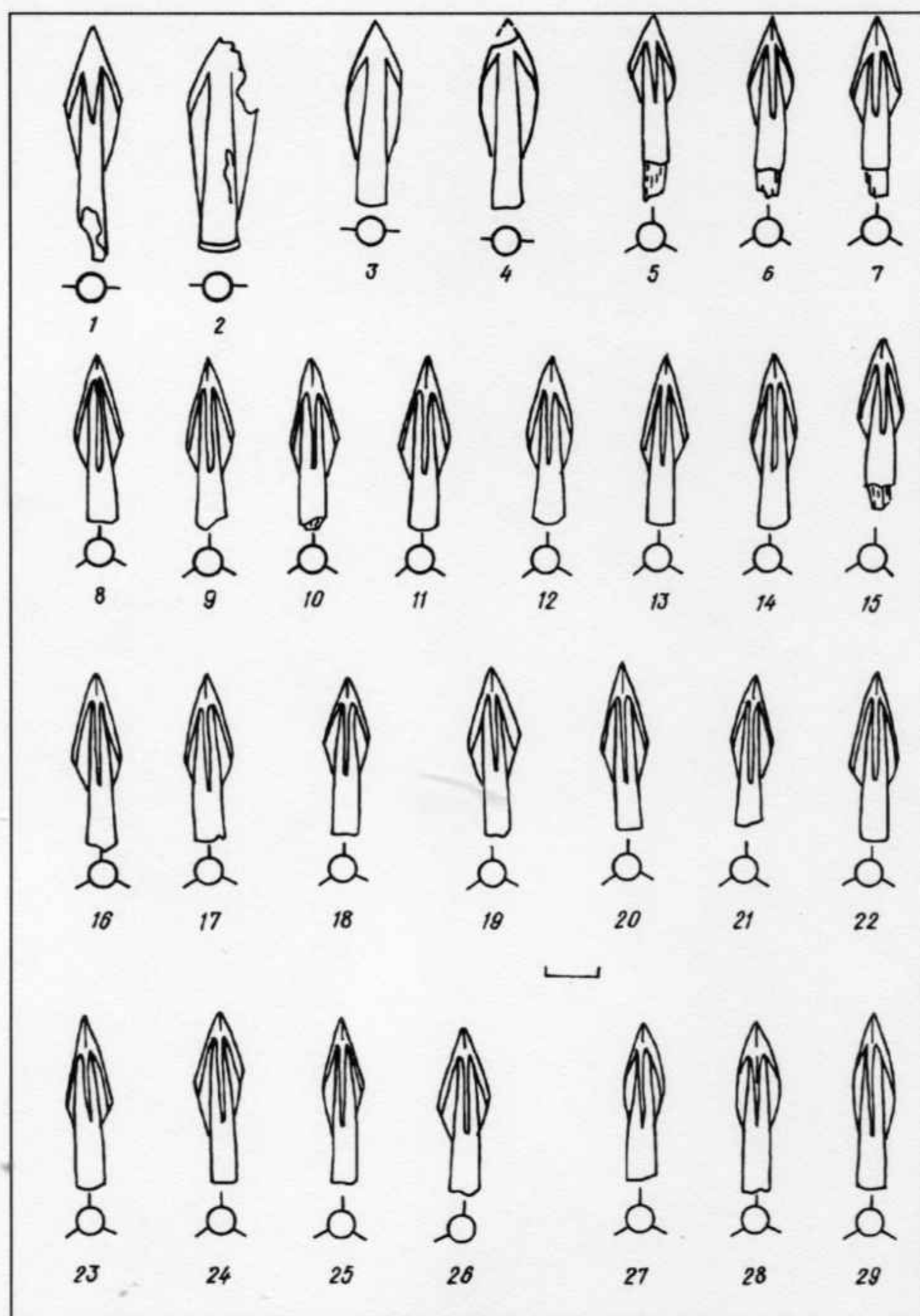

Рис. 12. Олышана. Наконечники стрел.

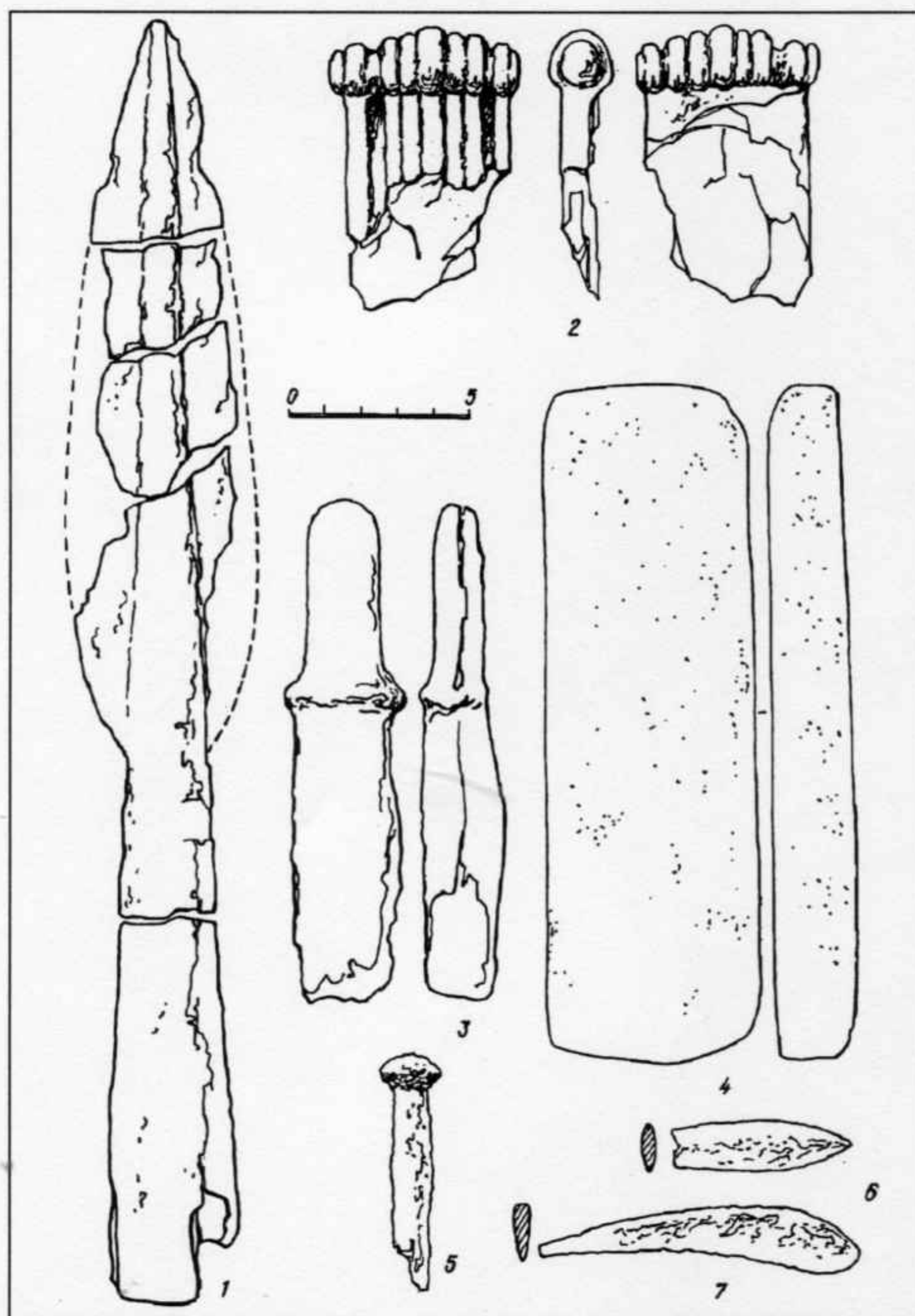

Рис. 13. Олышана. Находки из гробницы.

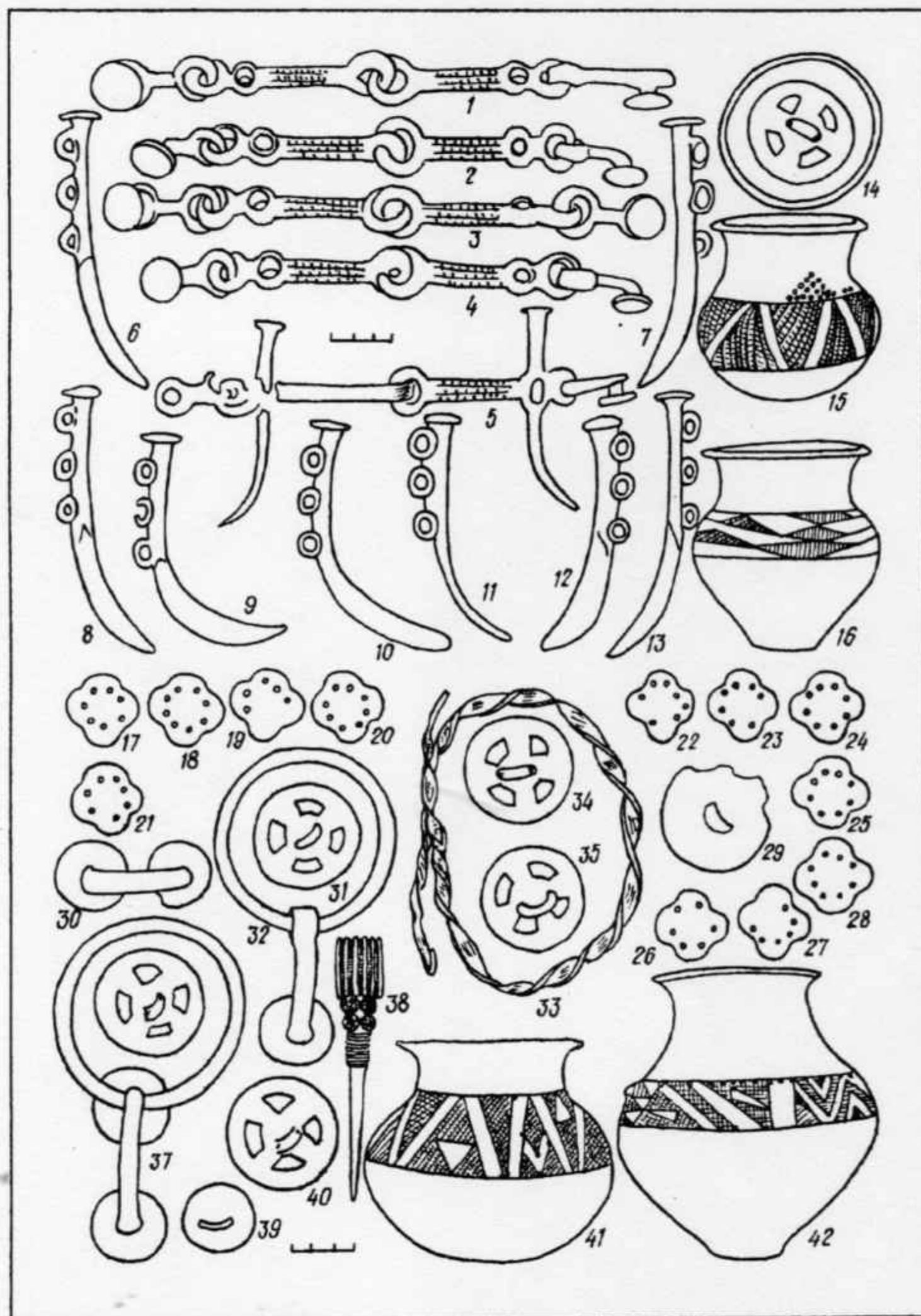

Рис. 14. Олышана. Находки из гробницы.

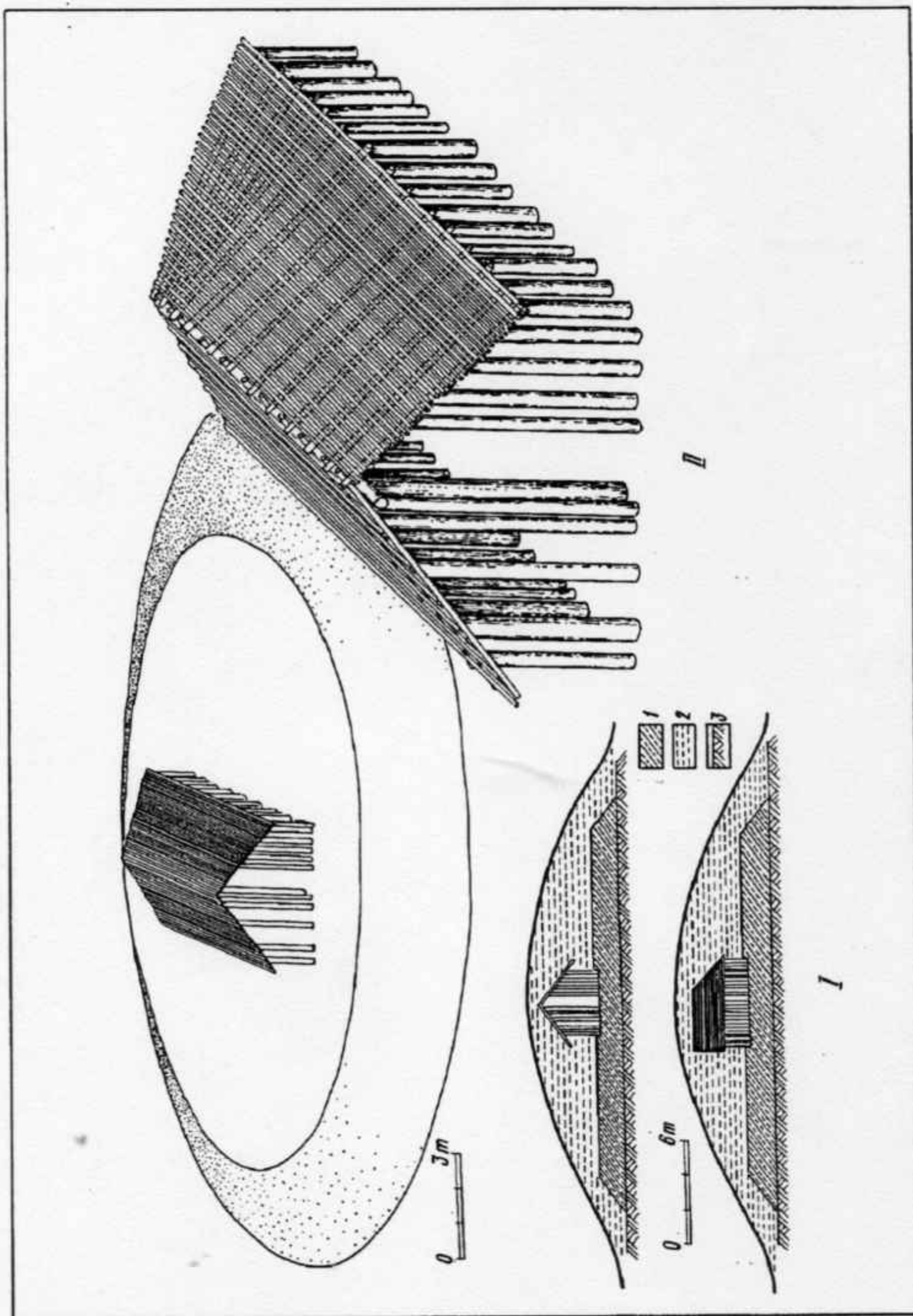

Рис. 15. Олышана. Киммерийский склеп в кургане:

I — вид кургана с погребальной конструкцией; II — устройство деревянного склепа. 1 — древняя насыпь кургана; 2 — досыпка киммерийского времени; 3 — материк. (Реконструкция М. М. Иевлева.)

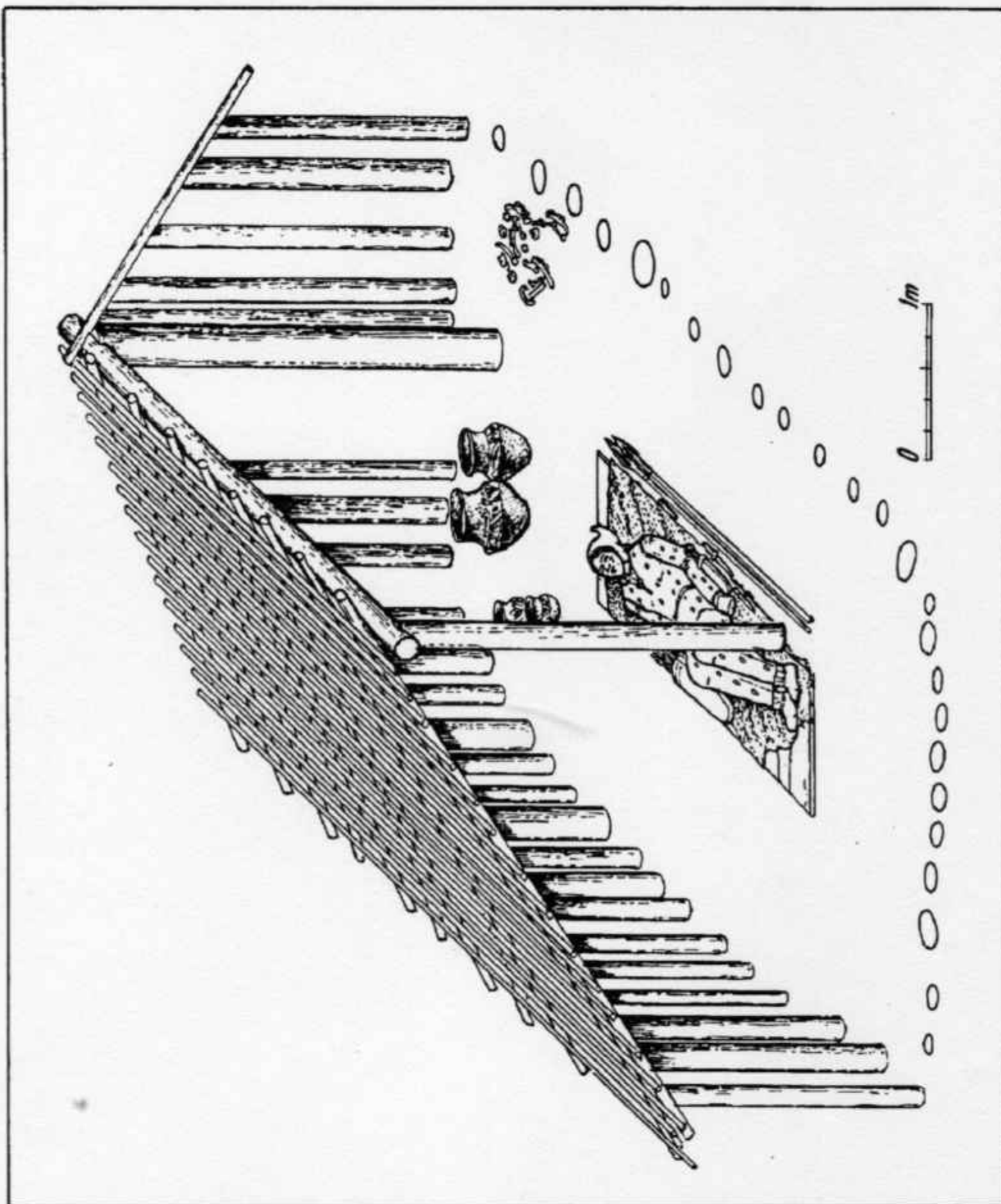

Рис. 16. Ольшана. Погребение подростка-киммерийца. Вид с северо-запада. (Реконструкция М. М. Иевлева.)

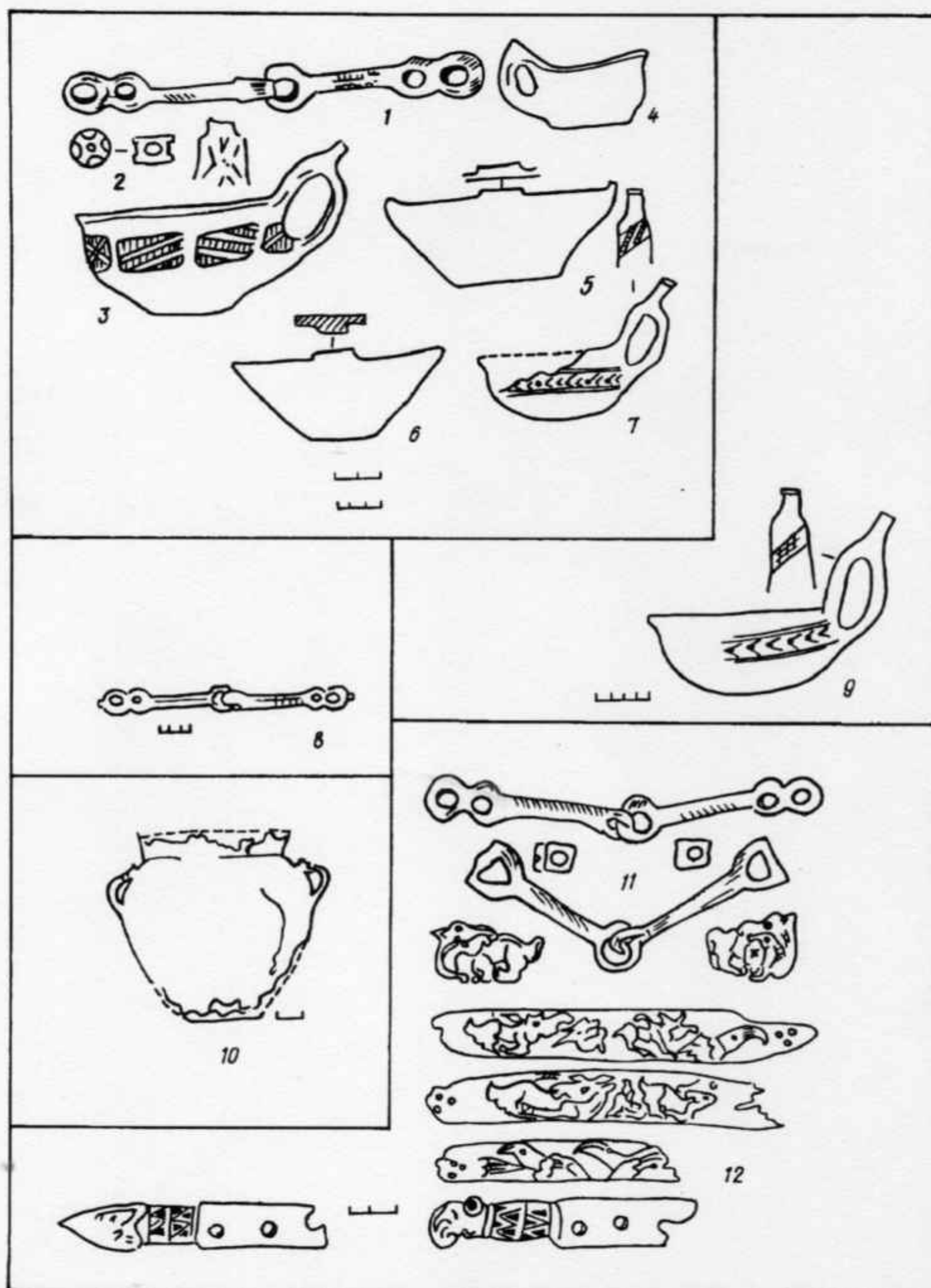

Рис. 17. Находки из курганов у с. Рыжановка (курган II: 1—7; курган V: 9), Степанцы, курган № 11 (8); Таганча (10); Жаботин, курган № 2 (11, 12).

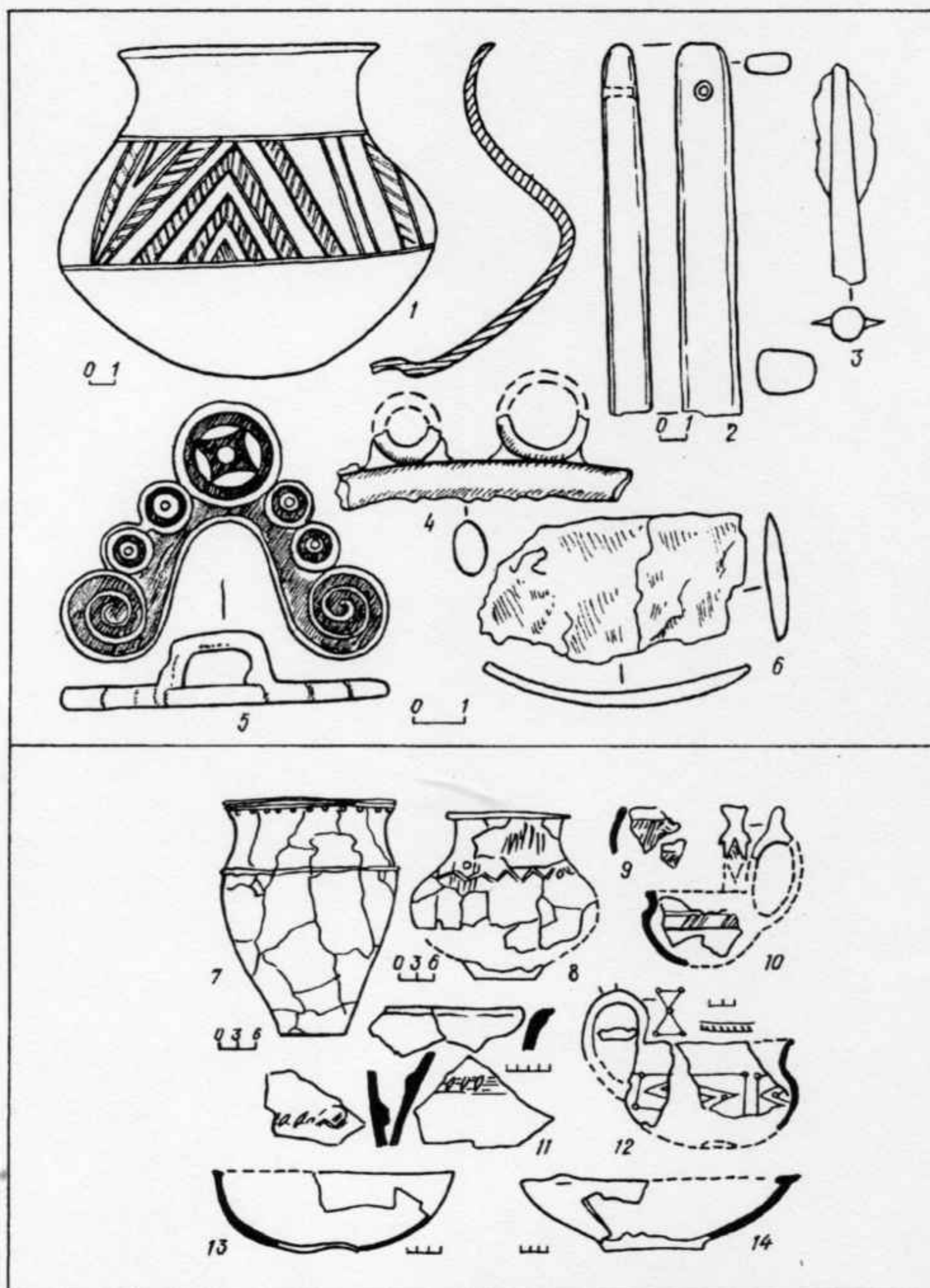

Рис. 18. Инвентарь киммерийских захоронений из сс. Яснозорье (1—6);
Квитки (7—14).

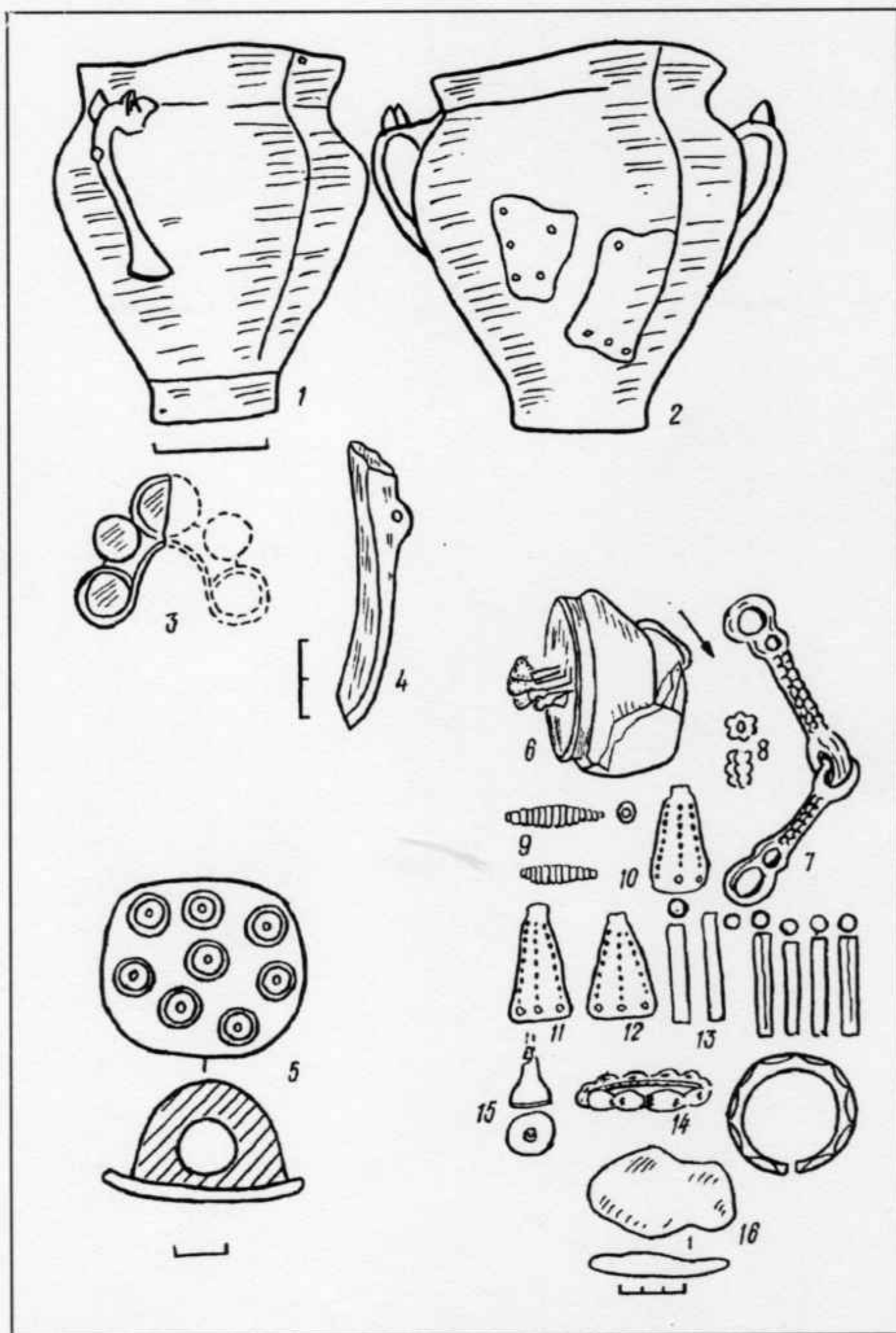

Рис. 19. Находки киммерийских вещей и кавказских импортов на предскифских и раннескифских поселениях Лесостепного Правобережья:
1—4 — Жаботин; 5 — Мельники, Мотронинское городище; 6—16 — Залевки, городище Замковице.

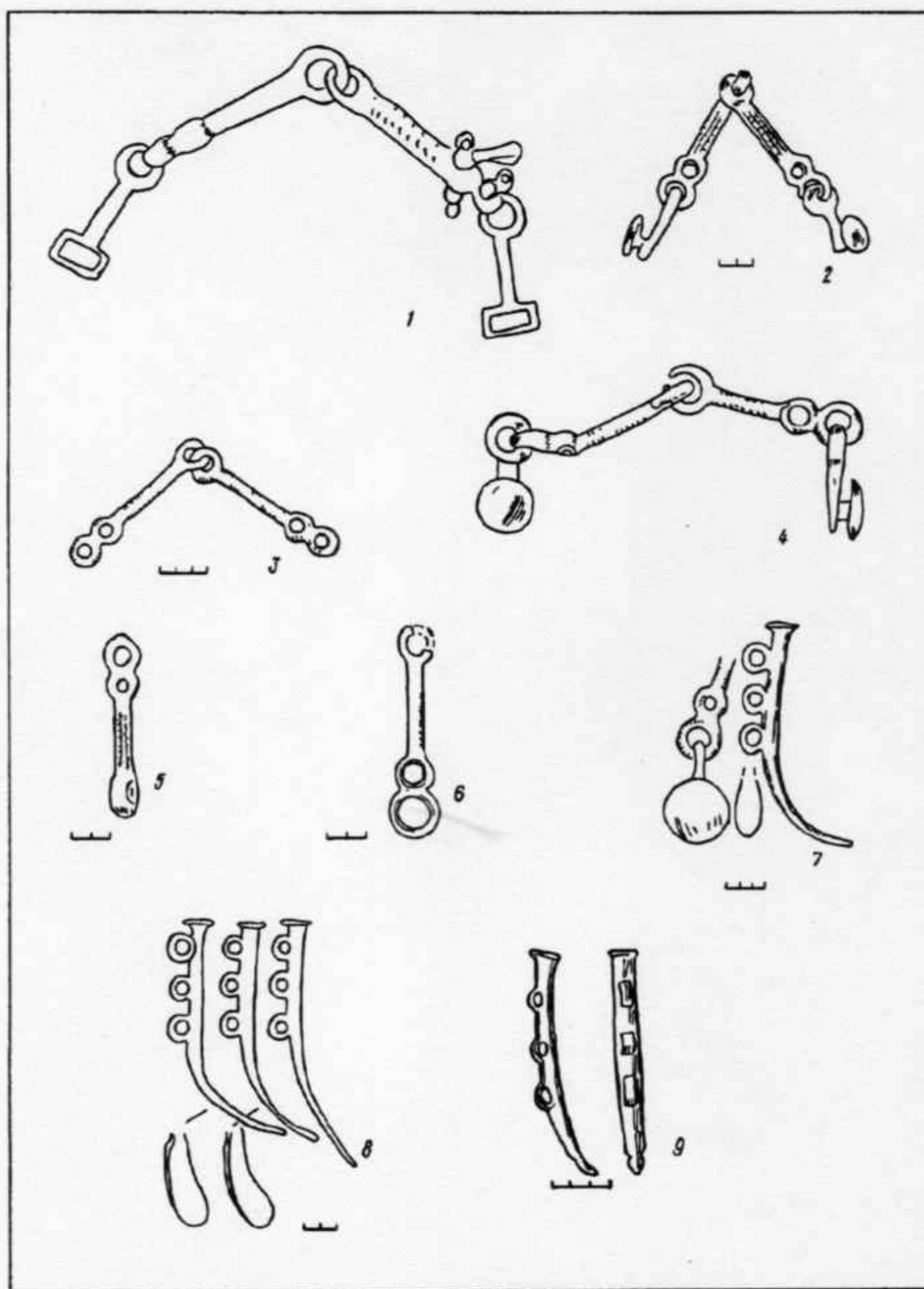

Рис. 20. Случайные находки деталей киммерийской упряжи в Правобережном Лесостепном Поднепровье:

1 — Киевская губерния; 2 — с. Жаботин; 3 — бывший Каневский уезд Киевской губернии; 4 — с. Мошны; 5 — с. Бровахи; 6 — с. Зеленки; 7 — с. Яблонька; 8 — г. Канев; 9 — с. Пищальники.

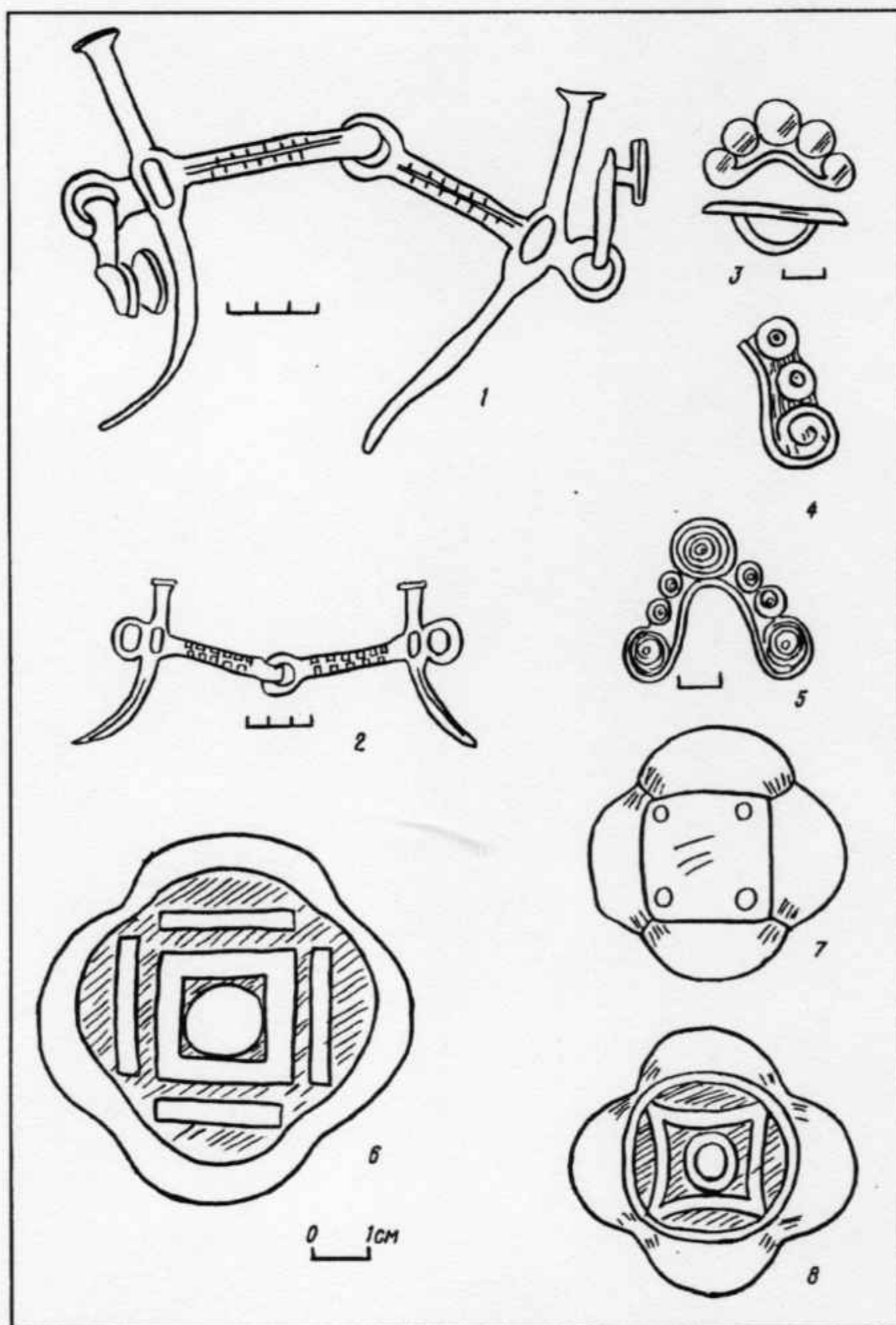

Рис. 21. Случайные находки деталей конской упряжи в Правобережной Лесостепи:
 1 — с. Теремцы; 2 — Кировоградский музей; 3—4 — Среднее Поднепровье;
 5 — с. Пастырское; 6—8 — Черкасский уезд.

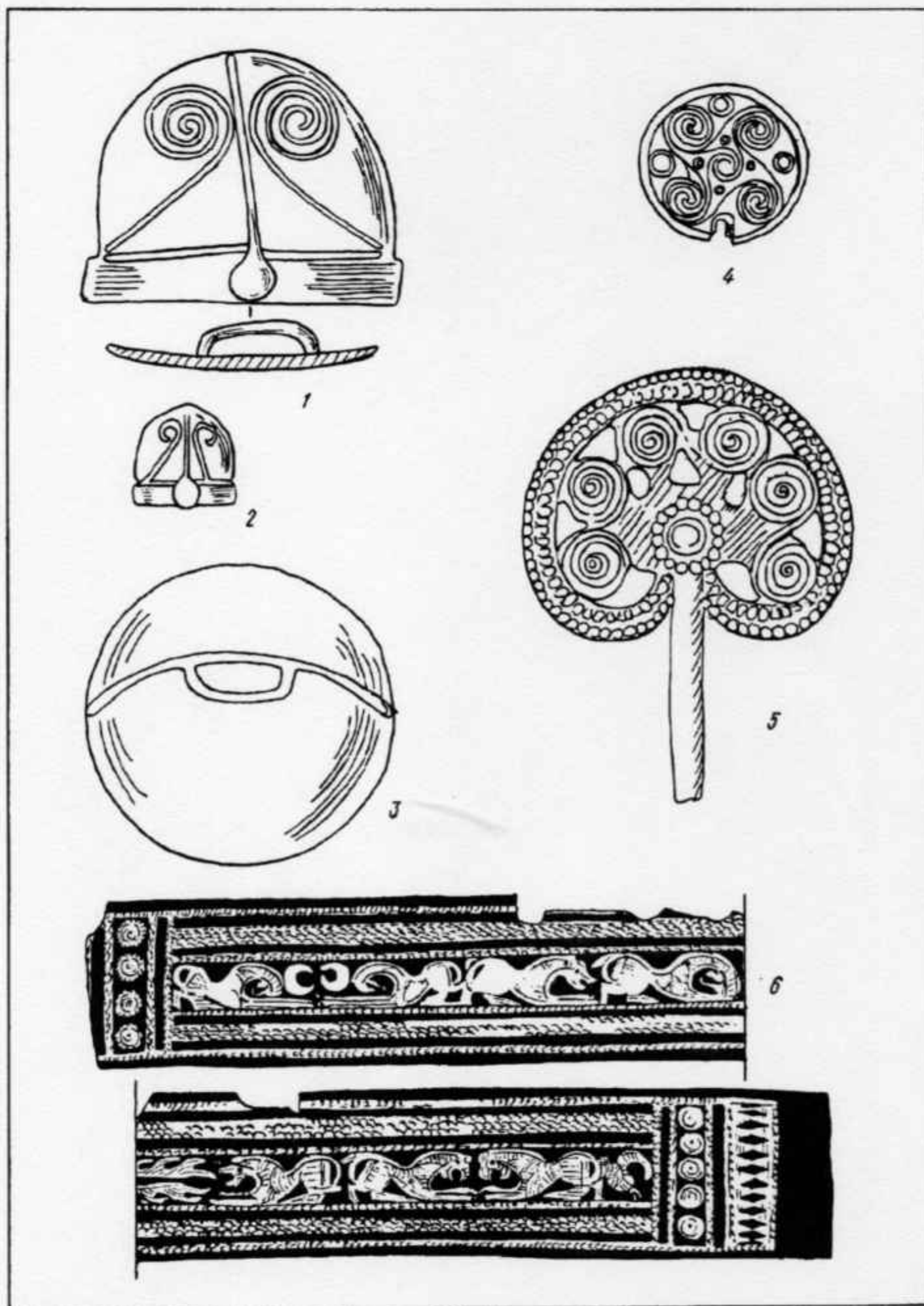

Рис. 22. Случайные находки киммерийских вещей и кавказских импортов на Правобережье Среднего Поднепровья:
 1—3 — точное место находки не известно; 4 — Оситняжка; 5 — Хмельная; 6 — с . Подгорцы.

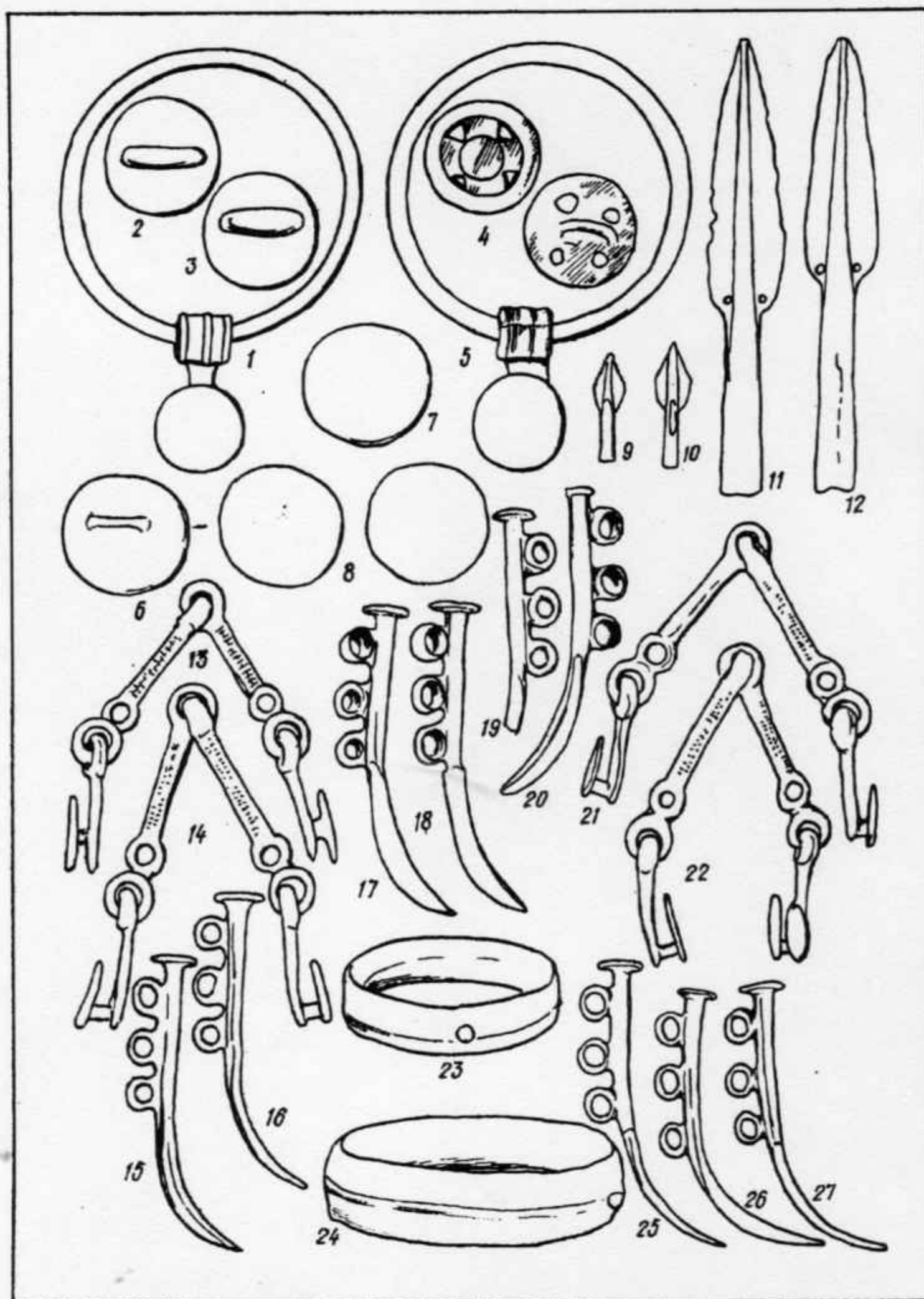

Рис. 23. Бутенки. Находки из захоронения.

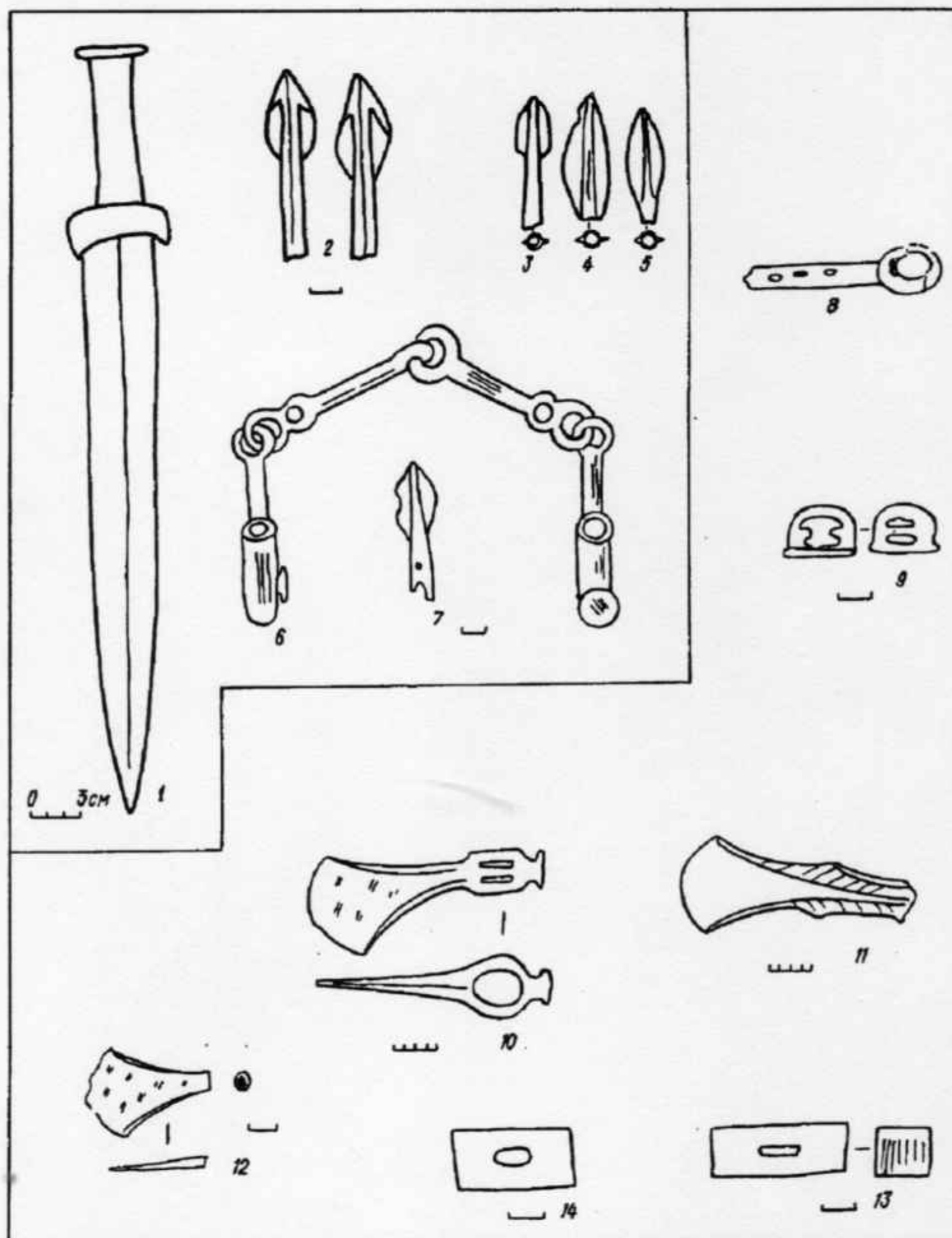

Рис. 24. Случайные находки киммерийских вещей и изделий кавказского производства в Лесостепном Левобережье:

1—2 — Бельское городище; 3—5 — Люботинское городище; 6—7 — Басовское городище; 8 — Лихачевка; 9, 13 — Коломак; 10 — Красноград; 11 — Лубны; 12 — Васищево; 14 — Бишкин.

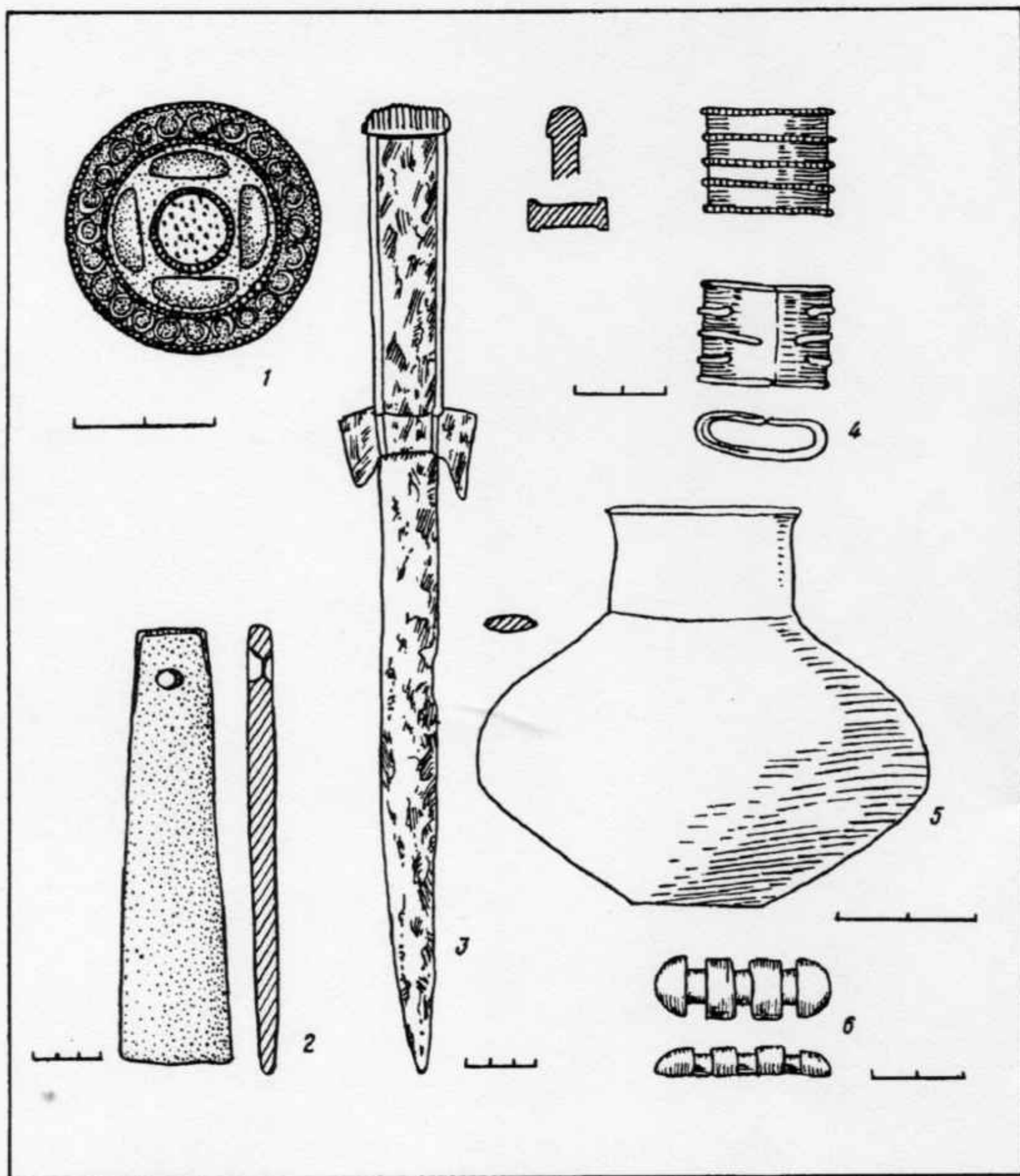

Рис. 25. Балки, курган Высокая Могила, гробница № 2. Погребальный инвентарь.

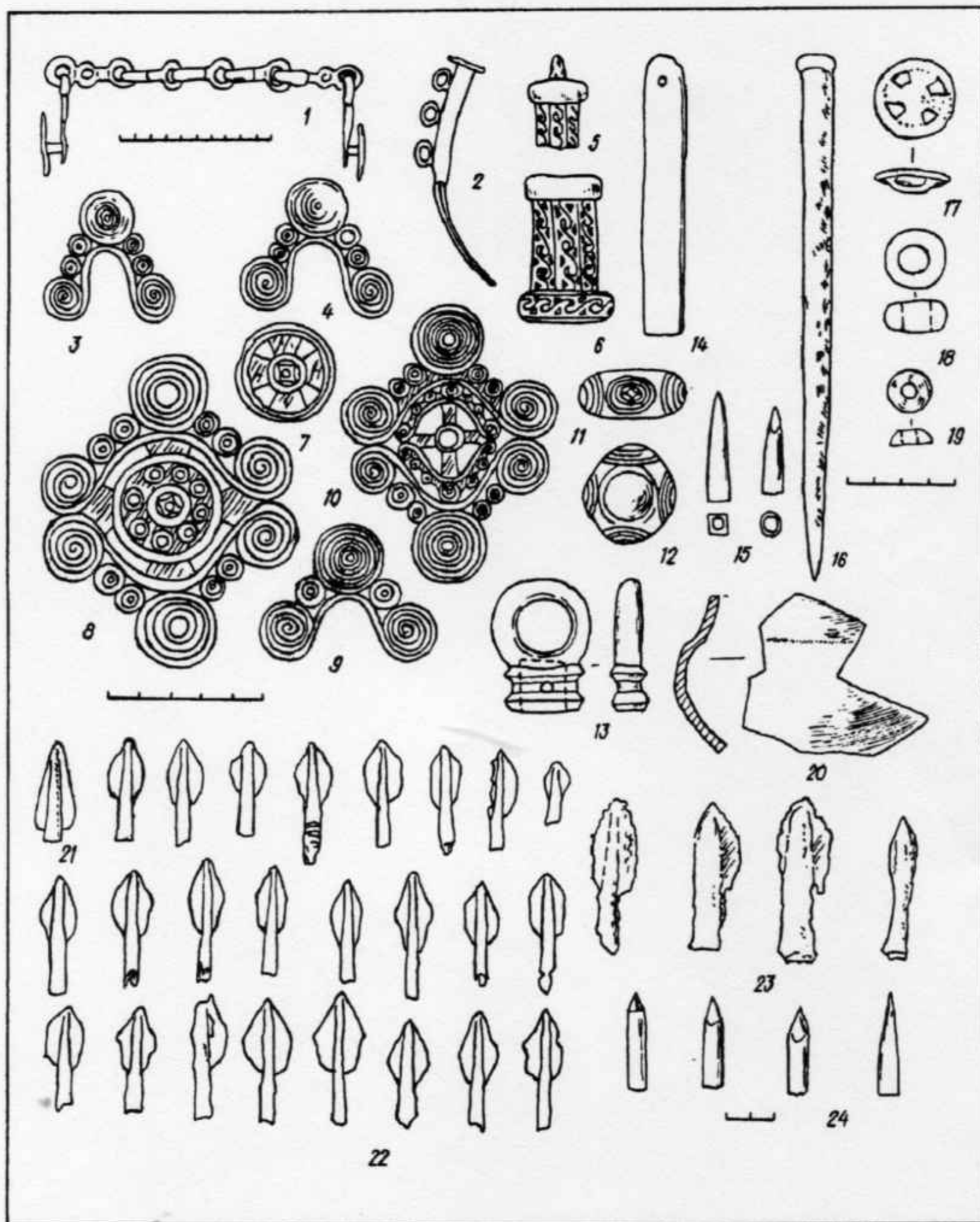

Рис. 26. Зольное. Находки из погребения.

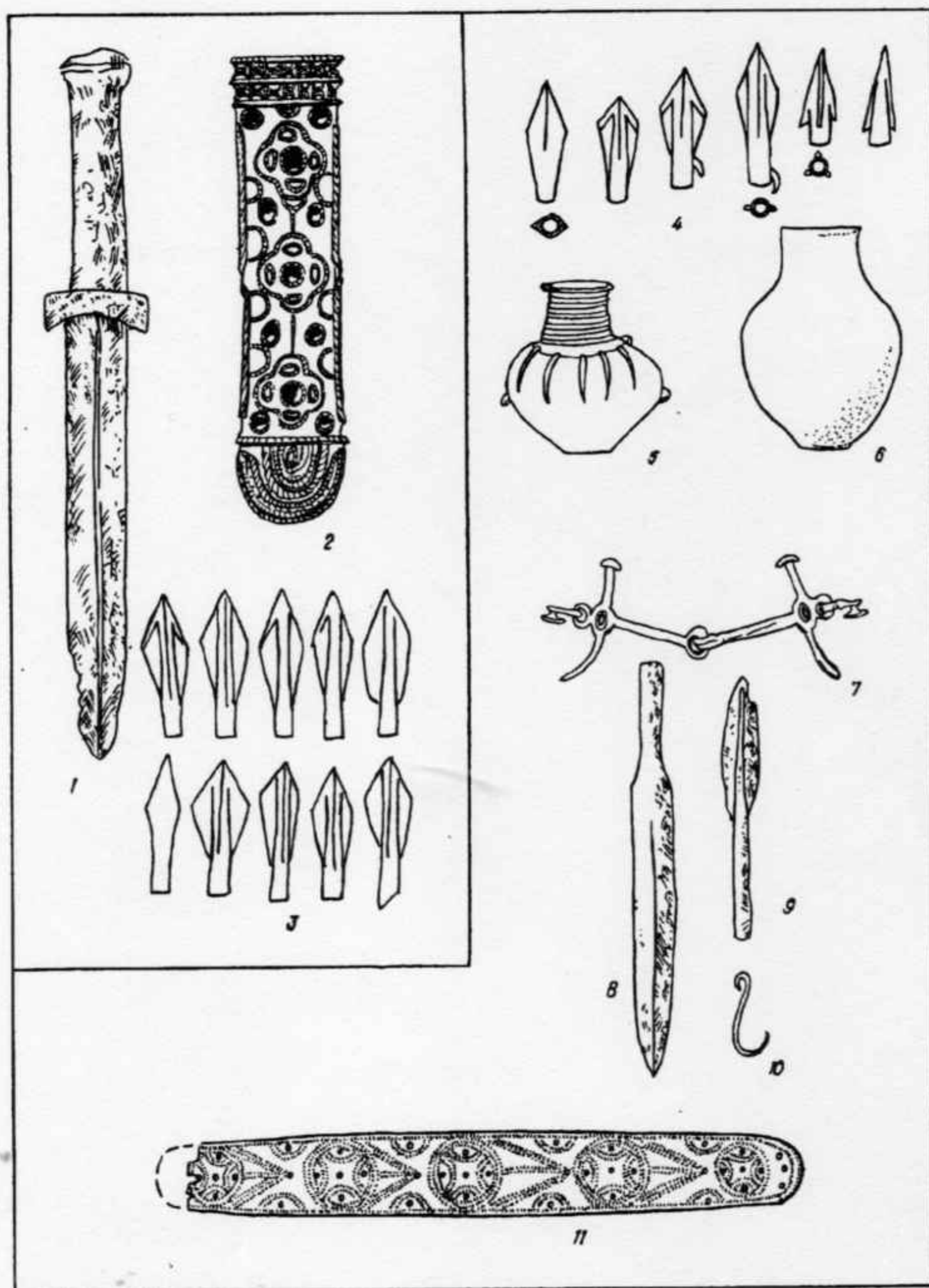

Рис. 27. Вещевой набор захоронений из кургана Птичата Могила у с. Белоградец (1—3) и кургана у с. Ендже-Царевброд (4—11).

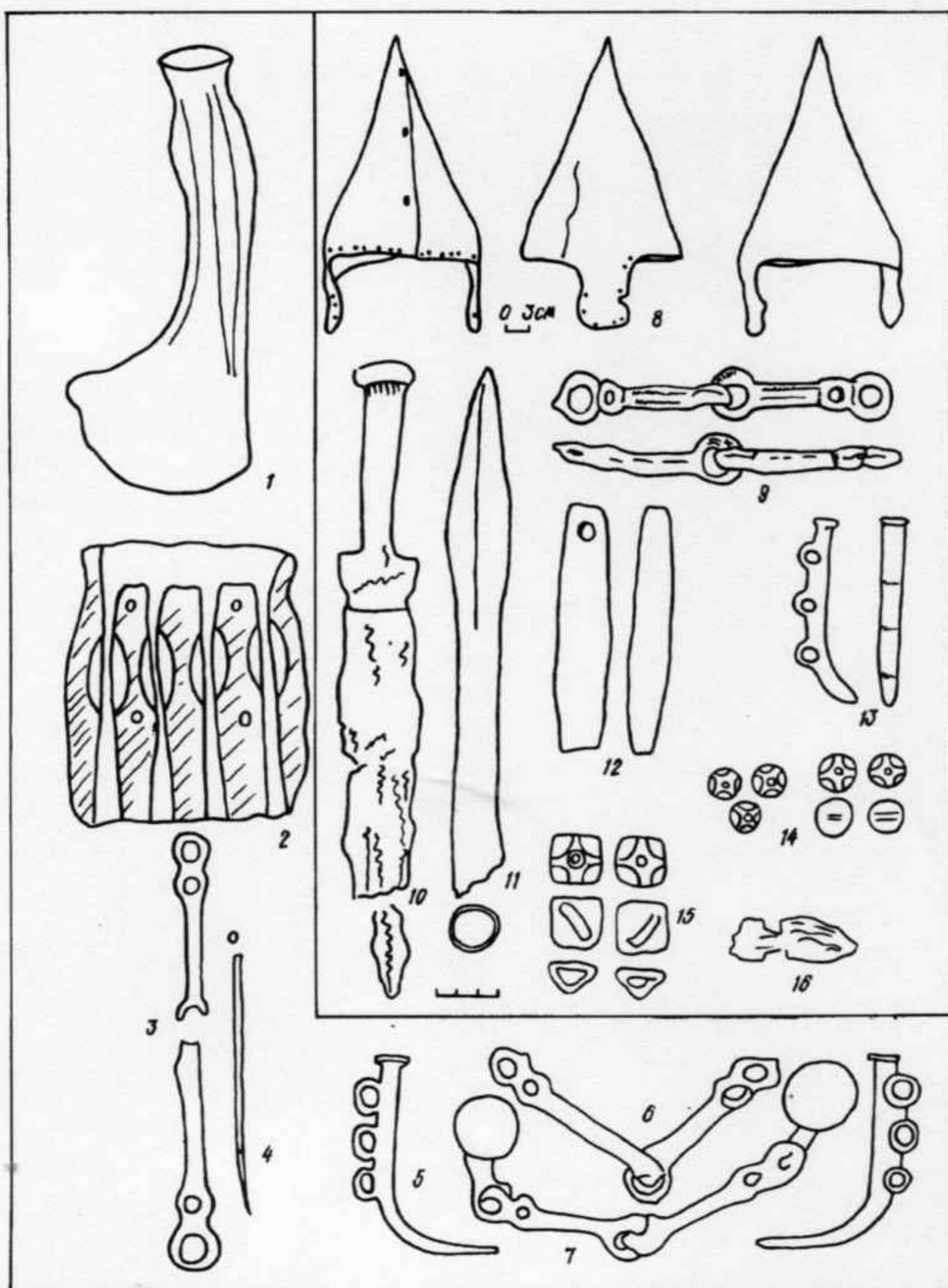

Рис. 28. Комплексы киммерийского времени: Новочеркасский клад (1—7); погребение № 186 могильника Клинь-Яр (8—16).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДУ — Археологічні дослідження на Україні
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник
Государственного Эрмитажа
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии
ГИМ — Государственный исторический музей
ИАК — Известия Археологической комиссии
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института
археологии АН УССР
МИА — Материалы и исследования по археологии
СССР
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии
Национальной Академии наук Украины
НМИ Украины — Национальный музей истории Украины
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПСА — Проблемы скифской археологии
РА — Российская археология
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
ХГУ — Харьковский государственный
университет
ААС — Acta Archaeologica Carpathica, Kraków
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki

Кулатова И.Н.
**НЕКОТОРЫЕ НАХОДКИ КИММЕРИЙСКОГО ВРЕМЕНИ
 С ТЕРРИТОРИИ ПОЛТАВЩИНЫ**

Источниковедческая база изучения древностей киммерийского времени на территории Днепроовского Лесостепного Левобережья Украины постоянно пополняется в результате работ археологических экспедиций, случайных находок, поступающих в музейные коллекции и т.п.

В предлагаемом читателю приложении к работе С.А.Скорого публикуются отдельные находки, обнаруженные преимущественно в последние годы или распорошенные по музейным собраниям Полтавщины. Их описание дано в алфавитном порядке населенных пунктов области и, безусловно, будет представлять интерес для исследователей, как и дополнять материалы, приведенные автором публикуемого монографического исследования.

**Находки киммерийских вещей
 на поселениях**

1. *С.Васильевка Диканьского района, хут. Трояны* (рр.Гнилая Говтва-Говтва-Псел).

На селище с материалами раннескифского времени площадью до 3,2 га Трояны-1 обнаружен длинновтульчатый бронзовый двухлопастный наконечник стрелы с ромбической головкой, с рельефным поперечным валиком

на втулке у основания пера (рис.1, 1).

Разведки Супруненко А.Б., 1981 г.

Хранится: Полтавский краеведческий музей.

Датировка: VIII - первая половина VII вв. до н.э.

(Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993. — С.62. — Рис.25; Памятники ..., 1985. — С.25. — № 82.)

2. *Пгт.Градизск Глобинского р-на* (р.Днепр).

Случайная находка верхней части биметаллического кинжала в размыве Кременчугского водохранилища среди остатков разновременного поселения эпохи поздней бронзы-раннего железного века в ур.Гардашивка.

Кинжал имеет бронзовое прямое брусковидное навершие, расширенную к середине подпрямоугольную рамочную рукоять с оставленным по длинной оси изделия отверстием и бабочковидное перекрестие, обломок железного клинка со стержнем, вставленным в отверстие рукояти. Навершие украшено полосами прочерченного зигзагообразного орнамента (рис.1, 2). Высота навершия — 1,1 см; его ширина — 6,9 см; толщина — 0,9 см; высота рукояти — 8,7 см; сечение — 2,2х0,7 см; высота перекрестия — 3,3 см; ширина — 7,9 см; толщина — 1,9 см; ширина лезвия клинка — 4,3 см; общая длина обломка — 14,8 см.

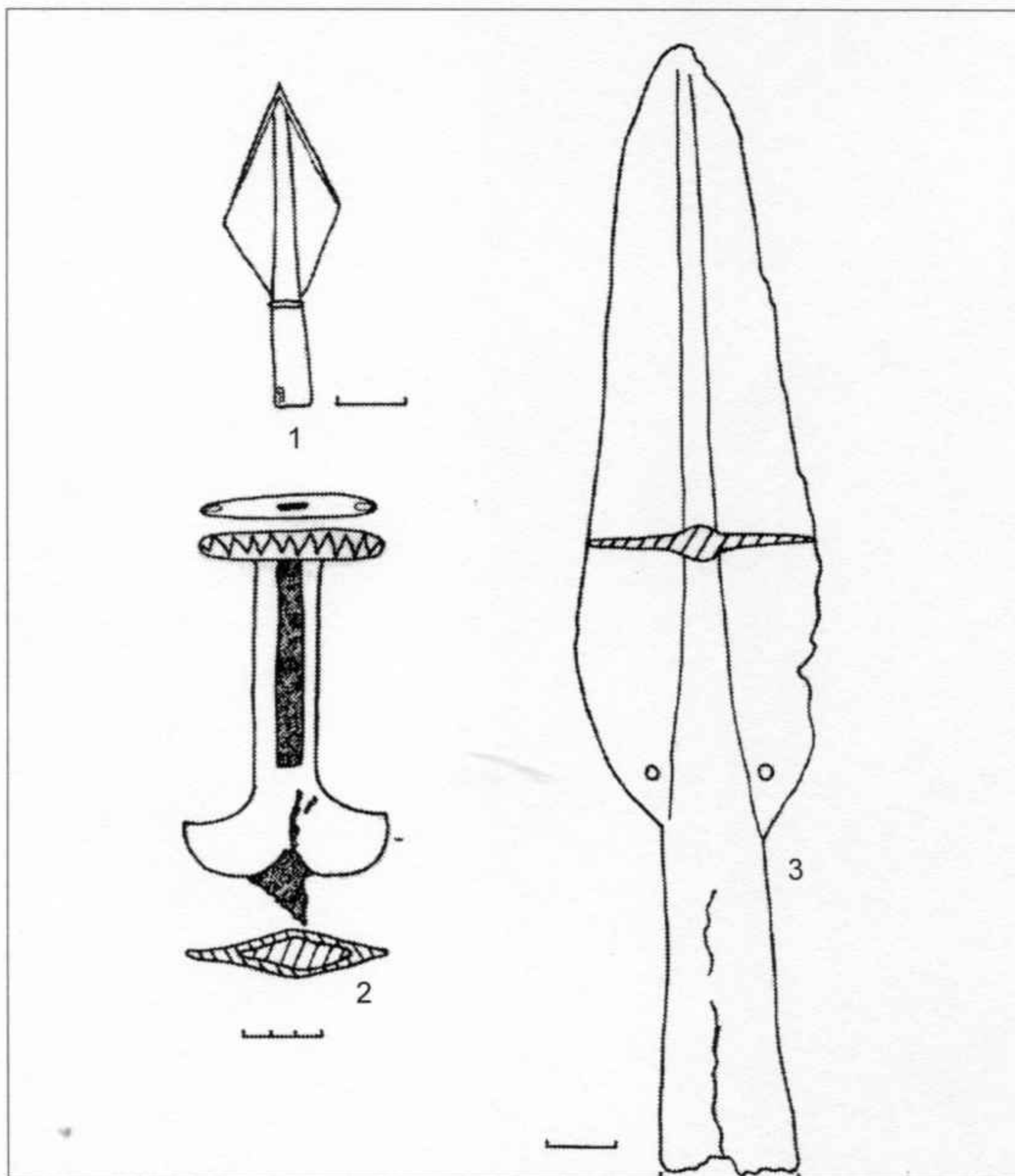

Рис.1. Полтавская область. Предметы вооружения.

1 - Трояны, 2 - Градижск, 3 - Михновцы.

1 - бронза, 2 - бронза, железо, 3 - железо.

Кинжал относится к переходным формам вооружения конца киммерийской эпохи - начала периода скифской архаики.

Находка А.Б.Порубая, 1989 г.

Хранится: Кременчугский историко-краеведческий музей.

Датировка: конец VIII - первая половина VII вв. до н.э.

(Кулатова, 1994. — С.109-111. — Рис.1.)

3.С.Макуховка Полтавского р-на, ур. Белая Гора (рр.Коломак-Ворскла). На известном разновременном поселении эпохи позднего неолита, энеолита, ранней, средней и поздней бронзы, скифского времени и черняховской культуры И.А.Зарецким в 1884 г. обнаружены бронзовые длинновтульчатые наконечники стрел Новочеркасского типа с ромбовидной головкой. 2 экз.

Сборы И.А.Зарецкого, 1884 г.

Хранятся: в депаспортизованном состоянии в Полтавском краеведческом музее.

Датировка: конец VIII - первая половина VII вв. до н.э.

(Кулатова, Супруненко, 1990. — С.42. — Рис.1, 6.)

4.С.Солошино Кобелякского р-на, ур.Солошино-Колбны (р.Днепр). На поселении эпохи средней-поздней бронзы и раннего железного века обнаружен кубок жаботинского типа с высокой шейкой и округлым туловом, с ямкой на дне. Украшен широкой полосой прочерченного орнамента, разделенного косыми линиями на геометрические фигуры — большие и малые треуголь-

ники, заштрихованные по-разному, которые чередуются с незаштрихованными полосами и треугольниками. Резной орнамент инкрустирован белой пастой, поверхность сосуда имеет серо-черное лощение. Высота — 9,5 см, диаметр венчика — 9,0 см, корпуса — 11,5 см.

Разведки А.Б.Супруненко, 1983 г.

Хранится: Полтавский краеведческий музей.

Датировка: первая половина VII вв. до н.э.

(Памятники., 1985. — С.25. — №81; Супруненко, Телегін, Тітова, 1989. — С.134-135. — Рис.3, 2.)

Случайные находки киммерийских вещей и изделий кавказского производства

5.С.Вовчик Лубенского р-на (р.Сула).

В окрестностях села обнаружен длинновтульчатый бронзовый наконечник стрелы с ромбической головкой Новочеркасского типа.

Случайная находка, 1973 г.

Хранится: Вовчикский народный музей истории села.

Датировка: первая половина VII вв. до н.э.

(Кулатова, 1989. — С.56. — Рис.8, 8.)

6.О-в Жовнинский Семеновского р-на (р.Днепр). Случайная находка в размыве берега Кременчугского водохранилища скульптурной антропоморфной бронзовой подвески кобанского типа в виде фигурки обнаженной подбоchenившейся женщины, с небольшим

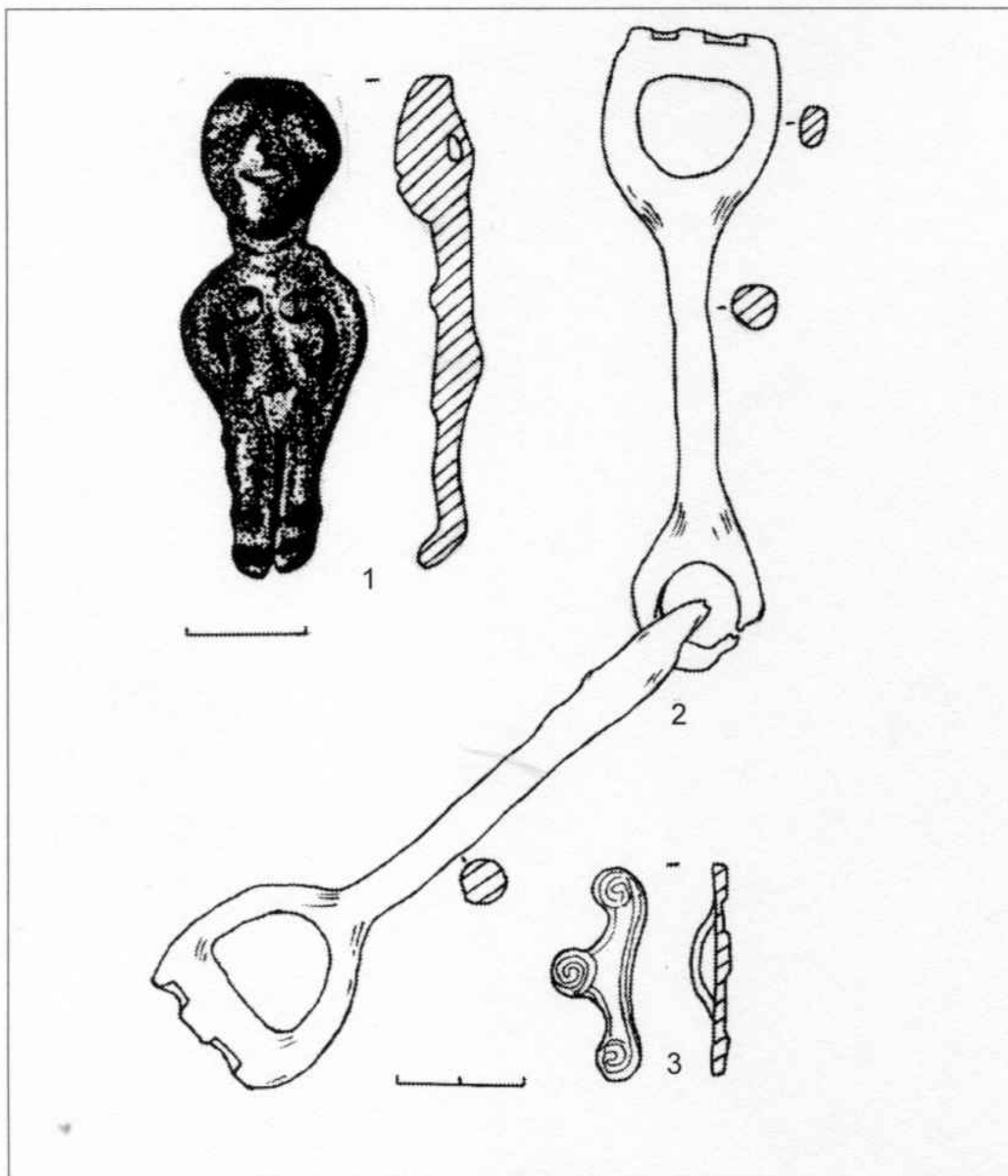

Рис.2. Полтавская область. Изделия из бронзы:
1 - Жовнинский о-в, 2 - Мозолиевка, 3 - Пронозовка.

ушком сзади для подвешивания (рис.2, 1). Высота — 4,9 см, ширина — 1,6 см, толщина — до 0,9 см.

Находка В.Л.Тараненко, 1991 г.

Хранится: Кременчугский историко-краеведческий музей.

Датировка: вторая половина VIII - начало VII вв. до н.э.

(Кулатова, 1991. — С.86; 1992. — С.105-107. — Рис.)

7.С.Михновцы Лубенского р-на (рр.Слепород-Сула). Случайная находка на плато высокого берега железного массивного наконечника копья с частично обломанной втулкой, широким пером слабо выраженной остролистной формы с ребром, наличием двух небольших отверстий в нижней части пера (рис. 1, 3). Длина фрагмента наконечника — 17,6 см, ширина пера — 3,6 см.

Находка 1960-х гг.

Хранится: Лубенский краеведческий музей.

Датировка: конец VIII - начало VII вв. до н.э.

8.С.Мозолиевка Глобинского р-на (р.Днепр). Случайная находка “раннескифских” двусоставных стремячковых бронзовых удил с выделением подножки “стремлячка” уступами (рис.2, 2). Длина удил — 19,2 см, длина звена — 11,6 см, ширина подножки — 2,8 см.

Находка 1993 г.

Хранится: Кременчугский историко-краеведческий музей.

Датировка: первая половина - середина VII в. до н.э.

(Кракало, Кулатова, 1996. — С.380. — Рис.)

9.С.Оболонь Семеновского р-на (р.Днепр). Находка сверленого полированного цилиндрического каменного молотка, изготовленного из розового кварцита и сверленного сверху на конус (рис.3). Длина — 14,8 см, ширина и высота — 4,6 см, диаметр отверстия — 1,8 см. Вес 340 г.

Случайная находка, 1963 г.

Хранится: Миргородский краеведческий музей.

(Мокляк, Супруненко, 1991. — С.54-55. — Рис.3, 2.)

10.С.Пронозовка Глобинского р-на (р.Днепр). Находка небольшой литой бронзовой бляшки от упряжи в форме лунницы, с тремя круглыми выступами на концах и на вершине, украшенными рельефными спиральными завитками (рис.2, 3). С обратной стороны плоской бляшки — ушко для крепления. Длина — 3,2 см, ширина — 0,8 см, высота петли — 0,9 см.

Случайная находка в размыве водохранилища, 1980 г.

Хранится: Полтавский краеведческий музей.

Датировка: конец VIII - начало VII вв. до н.э.

(Кракало, Кулатова, 1996. — С.380. — Рис., 1)

Анализ местонахождения находок киммерийского времени на Полтавщине в целом очерчивает ареал, близкий к степным районам вдоль левого берега Днепра, левобережья Ворсклы и участков степи водораздела Сулы и Псла.

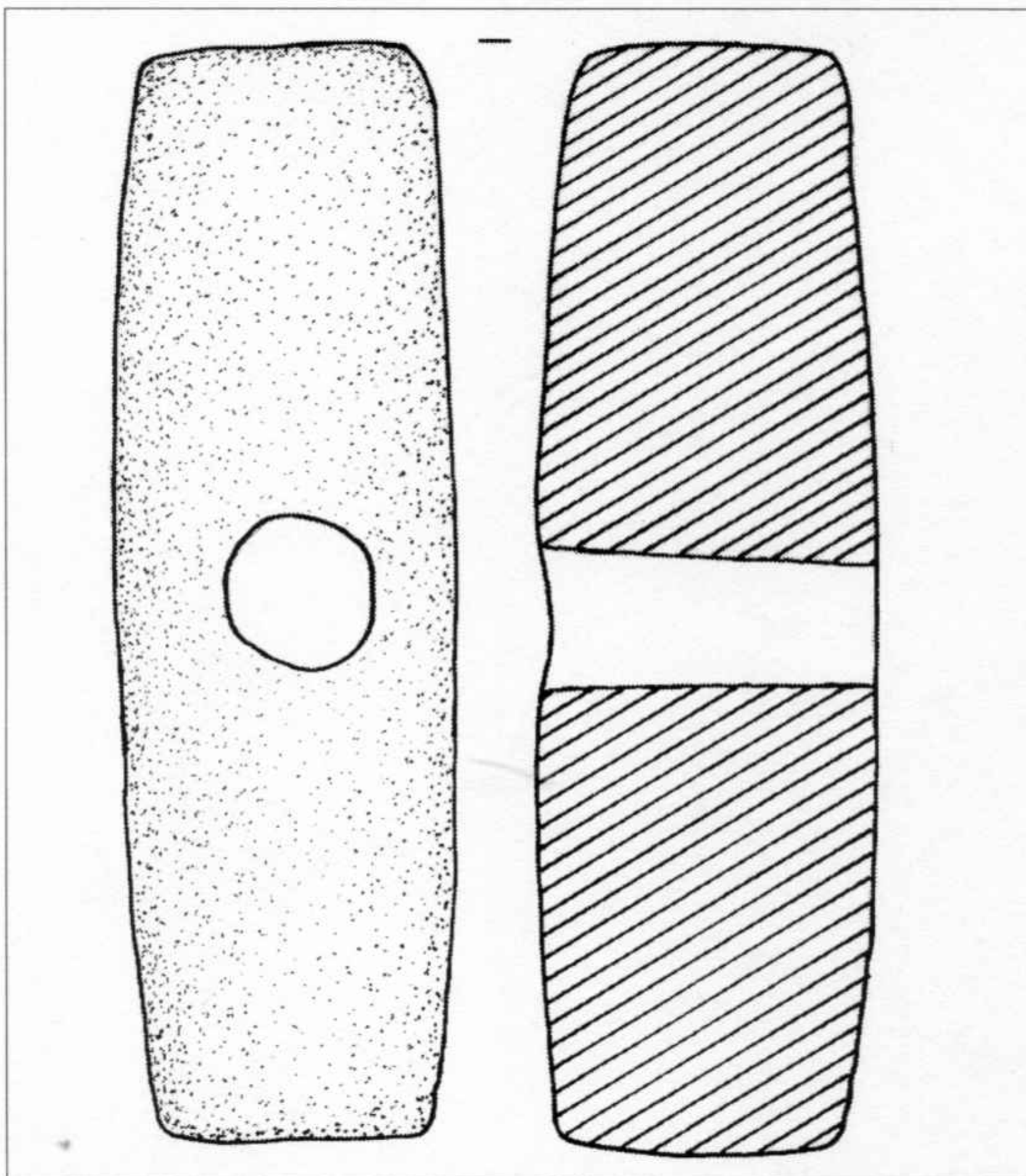

Рис.3. Полтавская область. Кварцитовый молот из с.Оболонь.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

Кракало І.В., Кулатова І.М. Знахідки деталей кінської вузди з лівого берега Дніпра на Полтавщині // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. — Полтава: Археологія, 1996. — С.380.

Кулатова І.М. Біметалевий кинджал з Градизька // Полтавський археологічний збірник. — Полтава: Полт.літератор, 1994. — Ч.2. — С.109-111.

Кулатова І.М. Кобанська скульптурна фігурка з Жовніного // Археологічний збірник Полтавського краєзнавчого музею. — Полтава, 1992. — Вип.1. — С.105-107.

Кулатова І. Кобанська статуетка... у Подніпров'ї // Наука і суспільство. — К., 1991. — №7. — С.86.

Кулатова І.Н. Разведки в Лубенском районе Полтавской области // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Второй обл. науч.-практ. семинар. — Полтава, 1989. — С.55-58.

Кулатова І.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. — М., Полтава, 1993. — 108 с.

Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Археологічні дослідження І.А.Зарецького в Полтаві // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини: Третій обл. наук.-практ. семінар. — Полтава, 1990. — С.41-47. — Рис.1, 2.

Мокляк В.О., Супруненко О.Б. Археологічні матеріали у зібранні Миргородського краєзнавчого музею // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею: М-ли ювіл. наук. конф. — Археологія Полтавщини. — Полтава, 1991. — Ч.2. — С.51-56.

Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины: Каталог выставки. — Полтава, 1985. — 64 с.

Супруненко О.Б., Телегін Д.Я., Тітова О.М. Із робіт експедиції "Славутич" на Середньому Дніпрі // Археологія. — К., 1989. — №2. — С.131-136.

Научное издание

СКОРЫЙ Сергей Анатольевич

КИММЕРИЙЦЫ В УКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Приложение
КУЛАТОВА Ирина Николаевна

Отв. за выпуск *А.Б.Супруненко*
Художественный редактор *И.П.Савицкая*
Технический редактор *Т.С.Березняк*
Корректоры *Е.В.Кравченко, Л.К.Филоненко*
Компьютерный набор и верстка *А.В.Титков*

Оригинал-макет изготовлен в издательстве "Киевской Академии Евробизнеса"
252025, Киев, Владимирская, 3
и Издательском центре "Археология" Центра охраны и исследований памятников археологии управления
культуры Полтавской облгосадминистрации
314011, Полтава, Комсомольская, 37

Сдано в набор 12.07.94. Подписано в печать 26.09.96.
Формат 70х80/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл.-печ.л. 10,5. Изд. № 25. Заказ № 2/99.